

Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона

И.И. Бриллиантов

(К 500-летию основания этого монастыря: 1398–1898)

„Места прекрасные, благословенные! На
всяком шагу природа дарит вам здесь
свои возвышенные впечатления, освященные
памятью мужей, угодивших Богу и
засеявшим всю эту землю семенами
духовного просвещения“...

(С.П. Шевырев. Поездка в
Кирилло-Белозерский монастырь)

Белозерскую страну справедливо называют русской Фиваидой на севере. В период расцвета на Руси иноческой жизни, в XIV, XV и XVI веках, пустынные дебри Белаозера привлекают к себе множество иноков, ищущих единения для подвижнической жизни. Среди дремучих лесов, на берегах рек и озер, которыми особенно богата Белозерская страна, одна за другую возникают обители отшельников, становясь в последствии центрами материальной и духовной культуры для дикого края. Во главе всех белозерских обителей стоит знаменитый монастырь преп. Кирилла Белозерского, в июне прошлого 1897 года с разрешения св. Синода торжественно праздновавший свой пятисотлетний юбилей. В настоящем году исполняется пятьсот лет другой белозерской обители хотя и не столь славной, как знаменитая „лавра“ пр. Кирилла, но тесно связанной с нею по своему происхождению, небезызвестной также и в истории отечественной церкви. Это Ферапонтов Богородице-рождественский Мартинианов монастырь, основанный в 15 верстах от Кириллова пр. Ферапонтом, сподвижником и спутником пр. Кирилла и устроенный потом пр. Мартинианом, ближайшим учеником Кирилловым. Ровно сто лет прошло с тех пор, как этот небольшой монастырь закрыт и

обращен в приходскую церковь, но он и теперь привлекает к себе богомольцев почивающими в нем мощами его основателя пр. Мартиниана и интересует любителей родной старины как место заточения знаменитого иерарха русской церкви святейшего патриарха Никона. Желая познакомить читателя с этой древней упраздненной обителью, для которой настоящий год является вдвойне знаменательным, мы прежде всего должны сообщить сведения о жизни ее преподобных основателей. Для этой цели мы последуем изложению древнего рукописного жития XVII века.¹

1. Преподобный Ферапонт

§I

„Любезно начну поведати, яже о святем от начала, рождение и воспитание и прочее пребывание“.

Писатель жития пр. Ферапонта

Происхождение преп. Ферапонта. – Раннее поступление в Симонов монастырь. – Путешествия по разным местам и на Белоозеро. – Пр. Кирилл. – Чудесный голос ему в Симоновом монастыре. – Разговор с преп. Ферапонтом. – Совместное путешествие на Белоозеро. – Основание Кирилло-Белоозерской обители. – Разлука подвижников и основание Ферапонтом своей обители. – Труды и опасности отшельнической жизни на избранном месте.

Основатель Ферапонтова монастыря преп. Ферапонт родился в городе Волоколамске, в семействе боярских детей Поскочиных и крещен был с именем Феодора. С ранних лет он отличался благочестием и пользовался общей любовью не только своих родных, но и всех соседей. Но мир не мог привязать к себе юного Феодора. Рано в его душу запало стремление бежать от житейской суety под тихую сень монастырской обители. И вот однажды он тайно оставил родительский дом и пришел в Симонов монастырь близ Москвы, прося архимандрита и братию принять его в число иноков. Как бы по внушению свыше архимандрит не стал препятствовать желанию пришельца, и юный Феодор был пострижен в иночество с именем Ферапонта. Новоначальный инок был отдан под руководство опытного в духовной жизни старца и, находясь в полном послушании своему руководителю, преуспевал в подвигах иночества. Все свои помыслы и желания он открывал своему старцу и, таким образом, при помощи поста и молитвы с успехом отражал стрелы врага. Скоро своею строгой жизнью, смирением и послушанием инок Ферапонт приобрел расположение всей братии. Недалек он был в грамоте, но этот недостаток книжной мудрости восполнялся его природным здравым умом и душевною добротою.²

Эти качества доставили ему особое доверие архимандрита и братии, которые стали посыпать его с разными поручениями по делам монастыря, для закупки припасов и т. п. Во многих местах пришлось побывать Ферапонту при исполнении подобных поручений монастырского начальства. Бывал он и в далекой стране белозерской, которая представляла собою обширную пустынью, покрытую лесами, озерами и болотами. Любаясь на красоты дикой северной природы, преп. Ферапонт не раз думал о том, как хорошо было бы уединиться здесь для совершенного безмолвия и служения Богу. И он обошел все Белоозеро, желая лучше познакомиться с местоположением понравившейся ему страны.

В это время вблизи Симонова монастыря жил старец Кирилл, известный впоследствии белозерский чудотворец, заветной мыслью которого с давнего времени сделалось стремление к уединению и безмолвию. Ради этой мысли, между прочим, он оставил Симонов монастырь, где был архимандритом и поселился невдалеке от него в бывшей обители Рождества Богородицы (старый Симонов), но и тут не находила себе удовлетворения его жаждавшая новых подвигов душа. Усердно молился он пресв. Богородице, прося устроить его жизнь. И однажды во время молитвы было ему видение. В глубокую ночь перед отходом ко сну Кирилл по обыкновению читал акафист Божией Матери и когда дошел до места: „странное убо рождество видевше, устранимся мира и ум на небо приложим“, то вдруг услышал голос: «Кирилл, иди отсюда на Белоозеро, там уготовано тебе место, где ты можешь спастись». Вместе с тем яркий свет заблистал в келлии. Открыв оконце кельи, Кирилл увидел сияние на северной стороне неба по направлению к Белоозеру. Исполненный радости, Кирилл бодрствовал до утра, размышляя о чудном видении, и эта знаменательная ночь была для него светлым днем.

Немного времени спустя после этого видения посетил преп. Кирилла Ферапонт, который был ему сверстником по летам и вместе с ним принял пострижение. «Есть ли, возлюбленный, места на Белеозере, где можно было бы безмолвствовать иноку», начал спрашивать гостя преп. Кирилл. «Весьма много

там таких мест, отче», отвечал преп. Ферапонт на расспросы своего друга о знакомой ему Белозерской стране. Но ничего еще не сказал тогда преп. Кирилл о бывшем ему чудесном указании свыше.

Вскоре оба друга согласились вместе оставить Симонов монастырь и идти на Белоозеро. Много дней были они в пути прежде чем достигли этой новой обетованной Кириллу земли. Но вот они на Белоозере. Под руководством своего опытного спутника пр. Кирилл осматривает места обширной белозерской пустыни. Много мест обошли они. Ни одно не нравится пр. Кириллу: он ищет того места, которое предносилось его взору в чудном видении. Наконец путники пришли на один холм, с трех сторон окруженный озерами. Тот час Кирилл узнал здесь место, указанное в видении, остановился и сказал: «се покой мой в век века, здесь поселюсь, как изволила Пречистая. Благословен Господь Бог отныне и до века»!

Отшельники водрузили крест на этом месте и воспели благодарственный канон Богородице. Теперь только открыл преп. Кирилл своему другу о бывшем ему в Симонове видении и таинственном голосе, повелевавшем идти на Белоозеро, на то именно место, которое они теперь нашли. Услышав это преп. Ферапонт не менее своего друга радовался о явленной здесь милости Божией. Снова прославили путники Бога и Пречистую Его Матерь и стали водворяться на избранном ими месте. Простой шалаш из ветвей служил им первоначальным убежищем, потом они выкопали пещеру в холме и начали проводить вместе подвижническую жизнь. Так было положено начало Кирилло-Белозерскому монастырю.

При взгляде на убогую землянку, приютившую двух отшельников, кто мог тогда подумать, что видит перед собой колыбель величайшего монастыря в России!

Но недолго жил здесь преп. Ферапонт. Душа его жаждала новых подвигов и стремилась изведать полного безмолвия и уединения. Во время своих странствий по белозерской пустыне он уже наметил себе место, которое ему очень понравилось; туда теперь хотел он уединиться для своих подвигов. Он

открывает о своем желании своему сподвижнику, с которым привык о всем советоваться, и просит у него совета.

– Есть у меня, отче, одно желание и не дает оно мне покоя: хочется мне идти на другое место и безмолвствовать отдельно.

– Если будет на то воля Господня, то можешь исполнить это желание, брат мой, – отвечал ему преп. Кирилл.

– Есть одно местечко, отче, продолжал Ферапонт, недалеко отсюда, верст 15 или немного больше. Там я хочу поселиться, если Богу будет угодно. Но Бога ради, прошу тебя, чтобы ты не обиделся на меня за то, что я разлучаюсь с тобою.

– Воля Божия да будет во в сем, брат мой, – сказал ему на это пр. Кирилл.

Друзья с любовью расстались, согласившись молиться друг о друге и по прежнему обо всем советоваться между собой. Преп. Кирилл остался на избранном им месте, а Ферапонт удалился от него на 15 верст к северо-востоку. Здесь он остановился на месте, которое уже прежде привлекло его внимание своей замечательной красотою. Оно находилось на возвышении между двух озер, лежавших одно выше другого на расстоянии полета стрелы, пущенной из лука.³ На этом то прекрасном месте поселился преп. Ферапонт, очевидно обладавший душою чуткою к красотам природы. Он поставил здесь небольшую келью и, расчистив место вокруг, обнес его оградой. Вскоре он пришел к преп. Кириллу и рассказал ему, где и как он поселился. Пр. Кирилл похвалил место, избранное Ферапонтом и благословил его безмолвствовать там.

Ободренный советами и благословением почитаемого друга, вернулся пр. Ферапонт к своей одиноко стоявшей в глухом лесу келейке и принялся за устройство своего места жительства. Многих трудов стоила ему борьба с суровой северной природой. Постепенно расчищал он место вокруг кельи, вырубая стоявший кругом непроходимый лес. Собирая хворост в одно место, он подготавлял землю к посеву, чтобы промыслить себе пропитание в этой скучной стране⁴. Так в постоянных трудах и молитве проходила жизнь преподобного.

Страшна и неуютна была жизнь отшельника в глухом месте, много страха и беспокойств испытал преподобный и днем и

ночью. В лесу жило много зверей, рев которых раздавался по ночам вокруг одинокой кельи. Но еще больше беспокойства причиняли преподобному разбойники, укрывавшиеся в лесах, где то неподалеку от его обители. Много раз приходили они к святому, требовали от него имущества и грозили смертью, если он не уйдет отсюда. Преподобный терпеливо переносил эти нападки, пока наконец разбойники не оставили его в покое, видя, что у него нет ничего.

§II

„Таже по сих начаша приходити к святыму мнози отвсюду – овии пользы ради, инии же хотяху сожительствовати с ним“.

Рук. житие пр. Ферапонта

Возникновение иноческой общины в обители пр. Ферапонта.

– Постройка церкви. – Прибытие священно-инока. – Первое пострижение. – Иноческая жизнь в новой обители. – Процветание обители. – Милости Можайского князя. – Княжеский наместник в Ферапонтовой обители. – Вызов преподобного в Можайск. – Невольная разлука с обителю. – Преподобный у Можайского князя. – Основание Лужецкого монастыря.

Но вот святой уже не один в своей пустыне. К нему начинают приходить люди, подобно ему искающие уединения от мира и спасения души. Они умоляют преп. Ферапонта позволить им остаться у него, чтобы спасаться под его руководством. Преподобный не в силах отказать их просьбе, и вот рядом с его кельей возникают одна за другую кельи поселившихся с ним братий. Число пришедших иноков постепенно возрастает: вот уже их 10, 15 и более. Новообразованной общине иноков необходим храм для молитвенных собраний. По просьбе братии, Ферапонт, испросив совет и благословение святителя (Белоозеро относилось тогда к Ростовской епархии), приступает к постройке деревянной церкви в честь Рождества Пресв. Богородицы и, устроив ее, снабжает необходимой утварью и книгами.

На первых порах не всегда было можно совершать литургию в новоустроенном храме, так как в числе братии не было ни одного иерея. Но вот пришел однажды в обитель священномонах и с радостью принял его Ферапонт, благодаря Бога за устройство своей обители.

Этим священномонахом совершено было и первое пострижение в новой обители. Первым постриженником ее был крестьянин ближней веси, который был пострижен с именем Григория и, будучи искусным рыболовом, обильно снабжал братию рыбой.

Сам преп. Ферапонт подавал братии пример неустанного труда. С топором и лопатой выходил он из своей кельи на работу и трудился целый день, а нередко случалось, что целые ночи он проводил без сна в молитве и подвигах.⁵ Словом, и примером наставляя братию иноческому житию, он сам в свою очередь пользовался советами и наставлениями преп. Кирилла, которого часто навещал из своей обители для духовной беседы. Поэтому порядки иноческой жизни, которые заводил в своей обители преп. Ферапонт, были те самые, что заповеданы были в уставе преп. Кирилла.⁶ Все иноки должны были вкушать пищу только в трапезе и в урочное время. Исключение делалось только для больных и престарелых. В келлиях ничего не позволялось держать, кроме икон, книг и орудий, необходимых для рукоделий. Житие рисует картину жизни иноков в Ферапонтов монастыре. Пребывание в церкви «на соборном пении», чередуется у них с посильным и разнообразным трудом всех и каждого на пользу общую. Одни пишут книги, другие учатся грамоте, третья плетут сети, кто строит кельи, кто работает в поварне и хлебне⁷. Житие замечает, что все делалось тогда руками самих иноков и не держали еще в монастыре «мирская чади» для исправления работ.

Между тем монастырек начинает приобретать известность. Из ближних и дальних городов начинают приходить сюда для пользы душевной не только простые люди, но и бояре. Многие посыпают в новый монастырь милостыни «на церковное устроение, свечи и воск, фимиан и братии в упокоение». Эти приношения христолюбцев способствуют благоустройству монастыря. Сюда начинают приходить из дальних стран и монастырей «певцы церковные и служебники всякого чина». Вокруг церкви возникают новые кельи «двоекровны и трикровны и великий покой бяше братии», замечает житие.

Радовался преп. Ферапонт, видя процветание своей обители, и со свойственным ему смирением говорил братии: «отцы и братия, не я оградил святое место сие, но пречистая Богородица; она направит нас на полезное и заступит от всех бед». По своему смирению он уклонился от игуменства в

основанной им обители. Игуменом был избран другой старец, но житие не называет его по имени.

Дошел слух о возникновении новой обители и до князя Андрея Димитриевича Можайского, вотчиной которого была тогда белозерская страна. Благочестивый князь весьма рад был устройству обители в его вотчине. Охотно предоставил он инокам пользоваться окружающей землей, озерами и реками. Послав в монастырь щедрую милостыню на церковное строение и монастырские нужды, он в особом послании просил преп. Ферапонта и братию молиться по нему.

Скоро князю Андрею представился случай ближе узнать преп. Ферапонта. Однажды случилось быть в Ферапонтовой обители боярину, который был наместником князя на Белеозере. Боярин посетил преп. Ферапонта и беседовал с ним. Кроткий и смиренный образ преподобного старца, его назидательные речи произвели глубокое впечатление на боярина. Вернувшись к князю, он сообщил ему о своем посещении Ферапонтовой обители и о том впечатлении, какое он вынес из беседы с преподобным старцем. Возблагодарил Бога благочестивый князь и еще более стал почитать преп. Ферапонта.

Благотворя обителям Кирилловой и Ферапонтовой, возникшим в далекой белозерской вотчине, князь взымел благочестивое намерение устроить монастырь близь своего города. Стал он искать опытного инока, которому бы можно было поручить это дело. Долго не находил он способного к этому делу инока. Наконец, после совещания с боярами, князь пришел к мысли, что никто другой не может лучше исполнить его план, как преп. Ферапонт, успешно устроивший обитель на Белоозере.

Решившись вызвать к себе преп. Ферапонта, князь прежде всего посыпает в его обитель дары и щедрую милостыню, не сообщая пока преподобному о своем желании. Спустя немного времени, князь посыпает к преподобному одного из своих служилых людей с посланием, в котором усердно приглашает старца к себе в Можайск, так как он, князь, хочет принять от него благословение, и побеседовать наедине об одном важном деле.

Получив это послание, преподобный старец был немало смущен и не знал, что ответить посланному князю. Созвав к себе

всю братию и сообщив ей о послании князя, он просил совета, как поступить ему в этом случае. Братия советовала ему исполнить желание князя, дабы не оскорбить его отказом, тем более, что он благодетель монастыря, да и самий монастырь стоит на его земле.

„Воля Господня да будет о всем“, сказал преподобный, выслушав совет братии, и призвав княжеского посланца, начал говорить ему: „какое же дело может быть у великого князя до меня, нищего и худого чернеца? Мы чернецы должны молиться Богу за князей, а не шататься по миру на позор и осуждение мирским людям“... Посланный, упав на колени, умолял преп. Ферапонта исполнить волю князя, говоря, что ему не велено возвращаться иначе, как в сопровождении преподобного. Уступил преп. Ферапонт просьбам братии и посланца и прослезившись снова сказал: «да будет воля Господня».

Через несколько дней преподобный Ферапонт собрался в путь. Отпев молебен Спасу и пресв. Богородице и наказав братии заботиться о церкви и обители, он отправился в Можайск в сопровождении княжеского посланного и одного из своих иноков. Не знал еще тогда преподобный, что ему не суждено более вернуться в свою обитель.

С великой честью встретил князь Андрей пришедшего к нему святого старца. „Бог да воздаст тебе, отче, за твою любовь к нам“, говорил обрадованный князь. Он почтил дорогого гостя трапезой и упокоил его в приготовленном ему помещении. Дав старцу отдохнуть с дороги, князь стал расспрашивать его о своей белозерской вотчине и об устроении там обителей пресв. Богородицы (Кирилловой и Ферапонтовой). В беседе с пр. Ферапонтом князь лично убедился в справедливости того, что ему приходилось слышать раньше о достоинствах святого старца. „Знаешь ли, отче, сказал он старцу, зачем я призвал тебя“, и в ответ на выраженное старцем недоумение, продолжал: «есть у меня одно намерение, отче, и я открою его тебе, но молю твою святость, исполни то, о чем я тебя попрошу». «Что могу, сделать для тебя, государь, я, худой и грешный чернец», со смиренiem возразил преподобный.

Тогда князь, посадив старца подле себя, начал просить его, чтобы он устроил обитель близ его города. Смиренный старец всячески старался отклонить от себя это поручение князя, ссылаясь на свое недостоинство и немощи. Он умолял князя отпустить его на Белоозеро в свой монастырь, чтобы докончить его устройство.

Но князь уже решил не отпускать от себя так понравившегося ему старца.

«Лучше для меня все потерять, нежели расстаться с тобою, отче, сказал он преподобному. А о монастыре своем ты не тужи. Забота о нем – на моей душе. Я и дети мои всегда будем иметь о нем попечение. Только ты останься с нами и исполни мое желание, устрой мне дом Пречистой».

Все просьбы старца отпустить его на Белоозеро были напрасны. Чем больше преподобный отказывался от возлагаемого на него поручения, тем настойчивее упрашивал его князь. Наконец преп. Ферапонт должен был подчиниться непреклонной воле властелина. Радовался князь, получив согласие преподобного, и вскоре предложил ему выбрать место для основания обители. Преп. Ферапонт выбрал красивое место на берегу реки Москвы на расстоянии одной версты от Можайска. Пришел сюда и сам князь и похвалил выбор преподобного.

На этом месте при щедром содействии князя пр. Ферапонт основал монастырь, получивший название Лужецкого – («в лужках») от лугов, раскинувшихся около него по берегам реки Москвы. Церковь в ней была построена во имя Рождества Пресв. Богородицы, по совету пр. Ферапонта, для которого новая обитель заменила собою монастырь, оставленный им на Белоозере. Благодаря заботам князя, успешно шло устроение новой обители; скоро в ней был избран игумен, а потом учреждено архимандритство. Преподобный Ферапонт, как строитель монастыря, пользовался большим почетом у князя. Пребывая в постоянных трудах, он дожил до глубокой старости и скончался 27 Мая 1426 года, годом раньше своего друга и собеседника, преп. Кирилла Белозерского. В Лужецком монастыре доныне почивают его мощи.

По словам жития, преп. Ферапонт до самой смерти не переставал печалиться об оставленной им на Белеозере обители и молился Богу «дабы не запустело местцо то и чин бы монастырский укрепился в нем по уставу святых отец»⁸. И еще целых четыре века существовала его любимая обитель, прежде чем сто лет тому назад пробил для нее последний час.

2. Преподобный Мартиниан

§III

Сей же блаженный Мартиниан, Богом приведен в него (пр. Феропонта) место, к нам прииде, и вселися в достояние его, аки наследник некий или брат по плоти бяше, прилепися желанно.

Рукоп. житие п. Мартиниана.

Место рождения пр. Мартиниана. – Отрок Михаил у пр. Кирилла. – Обучение грамоте у монастырского дьяка. – Пострижение. – Школа иноческой жизни под руководством пр. Кирилла. – Кончина пр. наставника. – Удаление пр. Мартиниана на озеро Воже. – Переход в Ферапонтов и избрание в игумены. – Процветание обители под игуменством пр. Мартиниана.

Спустя несколько лет после смерти пр. Ферапонта в Лужецком Можайском монастыре, оставленная им на Белеозере обитель приобрела себе другого опытного руководителя в лице пр. Мартиниана, который довершил устройство ее, начатое преп. Ферапонтом. Говоря о пр. Мартиниане, житие сравнивает его с Иисусом Навином, которого Бог послал древним израильтянам вместо Моисея⁹.

Преп. Мартиниан (в мире Михаил) происходил из крестьян волости Сяма,¹⁰ верстах в 50 от Ферапонтова монастыря. Точнее местом рождения пр. Мартиниана называют деревню Березники, существующую доселе и находящуюся в Вологодском уезде вблизи Сямского Богородицкого монастыря в 60 верстах от Вологды¹¹. Еще в отроческом возрасте Михаил был приведен родственниками к пр. Кириллу в его обитель¹². Житие рассказывает, что отрок Михаил, видя пред собою пр. Кирилла, «аки ангела стояща и разсмотряюща юность его», не знал, что говорить и, в смущении упав к ногам святого, повторял только: «возми меня к себе, господине!». Прозорливый старец, видя благонравие отрока, велел оставить его у себя и вскоре позаботился о его обучении. Уже в то время обитель пр. Кирилла становилась центром книжного просвещения для белозерской страны. Около нея жил дьяк монастырский Алексей Павлов, занимавшийся перепиской книг и обучением детей грамоте¹³.

Ему то поручил отрока пр. Кирилл, наказав блюсти его как зеницу ока. Даровитый отрок удивил своими успехами всех окружающих: тягостный и продолжительный в старину период обучения грамоте для него прошел незаметно как сон¹⁴, и дьяк скоро возвратил отрока пр. Кириллу. Преподобный, заметив любознательность отрока и наклонность его к книжному учению, велел ему продолжать занятия книгами в своем монастыре¹⁵.

Когда он достиг юношеского возраста, пр. Кирилл постриг его с именем Мартиниана и сделал своим учеником, поселив его в своей келлии. Находясь под ближайшим руководством такого великого подвижника, каков был пр. Кирилл, постоянно имея в лице своего наставника живой пример в сех иноческих добродетелей, молодой инок Мартиниан сделался усердным подвижником. Он простер свое усердие до того, что просил своего наставника назначить ему пост «выше трапезного времени», но опытный старец не согласился на это и велел ему вкушать пищу вместе с братиею. Целые ночи проводил юный подвижник на молитве с преподобным учителем и только пред утреней позволял себе небольшой отдых¹⁶. Питая к своему старцу глубокое уважение, он открывал ему свои помыслы всякий раз, когда уныние или леность угрожали овладеть его душой. Радовался пр. Кирилл усердию своего любимого ученика и говорил, что из него будет хороший инок¹⁷.

В те времена для усовершенствования в иноческой жизни считалось необходимым для каждого новоначального инока прохождение низших монастырских служб, работы в хлебне и поварне. С усердием и смирением прошел этот искус пр. Мартиниан. Наконец пр. наставник находит его достаточно опытным в иноческой жизни и благословляет жить в особой келии подобно прочим инокам. Но и здесь бдительный глаз старца следит за каждым шагом молодого инока. Однажды Мартиниан после трапезы зашел в келлию другого брата. Пр. Кирилл тот час заметил ему, зачем он нарушает устав монастырский. «Боюсь, с улыбкой возразил старцу Мартиниан, что когда я войду в свою келью, то уже не в силах буду с ней расстаться, а у меня есть дело к брату». «Сначала иди в свою келью, чтобы сотворить там молитву, отвечал ему строгий

наставник, а потом уже к брату, так как твоя келья тебя всему научит»¹⁸.

По желанию пр. Кирилла искусный в книгах Мартиниан сделан был клириком и в сане диакона служил вместе с преподобным в соборной церкви.¹⁹ Потом он посвящен был в иерея. Как любимый ученик пр. Кирилла, сам отличавшийся примерным усердием и терпением, пр. Мартиниан пользовался уважением и любовию братий Кирилловой обители. Но были среди них и завистники, осуждения и нападки которых терпеливо переносил молодой инок.²⁰

9 июня 1427 года скончался пр. Кирилл. Схоронив своего учителя, пр. Мартиниан начал подвизаться еще усерднее, храня в сердце наставления и примеры почившего угодника. Не малое время пробыл он таким образом в Кирилловой обители. И вот после всех подвигов явилось у него желание удалиться в особое место для уединения и безмолвия. Помолившись Богу и пр. Богородице и поклонившись гробу своего наставника, пр. Мартиниан оставил Кириллову обитель и удалился на 100 верст от нее к с.-в. На озеро Воже (иначе Чарондское). Здесь он поселился на одном пустынном острове, представлявшем удобства для отшельнической жизни. Но вскоре стали приходить сюда другие иноки и на пустынном острове возникла небольшая иноческая община, для которой пр. Мартиниан построил церковь во имя Преображения Господня.²¹

Однажды пр. Мартиниан пришел помолиться в Ферапонтов монастырь. Игумен и братия, уважая в нем достойного ученика пр. Кирилла, стали просить его остаться жить в их монастыре. Пр. Мартиниан, видя их любовь к себе, не отверг их просьбы, ответив, что, если Богу будет угодно, то он поселится у них. Возвратившись после этого «в свою пустынью» пр. Мартиниан, по рассказу жития, провел там еще «не малое время», в течение которого увеличилось число поселившихся с ним братий.

Видя, что основанная им обитель, благодаря прилежанию иноков, может существовать и без его руководства, пр. Мартиниан с согласия братии перешел от них в Ферапонтову обитель²², исполняя обещание, данное им Ферапонтовским инокам. С великой честию игумен и братия приняли пришедшего

к ним подвижника, который при своем смирении давал высокий пример иноческой жизни и приобрел всеобщую любовь и уважение. Вскоре не стало в монастыре игумена²³, и братия приступила к пр. Мартиниану с просьбой занять его место. Долго отказывался пр. Мартиниан от игуменства, но наконец уступил усиленным просьбам всей братии. Избрав пр. Мартиниана в игумена, братия отправляет его в Можайск, чтобы князь утвердил его избрание. Князь²⁴, еще раньше знавший пр. Мартиниана, с радостью исполнил желание братии, – утвердил пр. Мартиниана на игуменстве особою грамотою и, дав милостыню на монастырь, с честью отпустил его, обещав вперед иметь попечение о его обители.²⁵

Сделавшись игуменом Ферапонтова монастыря, пр. Мартиниан ревностно занялся его устройством, в строгом соответствии уставу своего наставника пр. Кирилла²⁶. Слух о новом игумене, строгом блюстителе заветов пр. Кирилла, привлек в Ферапонтов много братий, искавших истинной иноческой жизни²⁷. Около 12 лет был пр. Мартиниан игуменом Ферапонтовой обители²⁸ и много успел сделать для ее внешнего и внутреннего благоустройства. «Многа же добра сотвори монастырю тому блаженный Мартиниан, говорит житие; распространя и укрепив славу Божию»²⁹. Поэтому Ферапонтов монастырь в старину нередко назывался по имени своего строителя «мартемьяновым монастырем»³⁰.

§IV

Наставник показася странам
светом являя божественая повеления,
князя умудряя и вельможа
светлы творя зарями подвиг твоих.
Из рукоп. Службы пр. Мартиниану.

Междоусобия в русской земле. – Посещение Ферапонтова князем Вас. Вас. Темным. – Препод. Мартиниан – игумен Троицко-Сergиева монастыря. – Случай с боярином и мужественное обличение преподобным игуменом великого князя. – Удаление на покой в любимую обитель. – Заботы об ее устройстве. – Последние дни жизни пр. Мартиниана и его блаженная кончина.

Промыслу угодно было, чтобы такой светильник веры и добродетели, как пр. Мартиниан, не оставался «под спудом», но светил всем «на свещнице». И вот смиренный игумен скромной белозерской обители становится вдруг настоятелем знаменитого Троицко-Сergиева монастыря, преемником пр. Сергия, советником князей и бояр. Случилось это при следующих обстоятельствах. В русской земле шли тогда постоянные смуты и междоусобия князей, враждовавших между собою из-за власти. В 1446 году Галицкий князь Димитрий Юрьевич Шемяка, желая завладеть великокняжеским престолом на Москве, неожиданно напал на своего двоюродного брата великого князя Василия Васильевича, когда последний был на богомолье в Сергиеве монастыре, ослепил его, сослал в Углич, а сам занял его престол. Однако вскоре он согласился освободить его оттуда и поселил его со всем семейством в Вологде, взяв с него клятвенное обещание не домогаться возвращения себе престола. Но сочувствие прочих князей, бояр и народа было на стороне изгнанного князя. Против Шемяки началось движение: на помощь злополучному князю стали съезжаться князья и бояре из разных мест русской земли. Ободрился духом великий князь. В число своих сторонников он привлек тверского князя Бориса Александровича, обещав ему женить своего сына на его дочери. Но совесть князя была связана клятвою, которую вынудил у него

Шемяка. И вот прежде чем выступить в поход против соперника, князь отправился из Вологды на богомолье в Кириллов монастырь, где игумен Трифон разрешил его от клятвы и благословил идти на борьбу с похитителем престола. В то же время великий князь заехал и в Ферапонтов монастырь³¹. Преп. Мартиниан с крестом, в сопровождении всей братии, вышел из монастыря на встречу слепцу-князю, с честью принял его в своей обители и, совершив молебное пение, предложил ему трапезу. В беседе с князем пр. игумен ободрял его, советовал смело идти на борьбу с вероломным Шемякой, который сел на великому княжении не Божией волею, но надеясь на свою гордыню. Беседа с пр. Мартинианом вполне успокоила князя, который сразу почувствовал к старцу любовь и уважение. «Отче Мартиниане, сказал он игумену, если будет на мне милосердие Божие и пречистой Богородицы и я твоими молитвами сяду на своем престоле, то я обезпечу (упокою) монастырь твой и тебя приближу к себе». Взяв благословение от преподобного и одарив монастырь милостьюнею «елико сила можаше», князь отправился в поход на Шемяку. Дорогою к нему присоединился тверской князь с войском. Шемяка, стоявший со своим войском в Вышнем Волочке, услышав о приближении союзной рати и видя, как быстро редеют ряды его сторонников, со стыдом бежал в Галич, а оттуда в Новгород, где умер несчастной смертью, отправленный своим поваром.

Возвратив себе великокняжеский престол, князь Василий Васильевич не забыл о ферапонтовском игумене Мартиниане, оказавшем ему нравственную поддержку своими советами. Как раз в это время скончался игумен в Сергиевом монастыре – пятый по пр. Серрги. Великий князь пожелал видеть на его месте пр. Мартиниана и тотчас послал за ним Белоозеро. С неохотой уступил пр. Мартиниан воле князя³² и оставил любимый им Ферапонтов монастырь³³. По прибытии в Москву пр. Мартиниан по воле князя сделан был игуменом Троицко-Сergиева монастыря. Его подпись в звании игумена Сергиева монастыря стоит в числе первых на грамоте (от 29 декабря 1447 года), в которой русские святители угрожали Шемяке отлучением от церкви³⁴. В лице пр. Мартиниана Сергиева обитель получила

редкого по своим качествам игумена, который с юных лет восрос и воспитался в иноческой жизни под ближайшим руководством пр. Кирилла. Наставляя вверенную ему братию словом и примером, пр. Мартиниан был в то же время духовным отцом для великого князя и имел на него большое влияние.

Житие рассказывает об одном случае, из которого видно, что пр. Мартиниан в духе древних подвижников не боялся обличать самого князя в неправых поступках. Один боярин, бывший на службе у великого князя, отошел от него к князю тверскому. Великий князь, дороживший этим боярином, как своим близким советником хотел вернуть его к себе и с этой целью обратился к посредничеству пр. Мартиниана, прося его убедить боярина вернуться в Москву. При этом князь обещал, что он не только ничего худого не сделает боярину за его измену, но даже наградит его. Преп. Мартиниан, положившись на слово князя, убедил боярина вернуться на службу к московскому князю. Но как только боярин явился к своему повелителю, последний не мог сдержать гнева на изменника и, забыв обещание, данное преподобному игумену, тот час приказал заковать в цепи злополучного боярина и посадить в тюрьму. Родственники боярина сообщили об этом пр. Мартиниану. Оскорбился преподобный игумен, узнав о таком поступке князя. Тотчас садится он на коня и приезжает в Москву, во дворец великого князя. Привратники князя докладывают ему о неожиданном прибытии игумена, и князь тотчас велит впустить его. Помолясь Богу, вступает игумен в покой великого князя и, став перед ним, с негодованием начинает говорить. «Так вот как справедливо ты научился судить, самодержавный и великий князь! Почто ты продал грешную душу мою и послал в ад? Почто ты нарушил данное тобою слово и заковал боярина, за которого я поручился душей своей? Да не будет моего благословения на тебе и твоем княжении». Сказав это, он в гневе вышел, сел на коня и, не медля в Москве ни минуты, тотчас вернулся в Сергиев монастырь.

Задумался князь, пораженный смелой речью преподобного игумена. Сознал он свою вину в нарушении данного слова и, убоявшись суда Божия, решил загладить свой проступок. Его

удивила смелость, с какою смиренный до толе игумен открыто и резко обличил его в неправде. Призвав к себе бояр, он, как бы гневаясь, говорит им: «смотрите, бояре, каков этот болотный чернец! Что он сделал со мною? Вдруг пришел ко мне, обличил и лишил Божия благословения»³⁵. В недоумении слушали бояре эту притворно гневную речь властелина.

«Сам я, братия, продолжал уже в другом тоне князь, виноват пред Богом и пред ним, так как нарушил свое слово. Пойдем же к игумену в монастырь, помолимся вместе св. Троице и преп. Сергию, чтобы получить прощение». Тот час он снял опалу с провинившегося боярина, пожаловал ему вотчину и дал ему почетное место на своей службе. После этого он со всеми боярами отправился в Сергиев монастырь. С великой радостью встретил князя пр. Мартиниан, видя его раскаяние. Помолившись у гроба пр. Сергия, князь со смирением просил преподобного игумена о прощении и благословении. С любовью благословил игумен раскаявшегося князя и тронутый его смирением сам просил у него прощения за слишком резко высказанное обличение. После этого случая великий князь еще больше стал уважать преподобного Мартиниана, видя в нем бесстрашного поборника правды.

Восемь лет был пр. Мартиниан игуменом в Сергиевой лавре (1447–1455). К нему уже приближалась старость с ее недугами. Управление обителью, находившейся вблизи столицы, начинало тяготить пр. Мартиниана³⁶. Частые посещения князя и бояр доставляли не мало хлопот старцу, любившему уединение и помнившему слова своего наставника пр. Кирилла о необходимости для инока безмолвия и нестяжания³⁷. Его влекло в белозерские края, в места своих ранних подвигов, и именно в Ферапонтов монастырь. Мысль о любимом монастыре не давала ему покоя. Он всегда скорбел, что многого не успел сделать для его устройства³⁸. По всем этим причинам он решил оставить игуменство в Сергиеве монастыре и удалиться на покой в Ферапонтов монастырь. Не сразу отпустила братия своего игумена: по просьбе иноков пр. Мартиниан оставался у них короткое время, прежде чем расстаться с Троицкой обителью. Наконец, собрав всех иноков, преподобный игумен дал им свое

последнее наставление, затем, помолившись у гроба преп. Сергия, он простился с ними и отправился в путь на Белоозеро³⁹.

Велика была радость иноков скромной Ферапонтовой обители, когда они увидели возвратившегося к ним своего бывшего игумена. Радовался и преподобный своему возвращению в мирную обитель. С любовью благословлял и целовал он братию, раздавая всем подарки, как отец возлюбленным детям. Возвращение преподобного игумена было настоящим праздником для иноков Ферапонтовой обители⁴⁰. Все почитали его как отца и сам игумен уступал ему свое место. Видя такую любовь к себе братии, пр. Мартиниан благодарил Бога и говорил, что по молитвам брата его Ферапонта Господь исполнил его желание возвратиться в любимую обитель. Вскоре игумен и братия стали просить пр. Мартиниана принять на себя попечение об устройстве обители⁴¹. Долго отказывался от строительства пр. Мартиниан, говоря, что для того то он и оставил Сергиеву обитель и пришел к ним, чтобы здесь найти покой и безмолвие для своей старости. Но усиленные просьбы братии заставили его уступить их желанию и принять на себя строительство в обители. Таким образом любвеобильный старец пожертвовал желанным покоем для пользы любимой им обители и на старости лет удивил всех своим усердием и прилежанием⁴².

До конца своей жизни он был руководителем для игуменов и братии Ферапонтова монастыря и, умудренный долгим опытом, давал им указания и советы относительно не только духовной жизни, но и внешнего устройства монастыря⁴³.

В то время, как пр. Мартиниан жил на покое в Ферапонтове, на Белоозеро в Кириллов монастырь прибыл известный писатель житий святых – инок афонской горы Пахомий Серб (Логофет) с поручением от митрополита Феодосия и в. кн. Василия Василиевича – составить житие пр. Кирилла, белозерского чудотворца⁴⁴. Живя в Кириллове, Пахомий собирал на месте сведения о пр. Кирилле от учеников его, оставшихся в живых и лично знавших преподобного игумена. Между прочим, он обращался к пр. Мартиниану, который по его просьбе рассказал ему все, что знал и помнил о своем благоговейно чтимом

наставнике. Рассказы пр. Мартиниана, как ближайшего ученика Кириллова, были особенно ценны для Пахомия и послужили, по его словам, главным источником при написании им жития пр. Кирилла⁴⁵.

Пр. Мартиниан дожил до глубокой старости. Одолеваемый старческими недугами, он был бодр духом и во всей строгости исполняя устав монастырский, продолжал быть во всем примером для братии. Под конец он уже не мог сам ходить в церковь и братия по его просьбе носила его туда или водила под руки⁴⁶. Почувствовав приближение своей кончины, он призвал к себе игумена и братию и в беседе с ними завещевал соблюдать устав монастырский, преданный обители пр. Ферапонтом и им. Произошло трогательное прощание умирающего аввы с братией, получившей от него последнее целование и благословение. Причастившись св. Таин Христовых, пр. Мартиниан преставился ко Господу в воскресенье 12 января 1483 года.

По словам жития, он скончался «в совершенном образе» т. е. в великой схиме и провел в иночестве более семидесяти лет⁴⁷. Отсюда можно заключать, что он жил приблизительно столько же, сколько и наставник его пр. Кирилл, т. е. девяносто лет.

С плачем собирались иноки к телу почившего аввы и с честью погребли его у соборной церкви Рождества Богородицы по правую сторону алтаря.

§V

Мало же нечто и от чудес
святаго и преподобнаго отца
нашего Мартиниана поведати изволихом.

Писатель жития пр. Мартиниана.

Прославление пр. Мартиниана. – Открытие его мощей. – Чудодейственная вода. – Исцеление расслабленного старца Сильвестра. – Исцеления бесноватых женщин. – Бесноватый юноша. – Бесноватый дьяк Симеон. – Исцеление прокаженного юноши. – Канонизация пр. чудотворцев Ферапонта и Мартиниана.

Тридцать лет спустя после кончины пр. Мартиниана Бог прославил его открытием нетленных мощей. Житие рассказывает, при каких обстоятельствах произошло это событие. 6 октября 1512 в Ферапонтове скончался живший здесь на покое Иоасаф, архиепископ Ростовский⁴⁸. Игумен Ферапонтовский Сильвестр с братией решили похоронить владыку на почетном месте вблизи пр. Мартиниана, как ради знатности его происхождения (из рода князей Оболенских), так и потому еще, что он был учеником и постриженником преподобного игумена⁴⁹. Створив молитву «собором», игумен и братия со страхом начали копать землю над гробом преподобного и, когда открыли гроб, то к удивлению увидели, что не только тело преподобного оказалось нетленным, но и одежда, в которой он был погребен, осталась совершенно целою. По замечанию жития, это чудесное нетление было тем удивительнее, что гроб окружен был водою, как это наблюдалось и при открытии мощей пр. Сергия Радонежского⁵⁰. «Игумен же и братия, рассказывает житие, страхом и ужасом многим одержими, не рассудив богодарованного того дара, повелеша из гроба святаго воду испустити. Нецыи же от братий, вземше, железо и провертеша малу скважню и нача вода она тещи на землю и бысть невидима. Нецыи же от братий бяху верою утверждени к святому, взяша от воды тоя в сосуд мал на благословение, такожде и мирстии человецы близ ту сподобиша быти и взяша такожде в сосуды воды тоя»⁵¹.

Писатель жития со слов очевидцев рассказывает о чудесных исцелениях, полученных верующими от этой воды. Старец Ферапонтова монастыря Памва, страдавший тяжким недугом, «верою истинною обдергим к святому, испит от воды той и помаза тело все и здрав бысть от часа того»⁵². Так же чудесно исцелились при помощи этой воды крестьянин соседнего селения Итклы Тарас, болевший водянкою⁵³, и приходский дьяк Губа.⁵⁴ Последний давал эту воду многим больным прихожанам и все получали исцеление. Очевидцы, присутствовавшие при открытии мощей пр. Мартиниана, рассказывали потом писателю жития, что эта чудесная вода не походила на обыкновенную воду, но отличалась особыми свойствами⁵⁵.

Со времени открытия мощей пр. Мартиниана начались совершаться чудеса при его гробе⁵⁶. Старец монастыря Сильвестр, страдавший расслаблением⁵⁷, имея веру к преподобному Мартиниану, ночью приполз из своей находившейся неподалеку кельи к гробу преподобного и со слезами усердно молился угоднику. И вдруг болезнь его исчезла как сон и он стал совершенно здоров. Утром на расспросы удивленной братии он рассказал им о своем чудесном исцелении у гроба преподобного. «Прилучивый же ся ту брат слыша, той мне поведа всю истину», говорит писатель жития⁵⁸.

В житии рассказывается несколько случаев исцеления бесноватых у гроба пр. Мартиниана. Два таких случая сообщены писателю жития священником Кирилловым монастыря Мартинианом, который часто приходил в Ферапонтов и служил там, отбывая свою очередь. Однажды, живя в Ферапонтове, он был приглашен в соседнюю деревню к болящему «поновления ради... понеже не прилучися священник их мирския чади». Совершив требу в крестьянской избе, священноинок Мартиниан, по его рассказу, увидел тут «жену на примосте пещнем седящу и глумы некиа творит беснуясь». На вопрос его, что это за женщина, большой объяснил, что это его дочь, жена Гавриила Крамзы, и что она давно уже беснуется, а с наступлением сумерек становится глухой, немой и слепой. Тогда иеромонах посоветовал привести больную к гробу пр. Мартиниана. Чрез несколько дней муж больной с ее матерью пришли с нею в

Ферапонтов, и привели ее к гробу пр. Мартиниана, а упомянутый иеромонах начал служить молебен Богородице. По прочтении евангелия «начат больная очищатися от недуга своего... и бысть здрава... глаголаше же к нам обратився: се чудотворец, востав из гроба, благословил мя крестом и отъиде»⁵⁹.

Любопытен рассказ об исцелении бесноватой женщины Акулины из селения Суслы, записанный со слов того же инока Мартиниана. Женщина эта давно страдала, будучи одержима нечистым духом. Муж и родственники ее несколько раз водили ее в Кириллов монастырь на праздник чудотворца Кирилла, но пользы от этого не было: «не да чудотворца похуляю, замечает писатель, да не будет, но Богу тако изволшу». Однажды после богослужения в Кириллове больная в сопровождении родных возвращалась домой на другой день Кирилловского праздника. Дорога лежала мимо Ферапонтова монастыря. Лишь только путники поравнялись с монастырскими воротами, как бесноватая начала вопить так страшно, что в первое время все в страхе разбежались. Женщина тоже хотела бежать, гонимая бесом, но ее удержали с помощью монастырских людей. Она громко кричала и повторяла одно и то же: «чернец бьет меня древом». Силой привели ее к гробу чудотворца Мартиниана и инок Мартиниан начал петь молебен Богородице. Бесноватая понемногу начинала успокаиваться, но продолжала повторять те же слова. «Что ты говоришь, спрашивали ее присутствовавшие, ведь никто не бьет тебя?» «Разве вы не видели, отвечала она, что еще за воротами чернец начал бить меня древом, говоря: всегда ходите мимо моих ворот, а меня презираете». «Где же этот чернец, который бьет тебя, мы его не видим», говорили ей присутствовавшие.

«Вот он пошел, отвечала женщина, указывая перстом на гроб святого, вот, и одежда у него черная».

«Мы же познахом, заключает свой рассказ инок Мартиниан, яко в видении преподобного виде, и беса того в ней измучи и отгна»⁶⁰.

Много рассказов о чудесных исцелениях у гроба пр. Мартиниана передавал автору жития священник Симеон, тридцать пять лет служивший при соседней церкви пр. Илии. Он

по неделям отбывал чреду служения в Ферапонтове и был очевидцем некоторых чудес при гробе пр. Мартиниана⁶¹. Вот, что например, он рассказывал писателю жития об исцелении своего племянника юноши Гавриила Никифорова. Юноша этот, из волости великого князя, верстах в 10 от Ферапонтова, был одержим нечистым духом. «По вся дни находя бес давляше его, многы пены тоща и зле разбиваше его и толико облада им, еже не познавати ему отца и мать и всех сродник». Положение больного становилось все хуже и хуже и грозило ему смертью. Соседи и родственники советовали убитым горем родителям свести больного к гробу пр. Мартиниана в Ферапонтов монастырь. Дали знать об опасном положении юноши его дяде Ильинскому священнику Симеону, рассказавшему потом об этом событии. Он тотчас явился и, видя плачевное положение юноши, одобрил совет соседей. Больного положили на телегу и повезли в Ферапонтов, родные ехали вслед за ним. Мать с плачем провожала своего сына, который совсем походил на мертвца с своей безжизненной опустившейся головой и закрытыми глазами⁶². Но как только больного привезли через ворота в монастырь, он открыл глаза и громко проговорил: «ох мне беды! ни мало покоя не дадут кричанием своим». «Стрый же (дядя) его притек со инеми нача вопрошати его, что глаголет, он же к ним отвеша глядаа: «се вон осталися на мосту том многия черны и страшны воплем воздух наполняюще, глаголют: не возите его, уже наш есть; ныне же их никого не вижду». Мы же обрадовахомся о милости Божией и вопрошаом его: «нас знаеши ли». Он же глядаа бяше отвеша: «знаю вас и нарековаа имяна». Больного на руках принесли к гробу преподобного, и монастырский священник начал служить молебен, причем рассказчик-иерей Симеон пел вместо дьяка. Большой понемногу начал приходить в себя и говорить здраво, потом, встав на ноги, начал плакать и молиться, сам полагая на себе крестное знамение. После этого ему предложили в монастыре пищу, он стал есть и пить и ушел из монастыря совершенно здоровым⁶³.

У того же иерея Симеона был родственник (брат) по имени тоже Симеон, служивший дьяком в церкви на Волоку Словинском, верстах в 8 от монастыря. С этим то дьяком

случилось наказание Божие, как это «многажды бывает в человекех, многаго ради пития и объядения. «Вниде бес лют в человека того и начат неистовитися и нелепая глаголати и бити начат всех сущих в дому его и немощно его бяше умирити от многаго злодеяния». Пришлось связать его и сковать ему ноги железными цепями. Немного времени спустя родственники, не в силах будучи выносить его буйство, решились вести его в Ферапонтов монастырь к гробнице пр. Мартиниана. Четверо человек привели его связанного к гробу пр. Мартиниана. Во время молебна бесноватый становился тише, с него сняли веревки и он сам начал молиться. После этого он выздоровел и в течение трех дней приходил к гробнице святого, со слезами благодаря Бога за свое исцеление⁶⁴.

Как о последнем «новоявленном» чуде писатель жития, тоже со слов других,⁶⁵ рассказывает о исцелении юноши Стефана «серебро кузнеца, псковити народом», который заболел проказою: «опроказися рука деснаа ему и бысть толико тяжка, яко железо некое и мало можаше владети ею». Юноша «обумевся» обратился к молитве и «обещася по святым чудотворцем ходити», «но общед многа места и не обрете никоему же пользы».

Пришел он и «в пресловущую лавру святого чудотворца Кирилла, нищим питателя», был и в Ферапонтове у гроба пр. Мартиниана, ходил на Сяму к чудотворной иконе Божией Матери, «от нея же милость многим бывает, с верою приходящим», но все не получал облегчения. Тогда он взял у кого-то иноческие одежды, надел их на себя и снова явился в Кириллов монастырь, прося игумена Афанасия и старцев «дабы его причли стаду Христову». Но игумен не принял его в монастырь по причине проказы, и он, прожив три недели «в странноприемнице вне монастыря со инеми болящими» и видя ухудшение своей болезни, ушел отсюда в Ферапонтов монастырь. Игумен ферапонтовский Гурий, собирался в то время (рождественский пост) в Москву «потреб ради монастырских». По ходатайству братии он принял минимаго инока в свой монастырь «яко иноческая носяща» и поселил его в келью одного из просивших за него иноков. Около 12 недель прожил здесь юноша, а проказа все усиливалась: «рука же его толико

согни, яко не возмощи с ним никому же в келии жити, ни близ его стояти смрада ради бывающего от него». Он уже боялся, что его выгонят из обители, так как обязаный исправлять клиросное послушание⁶⁶ он между тем не мог уже по болезни творить поклонов, а креститься мог только левою рукою. Удрученный скорбию пришел он однажды к гробу пр. Мартиниана⁶⁷ и со слезами начал молиться ему о своем исцелении, давая обет до конца жизни работать в Ферапонтове. После этого он пошел к келарю и старцам и сознавшись им, что со всем не был пострижен, «но тако просто облечеся во иноческий образ приятия ради», просил теперь совершить над ним пострижение. По приказанию келаря и старцев, иерей Симеон постриг его с именем Сергия, но взять его к себе под начал и быть его старцем упорно отказывался. На другой день после пострижения, в воскресенье, юноша пришел к гробу угодника, «аки залог некий имея обещания своего и со многою жалостью и слезами на мнозе молящеся, прилагая и руку свою болящую к раце святаго». И вот ночью в тот же день «воздремавшу ему, и виде, яко некто пришед двиг его и рече: востани и молися, он же от страха возбнув и не виде никого же и ощути лехкость безмерную от сущия ему болезни; бе бо рука его обвита портищем, и толико согни плоть его, яко едина рана от мышц и до перст и в четырех местах кости видетися». Последствия чуда были поразительны: «отпадшу бо портищу яко луб, и се тело явися яко отрочате младу». Все иноки дивились очевидному знамению милости Божией, явленной больному чрез угодника Мартиниана, и рассказали о чуде возвратившемуся из Москвы игумену⁶⁸.

Все приведенные рассказы о чудесах пр. Мартиниана показывают, что как в самом Ферапонтове, так и в его ближайших окрестностях свято чтилась память преподобного игумена. Над гробом его, как мы видели из описания чудес, была устроена «гробница», т. е. нечто в роде крытой палатки или часовни, и там служились молебны, хотя не самому угоднику, а Богородице – Одигитрии. Но благословение высшей церковной власти на празднование памяти пр. Мартиниану, а вместе с ним и пр. Ферапонту, последовало уже в половине XVI века при

митрополите Макарии. В это время в Москве был целый ряд соборов, созывавшихся митрополитом Макарием для установления празднования русским угодникам⁶⁹. Со всей русской земли от местных духовных властей были затребованы сведения о местночтимых подвижниках, их чудесах и прославлении. Полученные сведения рассматривались на соборе, и на основании их собор устанавливал одним святым общецерковное празднование, другим только местное. Этим то розыскам о местных чудотворцах было обязано своим происхождением житие пр. Ферапонта и Мартиниана с описанием чудес последнего. Оно написано было с нарочитой целью представления на собор для канонизации этих двух белозерских подвижников. Писатель жития намекает, что труд его был не вполне добровольный: «не сам сия изволих или начати дерзнух», говорит он⁷⁰. Но труд его не подоспел к собору 1547 года, и по этой причине пр. Ферапонта и Мартиниана не были канонизованы на этом соборе. В самом житии есть запись, уже потом, как это ясно само собою, добавленная к первоначальной редакции, об обстоятельствах канонизации пр. Ферапонта и Мартиниана под особым заглавием: «о благословении митрополита Макария»⁷¹. Эта интересная добавка к житию, сделанная, может быть, самим же автором жития, имеет, так сказать, апологетическую цель – устраниТЬ всякий повод к умалению славы белозерских угодников. Прежде всего автор записи просит читателей не смущаться тем обстоятельством, что имен пр. Ферапонта и Мартиниана нет в грамоте собора 1547 года. «Да не соблазнятся, говорит он, нецыи о сем глаголюще: почто великий святитель Макарий митрополит русская земли не положи в грамотах, иже послал по градом и великим монастырем в лето 7055 (1547) года, в предъименовании царя и великаго князя Иоанна Васильевича и всеа россии⁷², и иже избра и разсуди с того же бяше собора пети и праздновати повеле святых отец по всем церквам великия россии, а сих остави».

Далее автор объясняет, каким образом произошло это упущение. «Но понеже не небрежением сия сотвори святый митрополит, ниже просто яко же прилучися вещь сия. Приехавшу убо игумену тоя обители⁷³, после собора того много дний

минувшим, и жития святых отец Ферапонта и Мартиниана с собою привезшу повеления и благословения господска просити, и вдасть сия в руце святителя. Великий же сия бяше рассмотрев, повеле паки собору быти. И собравшимся к нему в сем святителям первого того собора: Алексию еп. Ростовскому и т. д. (– перечисляются 7 епископов бывших на соборе), и взят книги тыя и повеле пред собою прочести жития святых и чудеса и рассудив в сем тем собором, яко не праведно есть отставити святых, благослови и повеле игумену тоя обители пети и праздновати святых отец с предреченными святыми пр. Ферапонта и Мартиниана и житие их чести на соборе (т. е. в соборной церкви на богослужении) в славу Отца и Сына и Святаго Духа, Вседержителя Бога». Таким образом, пр. Ферапонт и Мартиниан были канонизованы после собора 1547 года, но нельзя сказать точно, когда именно. Дело в том, что точных списков святых, канонизованных макарьевскими соборами, не сохранилось, а в имеющихся данных нигде не упоминается о канонизации на этих соборах пр. Ферапонта и Мартиниана. Некоторые исследователи (Васильев), основываясь на том, что состав собора, канонизовавшего белозерских чудотворцев, был по свидетельству приведенной записи, тождествен с составом собора 1547 года, относят их канонизацию ко времени ближайшему после этого собора – именно к собору 1549 года⁷⁴. Проф. Голубинский замечает на это, что на соборе 1549 года присутствовали далеко не все епископы, бывшие на соборе 1547 года, и полагает, что «автор записи, не имев действительных сведений об епископах, присутствовавших на соборе, на котором канонизованы были Ферапонт и Мартиниан, берет список их (епископов) из грамоты собора 1547 года». Со своей стороны проф. Голубинский считает более вероятным относить их канонизацию не к собору 1549 года, а к собору одного из следующих ближайших годов, – может быть, 1553 года⁷⁵. Подобное же мнение высказывал и преосв. Макарий⁷⁶. При отсутствии твердых данных для решения этого вопроса трудно сказать что-нибудь более определенное⁷⁷.

Недоумение возникает и на счет того, какой степени чествования удостоены были пр. Ферапонт и Мартиниан.

Известно, что «причислявшиеся к лику святых подвижники разделялись на три класса: на местных в теснейшем смысле слова, на местных в обширнейшем смысле словаи на общих или общецерковных, т. е. на таких, которым назначалось празднование только в самом месте их погребения, – в монастыре или у приходского храма, на таких, которым назначалось празднование в одной своей епархии, и на таких, которым назначалось празднование во всей русской церкви»⁷⁸. Проф. Голубинский относит пр. Ферапонта и Мартиниана к святым местным в теснейшем смысле слова. «По ясному свидетельству той же записи, говорит он, празднование преподобным было установлено местное в теснейшем смысле слова, имевшее совершаться только в Ферапонтове монастыре»⁷⁹. Между тем сам автор записи энергично восстает против такого мнения и предостерегает читателей, чтобы они не понимали благословения митрополита в этом узком смысле слова. «Но и се да не возлаголют неции мнением рекуще: повелел есть святый митрополит единой церкви обители тоя праздновати святых; смотри и испытай известно, не бывает сицово повеление во святых писаниях, неправды зазор сотвориши и обрящешся ложь пред Богом... добрे святый митрополит сотвори и зело полезно есть»⁸⁰. Конечно, такой протест можно объяснить своего рода местным патриотизмом автора, по мнению которого несогласно было бы с св. Писанием такое постановление, чтобы святой в одной церкви почтался, а в другой нет. Однако, мы не должны упускать из виду некоторых данных, показывающих, что пр. Ферапонту и Мартиниану праздновали не в одном только Ферапонтове монастыре. Так в обиходнике Кириллова монастыря (около половины XVII в.) говорится: «того же 12 дня (месяц январь) поем Мартиниану, ученику Кирилла чудотворца, без литии»⁸¹. Указание на празднование пр. Мартиниану есть также в святцах Троице-Сергиевой лавры⁸². Канон и житие пр. Мартиниана были в старину распространены в нескольких списках⁸³. В XVII веке пр. Ферапонт и Мартиниан помещаются в иконописных подлинниках, с указанием, как должно изображать их на иконах⁸⁴. Очевидно,

что по крайней мере уже в XVII веке чествование пр. Ферапонта и Мартиниана не ограничивалось Ферапонтовым монастырем.

3. Времена процветания обители при св. Мартиниане и его ближайших преемниках

§VI

Мнози от недр онех преподобных отец
(Ферапонта и Мартиниана) епископи
изыдоша, мнози игумении учители и
наставницы общим житиям и сия
вем не не веси, мнози отцы и братия
ученицы их прозорливи быша и мнози
Божия благодати исполнени
и райских пищи сподобиша.

Рукоп. Житие пр. Мартиниана.

Ученики и преемники пр. Мартиниана. – Блаженный Галактион, Христа ради юродивый. – Епископы, вышедшие из Ферапонтова монастыря: Филофей пермский, Иоасаф ростовский, Ферапонт сузальский. – Пр. Кассиан Грек. – Письменность в Ферапонтове монастыре. – Митрополит Спиридон. – Старец Паисий.

Судьба Ферапонтова монастыря тесно связана с личностью и деятельностью пр. Мартиниана. Только благодаря этому знаменитому игумену Ферапонтов монастырь выдвинулся из ряда многочисленных обителей и пустынек северо-восточной Руси⁸⁵ и успел занять место в истории. Мало того, можно сказать, что эпоха пр. Мартиниана и ближайшее к ней время (приблизительно до половины XVI века) были временем процветания Ферапонтовой обители как в духовном, так и в материальном отношении.

О духовной жизни монастыря в это время говорит появление в нем лиц, известных своим просвещением и подвигами. Личность пр. Мартиниана, мужа высоких подвигов и духовных дарований, привлекла к нему многих учеников, которые, по словам жития, стекались к нему «яко пчелы некия слышаще цвет медовый». Писатель жития говорит, что из недр пр. Ферапонта и Мартиниана вышли епископы, игумены и святые мужи, отличавшиеся прозорливостью⁸⁶. Но пр. Ферапонт недолго жил в Ферапонтове и упомянут здесь только потому, что был основателем монастыря; пр. Мартиниан по преимуществу может быть назван духовным родоначальником Ферапонтовой обители.

Рис. 1. Церковь XV века на Бородаве принадлежавшая Ферапонтову монастырю. Вид ее в 1847 г.

Из учеников пр. Мартиниана, прославившихся святостью жизни прозорливостью, известен блаженный Галактион, о котором говорится в самом житии преподобного, а также в Степенной Книге⁸⁷, Блаженный Галактион⁸⁸ происходил из Белоозера, был на военной службе. Постригшись в Ферапонтове, он сделался учеником пр. Мартиниана и служил ему. Когда старец-подвижник был уже не в силах ходить в церковь, Галактион, по сказанию жития, носил его туда на соборное пение. Ревностный и усердный к службе подвижник, Галактион доходил в своих подвигах до крайнего самоотречения. По сказанию Степенной Книги, он нисколько не заботился о пище и одежде, хотя часто оставался голодным и страдал от холода. Никогда ничего он не просил и довольствовался тем, что из жалости давали ему сами старцы. Он не имел своей кельи и ночевал, где придется. Обыкновенно, при выходе из церкви или трапезы он пел вслед за каким-нибудь старцем и, если успевал попасть вместе с ним в его келлю, то оставался там до

заутрени, а если не успевал и находил дверь закрытою, то не искал уже себе приюта в других кельях, а оставался ночевать тут же пред дверьми, на помосте или даже на голой земле. Многие странности в его внешнем поведении показывали, что в числе прочих подвигов он взял на себя подвиг юродства. Братьи было известно, что сам пр. Мартиниан благословил его на этот подвиг⁸⁹.

Все считали Галактиона святым⁹⁰ и приписывали ему дар прозорливости. Житие рассказывает о нескольких случаях проявления в нем этого дара. Однажды он пришел в трапезу, которая только что была вновь построена, и слыша, что братия хвалят постройку, «яко добра сущии зело красна», сказал юродствуя: «добра, добра, да недолговечна». Братья не придали тогда никакого значения этим словам юродствовавшего подвижника. Но вот на другой день случился пожар в одной келльи, за нею загорелась другая. Огонь быстро охватил ряд братских келлий, так что ничего не успели из них вынести. В Ферапонтове жил тогда на покое Иоасаф, бывший архиепископ ростовский⁹¹, также ученик пр. Мартиниана. В его келье осталась одна драгоценная вещь, которую он предназначал на нужды монастыря. Келья загорелась и Иоасаф сильно тужил о своем сокровище⁹², которое неминуемо должно было погибнуть в огне. Юродивый Галактион, подойдя к нему, начал «претити ему глаголя: «что твориши, отче, Бога прогневаеши скорбя». «Аз, брате, не себе ради сие удержах, но нужды ради монастырских», возразил юродивому владыка Иоасаф. «Аще сице глаголеши, сказал юродивый, да где суть и в коем месте лежит сокровище оно?» И узнав от Иоасафа, в каком месте кельи хранится сокровище, юродивый оградил себя крестным знамением и неустрашимо бросился в пылающую келью. Скоро он вышел оттуда с сокровищем в руках и, положив его перед владыкою Иоасафом, сказал: «се, не тужи, о худом деле скорбиши». Все дивились смелому поступку юродивого. Между тем огонь быстро распространился по монастырю, дошел до новой трапезы и уничтожил ее. Пламя угрожало теперь деревянной звоннице. Чтобы спасти колокола, люди прибежали к звоннице с топорами и начали было рубить ее. Но юродивый не дозволил им этого и

прогнал их назад, говоря: «сему не гореть», а сам стал у звонницы. И действительно, по слову блаженного колокольня осталась невредимой, а стоявшая вблизи новая трапеза была истреблена огнем⁹³.

Братии случалось наблюдать и другие случаи прозорливости бл. Галактиона. Так писателю жития рассказывал один брат, «уже старец, ныне болий тридесятилет держа игуменства» что однажды, когда он жил в Ферапонтове и был учеником бл. Галактиона, случилось ему впасть в тяжкое уныние, так что он хотел было совсем уйти из монастыря («отнюд спроста хотех отступити от обители Пречистыя»). Эти помыслы не укрылись от прозорливого старца, который, сев на пороге кельи, начал говорить малодушному брату: «что это, брат, ты замыслил? Врага слушаешь, но хоть и уйдешь от нас, все равно нигде не избежишь его волнений и не уйдешь от его сетей». Инок поражен был прозорливостью старца, обнаружившего его затаенные мысли, и, поборов искушение, остался в монастыре⁹⁴.

В Степенной книге записано предание о том, что ферапонтовский старец Галактион юродивый предсказал покорение Казани царем Иваном Грозным за 47 лет до этого события. Весной 1506 года великий князь Василий Иванович послал войско под начальством своего брата Димитрия Ивановича в Казань для покорения Казанского царства. Поход этот оказался неудачным (по причине неспособности князя предводителя) и сопровождался большими потерями для русского войска. Слух об этом событии дошел до Ферапонта монастыря. Среди ферапонтовских иноков были тогда любители поговорить о политике. С сожалением начали они толковать о несчастном походе. В этом разговоре братии о современной политике принял участие и бл. Галактион, сам когда-то бывший воином. «И еще не один раз, сказал он, великий князь Василий будет подниматься войной на Казанское царство, но без успеха. Только в последствии его богодарованного сына овладеет Казанским царством»⁹⁵. Галактиона тогда уже считали святым и, согласно его предсказанию, стали из года в год ждать рождения у князя сына. Но, как известно, у князя Василия в течение двадцатилетнего супружества с княгинею Соломониею совсем

не было детей, и пророчество Галактиона долго не сбывалось. Когда Галактион скончался, то уже перестали верить в его предсказание полагая, что он «несмысленно юродствова». Но спустя 24 года со времени предсказания у великого князя родился от второй супруги Елены сын Иоанн, который на 23 году своей жизни сделался покорителем Казани. «Тогда воспомянуша, яко истинно есть пророчество Галахтионово, и прославиша Бога».

По сказанию жития, бл. Галактион предсказал и свою кончину за несколько дней, а также кончину друга своего Саввы. Брат Савва «советник его присный» был постриженником Симонова монастыря и, поселившись в Ферапонтове, занимал здесь должность просфорника. Когда блаженный заболел, Савва пришел навестить больного друга и начал высказывать сожаление о его болезни. «Не скорби, брате, о мне, сказал ему блаженный, хотя я и ухожу от вас, но в восьмой день и ты пойдешь за мной». Скончался блаженный, а вскоре после того заболел друг его Савва и умер на восьмой день после кончины блаженного согласно его слову.

Кончину бл. Галактиона обыкновенно относят к 1506 году⁹⁶. Но к этому году, по сказанию Степенной книги (за 24 года до рождения Грозного) – относится его предсказание о покорении Казани, а из рассказа видно, что блаженный жил еще несколько лет после этого предсказания. Поэтому правильнее будет сказать, что бл. Галактион умер после 1506 года, но неизвестно, когда именно. Блаженный Галактион не был канонизован даже для местного почитания⁹⁷. Самое место погребения его в настоящее время неизвестно с точностью⁹⁸. По преданию, указывают его под монастырской колокольней, направо при входе в паперть, у основания северной арки.

Известности Ферапонтовой обители в цветущий период ее существования не мало содействовало то обстоятельство, что постриженники ее не раз избирались на епископские кафедры. Еще при жизни пр. Мартиниана из его обители стали выходить епископы. Первым постриженником Ферапонтова монастыря, возведенным на кафедру епископа, был Филофей. Он был игуменом в Ферапонтове, хотя и не сразу после пр. Мартиниана,

как ошибочно сообщает о том житие⁹⁹. 2 ноября 1471 года¹⁰⁰ он был рукоположен в епископа пермского (в 1492 году к его епархии была присоединена и Вологда) и пробыл в этом сане 30 лет. Между прочим он принимал участие в борьбе с еретиками жидовствующими, был на соборе 1491, созванном в Москве, и по приглашению архиепископа новгородского Геннадия составил пасхалию на 19 лет¹⁰¹. Зимой 1501 года он оставил епархию и удалился на покой в Кириллов монастырь¹⁰². Но скончался он в месте своего пострижения в Ферапонтове, в 1508 году¹⁰³, и там погребен, но неизвестно, в каком месте.

Спустя 10 лет после возведения Филофея на епископство, Ферапонтов монастырь дал русской церкви другого иерарха – Иоасафа, архиепископа ростовского. Иоасаф происходил из знатного рода князей Оболенских и в мире назывался Иваном Никитичем¹⁰⁴.

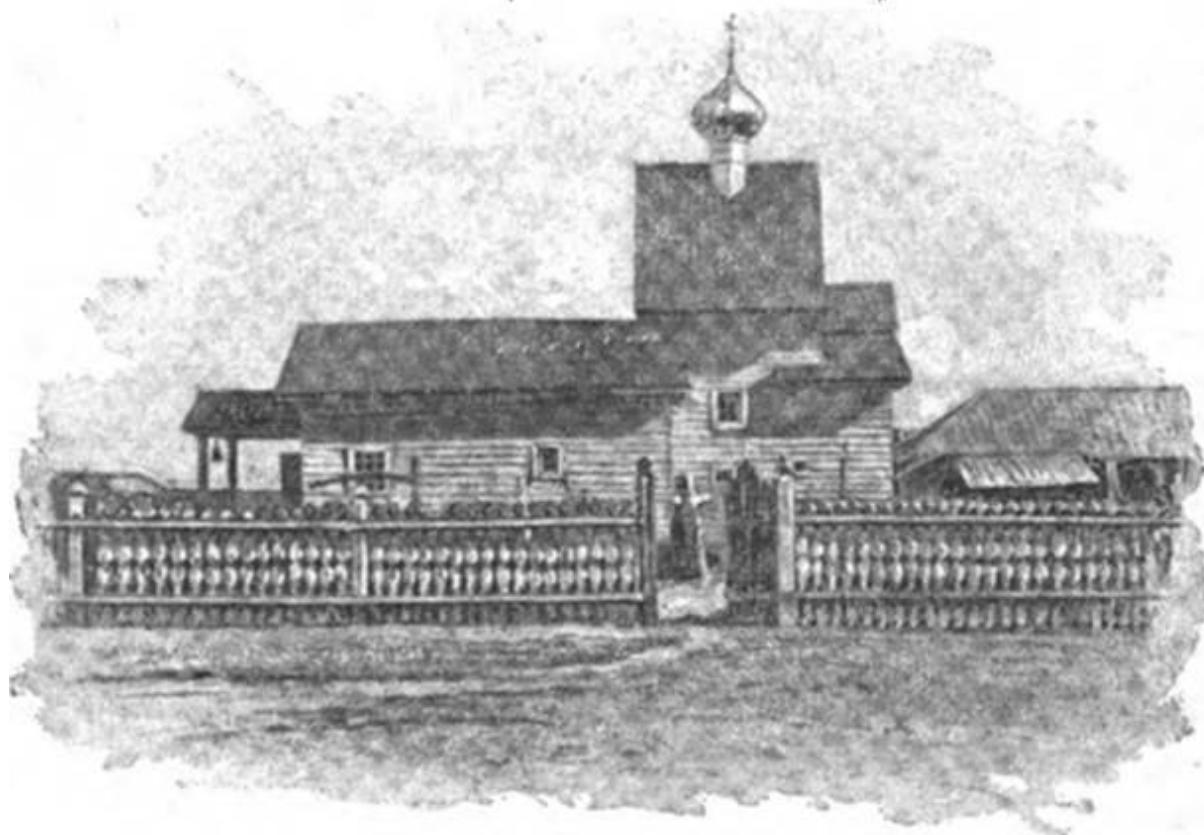

Рис. 2. Внешний вид церкви на Бородаве в настоящее время.

Есть любопытное предание о том, что архиерейский сан предсказан был молодому князю Оболенскому ростовским юродивым Исидором Твердисловом. Это было как раз во время свадьбы князя, который женился на молодой красавице княжне Дарье Андреевне Луговской. В самый разгар брачного пиршества св. Исидор юродивый с шумом вбежал в палату, поколотив при этом двух, не пускавших его служителей. В руках у него была шапка, сплетенная из травы и полевых цветов. Подойдя к новобрачному князю, он через стол подал ему эту шапку, приговаривая: «вот тебе, Иванушко, и архиерейская шапка». Обращаясь затем к новобрачной княгине, юродивый сказал: «Рахиль-Дарья, породиши ты сына Савву на великую славу». Все смущились, так как было известно, что слова «Твердислова» всегда сбываются, а между тем никто не понимал, что значит эти загадочные слова юродивого, которыми он сопровождал свой подарок. Однако новобрачный подавил свое смущение и с притворной веселостью благодарил блаженного за его подарок. Но вскоре в сем стал понятен подарок блаженного. Через год молодая супруга князя умерла от родов, назвав родившегося сына Саввою. Безутешному князю свет стал не мил после потери любимой жены. Он удалился от мира и постригся в монахи в Ферапонтове монастыре, сделавшись в последствии ростовским архиереем. Так сбылись слова бл. Исидора об архиерейской шапке¹⁰⁵.

В Ферапонтове Иоасаф был пострижен самим пр. Мартинианом и сделался его учеником. По всей вероятности, он был в последствии поставлен игуменом в Ферапонтове, хотя о его игуменстве в летописях нет упоминания¹⁰⁶.

Еще при жизни пр. Мартиниана Иоасаф был вызван из Ферапонтова для замещения ростовской кафедры¹⁰⁷, освободившейся за смертью архиепископа Вассиана, (который был преемником пр. Мартиниана по игуменству в Сергиевом монастыре). 22 июля 1481 года митрополит Геронтий посвятил Иоасафа архиепископа ростовского¹⁰⁸. Семь с лишком лет был владыка Иоасаф на ростовской кафедре. В 1483 году он участвовал в избрании новгородского архиепископа Сергия. В то время в Москве продолжался еще с пор о послонном хождении

при освящении церквей, начавшийся в 1479 году. В этом споре Иоасаф, подобно своему предшественнику Вассиану, принял сторону великого князя и вместе с чудовским архимандритом Геннадием, впоследствии архиепископом новгородским, защищал посолонное хождение, хотя все остальное духовенство было на стороне митрополита, отстаивавшего практику, существующую ныне в православной церкви¹⁰⁹.

Возведенный на высоту архиепископской кафедры, Иоасаф не забывал о близком его сердцу Ферапонтове монастыре, который находился в его ростовской епархии. В монастырских владениях на реке Бородаве в 25 верстах от монастыря был монастырский поселок. Иоасаф построил в нем деревянную церковь во имя Положения Риз Богородицы и сам освятил для нее антиминс в 1486 году. Антиминс этот сохранился до нашего времени и представляет собою любопытный памятник церковной древности¹¹⁰. Цела до сих пор и самая церковь, построенная Иоасафом. Проф. Шевырев во время своей поездки в Кириллов монастырь в 1847 году посетил, между прочим, эту церковь и упоминает о ней как об особой достопримечательности. «Подобные древние деревянные храмы, говорит он, встречаются только в этом kraю. Я находил такие и в других здешних селах, но изо всех мною виденных, этот наиболее привлек мое внимание своею постройкою и смиренною наружностью. Мне казалось, что, глядя на него, вижу образец тех первоначальных церквиц, о которых упоминается в житиях Русских св. Угодников и с которых начиналось всегда учреждение обителей»¹¹¹.

Впоследствии, при удалении на покой, Иоасаф выхлопотал у своего преемника архиепископа ростовского Тихона грамоту для построенной им на Бородаве церкви. В этой грамоте (от 1 апреля 1489 года) архиепископ Тихон освободил Бородавскую церковь от различных даней и пошлин, как он говорит, «бывшаго деля архаепископа Иоасафа»¹¹².

Архиепископ Иоасаф занимал ростовскую кафедру до 1488 года. В конце этого года, он оставил епархию и удалился на покой в Ферапонтов монастырь¹¹³. Неизвестно, что побудило Иоасафа оставить кафедру, но этим поступком недовольны были великий князь и тогдашнее общество. Геннадий, бывший тогда

уже новгородским архиепископом, узнав об оставлении Иоасафом кафедры, тогда же, в конце февраля, написал к нему укорительное послание¹¹⁴. Это послание, любопытное во многих отношениях, в данном случае интересно для нас потому, что может пролить некоторый свет на обстоятельства удаления Иоасафа с кафедры. Геннадий в то время был занят борьбою с еретиками жидовствующими. В послании к Иоасафу он жалуется на то, что в Москве уже перестали обращать внимание на ересь, причем упрек отчасти относится и к Иоасафу. «И как мни, пишет Геннадий, ныне положили то дело ни за что, как бы вам мнится, Новгород с Москвою не едино православие; не поболезновали есте о том ни мала». Горько упрекает он Иоасафа за оставление своей епархии среди столь трудных для церкви обстоятельств «Ты будеши нечто оскорблен от кого в телесном деле, да оставил архиепископию, да предал еси овцы волком на расхищение и слыша таковую беду церковную. А где бы в то время терпением великим вооружитися, аще бы что и пострадати за православие душевныя ради пользы, чая от Господа Бога за то мзду восприятии... Да и се в слух мой пришло, что-де и посыпал по тебе князь великий и неодинакова, и ты-де и не поехал к нему. А могл бы еси и тамо крепость свою подержати, за что будеши оставил архиепископию, а Государское бы еси сердце не ожестил. Да не мни: то мал грех сотворил еси, что ся не учинит пакость какова христианину в твоей архиепископии или бы еси церкви каковую управу учинил в ту пору; ино то все на твой голове легло. Да однова нечто Государь Князь Великий в спалу учинит и на монастырь тебе же для, ино тебе и за то ответ дати».

Отсюда видно, что великий князь разгневался на Иоасафа настолько, что, по словам Геннадия, княжеская опала могла угрожать даже Ферапонтову монастырю, куда удалился Иоасаф. Гнев князя, вероятно, был вызван удалением Иоасафа на покой вопреки его воле. Иоасаф «ожестил» сердце князя тем, что не поехал к нему, не смотря на неоднократное приглашение¹¹⁵. Геннадий советует ему на будущее время ехать к Князю, если князь пошлет за ним.

В заключение Геннадий просит Иоасафа не гневаться за его прямые речи: «Иной тебе того молвiti стыдится или не смеет, пишет он. А многие люди добрые духовные тому зазрят. А яз то от слуху же слышал... Да чтоб еси мнения не подержал, продолжает он, знаешь, о не наше дело гнев держать». В самом конце письма Геннадий считает нужным дать Иоасафу наставление, чтобы в случае, если он совершенно оставил святительский сан, «хотя смирения образ восприятии», то не гордился бы высотою этого подвига, «но паче, советует Геннадий, подобает ти имети помысл всегда уничижен».

Таким образом, возможно, что Иоасаф оставил кафедру потому, что в тиши Ферапонтова монастыря хотел предаться подвигам и безмолвию. По-видимому, он имел наклонность к тихой созерцательной жизни и не походил своим характером на неугомонного Геннадия. Как известно, «заволжские» монастыри, к числу которых принадлежал Ферапонтов, давали своим старцам направление созерцательное в отличие от инокопрактиков школы прп. Иосифа Волоцкого.

Во время пребывания Иоасафа на покое, в Ферапонтове случился большой пожар, о чем уже сказано выше. При этом сгорела и келья архиепископа, но келейная казна его, назначавшаяся им на нужды монастыря, была спасена от огня юродивым Галактионом и, конечно, сослужила большую службу при устроении обгоревшей обители. Архиепископ Иоасаф прожил на покое в Ферапонтове около 25 лет, проведя последние годы своей жизни в совершенном безмолвии. Он скончался 6 октября 1513 года, и погребен 7 октября у ног своего учителя прп. Мартиниана, причем, как мы уже знаем¹¹⁶, были открыты и моши последнего.

К этим двум епископам, вышедшим из Ферапонтова, – Филофею и Иоасафу, нужно присоединить еще третьего – Ферапонта. Он был игуменом в Ферапонтове в 30 годах XVI в.¹¹⁷ и в 1539 году хиротонисан во епископа суздальского. Епископ Ферапонт скончался в 1543 году и погребен в Сузdalском соборе¹¹⁸.

С именем архиепископа Иоасафа связано имя его друга прп. Кассиана Грека, князя Макнувского, который также был

постриженником Ферапонта монастыря¹¹⁹. В мире он назывался Константином и происходил из рода греческих князей Макнувских или Мангупских¹²⁰. После падения Византии князь Константин нашел себе приют в Риме. В числе других знатных греков проживавших в Риме находилась, между прочим, племянница византийского императора дочь морейского деспота Фомы Зоя (Софья) Палеолог. Она пользовалась покровительством папы и особенно своего единоплеменника знаменитого кардинала Виссариона, которому удалось подготовить брак ее с великим князем Московским Иваном Васильевичем III¹²¹. В 1472 году состоялось сватовство князя, и папа Сикст IV, возлагавший большие надежды на этот брак, отпустил Зою в Москву с большим почетом в сопровождении многочисленного посольства и свиты из знатных греков и итальянцев. В свите принцессы отправился в Москву и князь Макнувский¹²².

По прибытии в Москву спутники Софьи были награждены великим князем и получили места на службе. Князю Константину великий князь также предлагал «грады с волости в кормление», но он отказался, «славы мира сего не хотяще». Тогда князь сделал его боярином у ростовского архиепископа Иоасафа¹²³. Константин так подружился с Иоасафом, что когда последний в 1488 году удалился на покой в Ферапонтов монастырь, то Константин последовал за своим другом. В Ферапонтове князю-греку дали келью и приставили к нему для береженья священноинока Филарета¹²⁴. Проводя в монастыре вполне иноческую жизнь, князь почему-то не хотел принимать пострижения. Житие рассказывает, что он постригся только вследствие бывшего ему видения.

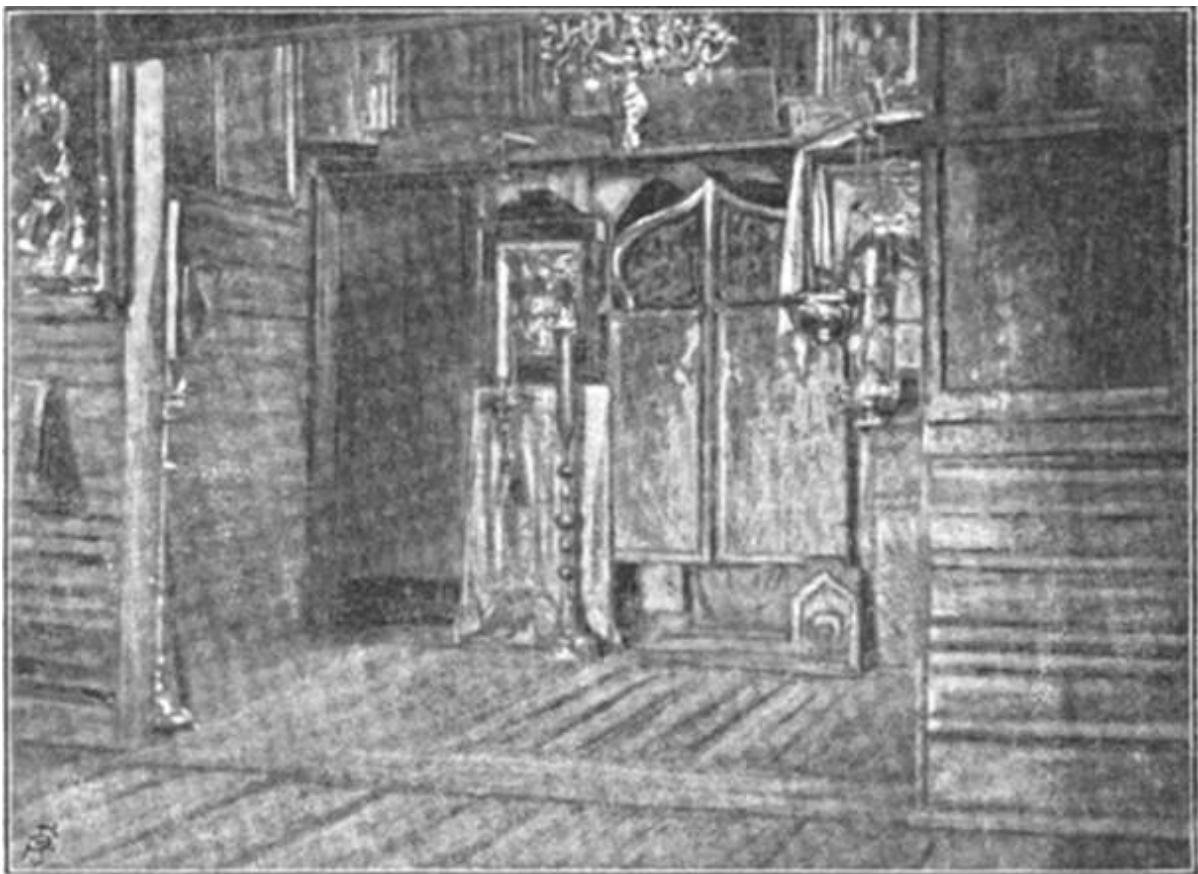

Рис. 3. Внутренний вид церкви на Бородаве.

Однажды, утомленный всенощным бдением, князь Константин отдыхал в своей келье и задремал. Но вдруг, внезапно проснувшись, он начал громко звать жившего с ним монаха: «Филарете, Филарете!» Когда Филарет пришел на его зов, князь казался до того испуганным, что не мог говорить. Филарет доложил о случившемся архиепископу Иоасафу и игумену. Архиепископ велел привести князя к себе и, сотворив молитву, «начат вопрошати его с тихостью». Князь стал понемногу приходить в себя и, наконец, рассказал Иоасафу о видении, которое привело его в такой ужас. «Видел я, — рассказывал Константин, — церковь каменную большую и украшенную и в ней множество предстоящих иноков. Посредине церкви возвышался престол, а на нем сидел пр. Мартиниан, бывший игумен сей обители, «его же гроб видим бысть и доныне»¹²⁵. В руке у него был жезл. И говорит он мне: «постригись». А я отвечаю ему: «не постригусь». Снова говорит мне божественный Мартиниан: «я буду бить тебя этим жезлом,

постригись». Долго спорил я со святым, как вдруг он поднял руку с жезлом и хотел ударить меня. Тут я проснулся и закричал, и смущилась душа моя. Ныне молю тебя, повели постричь меня в ангельский образ». Взволнованный видением, князь со слезами просил архиепископа о пострижении. По приказанию архиепископа игумен постриг князя, причем последний получил имя Кассиана и был отдан в руководство тому же старцу Филарету¹²⁶.

Инок Кассиан недолго оставался в Ферапонтове. Вскоре он ушел оттуда в сопровождении нескольких иноков и при содействии угличского князя Андрея Васильевича основал обитель недалеко от Углича при впадении реки Учмы в Волгу¹²⁷. По имени этой реки пр. Кассиан стал называться Учемским, а обитель его Учемскою¹²⁸. Преп. Кассиан скончался 1504 г. 2 октября. В этот день празднуется его память православною церковью, которая считает его в числе своих святых под именем Кассиана Грека.

Есть мнение, что пр. Кассиан находился в близких сношениях с знаменитым основателем скитского жития на Руси пр. Нилом Сорским, который по возвращении с востока основал свою обитель на реке Сорке по соседству с Ферапонтовым монастырем, в 15 верстах от него. Указывают на два послания пр. Нила, будто бы написанные им к Кассиану. Одно из них небольшая записка «посланейце к брату с восточныя страны», показывает, что пр. Нил иногда лично беседовал с этим братом, под которым можно разуметь Кассиана. В другом самом обширном послании («послание от божественных писаний во отоцах к скорбящему брату») пр. Нил касается бедственной участи «скорбящаго брата», изображая ее в чертах, имеющих сходство с биографией пр. Кассиана. Так, он говорит о чужеземном и знатном происхождении «скорбящаго брата», о его пленинии и заведении в чужую землю. Это сходство дало повод исследователям разуметь под «скорбящим братом» Кассиана¹²⁹. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что биографические данные, заимствуемые из послания Нила, не вполне совпадают с данными жития пр. Кассиана. Так, из послания видно, что «скорбящий брат» пришел к пр. Нилу в его

скит и там принял пострижение, а о пр. Кассиане житие говорит, что он постригся в Ферапонтове вследствие бывшего ему видения. Далее, пр. Нил в своем послании выражается о «скорбящем брате» так, как будто бы он раньше не был христианином, а принял крещение в зрелом возрасте¹³⁰, в России подпал новым искушениям и скорбям и в данное время находился в заточении на каком-то острове («на отоцех»), так что пр. Нил утешает его надеждой на освобождение. Все эти черты не приложимы к пр. Кассиану, а потому это послание, нужно думать, было написано не ему, а другому брату. Но во всяком случае, хотя житие пр. Кассиана не упоминает о близких отношениях его к пр. Нилу, такие отношения вполне возможны и даже вероятны. Преп. Кассиану, лишившемуся родины и после долгих скитаний попавшему в далекий Ферапонтов монастырь, вполне естественно было войти в сношения с соседним подвижником, который сам путешествовал на восток и изучил греческий язык на ряду с уставами и обычаями восточных монастырей.

В XV и XVI веках заволжские монастыри славились просвещением своих иноков и богатством книг; особую известность в этом отношении получил Кириллов монастырь. Ферапонтов монастырь в цветущую пору своего существования по части просвещения и письменности шел по следам своего знаменитого собрата и отчасти разделял его славу в этом отношении. Пр. Мартиниан, в течении долгого времени руководивший жизнью Ферапонтовой обители, успел сообщить ей характер духовно-просветительного центра. Унаследовав от пр. Кирилла любовь к книжному просвещению и следя во всем примеру своего учителя, пр. Мартиниан смотрел на занятие книгами как на одно из послушаний монастырской жизни. По словам жития, переписка книг и обучение грамоте с самого начала стали обычным занятием для некоторых иноков («инии книги пишут, друзья книгам учатся»). Некоторые из них достигали большого искусства в писании книг и назывались «доброписцами». Таков был старец Варлаам доброписец, о смерти которого в 1514 году упоминается в одной летописи¹³¹. В конце XV в. Ферапонтов монастырь наряду с Кирилловым был

известен как место собрания рукописей. Геннадий, архиепископ новгородский, в упомянутом выше послании к Иоасафу спрашивал, нет ли в Кириллове, Ферапонтове или в Спасокаменном монастырях некоторых перечисленных им книг, нужных ему для борьбы с еретиками. В Новгороде Геннадий не мог достать этих книг, хотя у еретиков они были¹³². Неизвестно, нашел ли для него Иоасаф требуемые книги. В Ферапонтове несомненно было много книг, для которых было устроено особое книгохранилище над теплой церковью Благовещения. Это книгохранилище с пустыми теперь полками по стенам до селе можно видеть в Ферапонтове¹³³.

В конце XV и начале XVI века в Ферапонтове жил человек, выдававшийся тогда своим образованием и уменьем владеть пером. Это Спиридон, митрополит киевский, который жил в заточении в Ферапонтове монастыре, явившись в этом отношении предшественником патриарха Никона. Сведения о митрополите Спиридоне чрезвычайно скучны и отрывочны. Летопись говорит о нем, что он был «родом тверитин, поставлен на мзде патриархом, а повелением турского царя» в митрополиты и прибыл в Литву в 1476 году¹³⁴. Сам Спиридон говорит о себе, что патриарх константинопольский Рафаил поставил его в митрополита киевского и всея Руси¹³⁵. Но Спиридона не приняли в Литве, а король посадил его в заточение. Приехав в Москву в 1483 году, Спиридон жаловался великому князю Ивану Васильевичу на поступок короля, указывая на то, что король взял себе мощи, которые он вез князю от патриарха. Но в Москве Спиридону посчастливилось не больше, чем в Литве: великий князь не захотел ссориться по его жалобе с Казимиром, а на самого Спиридона в Москве взглянули подозрительно. Лето писец не даром отмечает прозвище «Сатана» данное Спиридону за «рэвость» (бойкость?), когда он был еще простым чернецом¹³⁶. Может быть, из опасения новых интриг и происков позаботились заточить Спиридона куда-нибудь подальше от Москвы. Злополучному митрополиту было поставлено в вину главным образом то обстоятельство, что он «взыскал поставление в области безбожных турков поганского царя». После взятия Константинополя турками русские склонны

были считать поставление в Царьграде незаконным наряду с поставлением от латынян, так что Константинопольский патриарх впоследствии протестовал против обидного подозрения в своем православии. В начале XVI в. в архиерейскую присягу включено было клятвенное обещание не признавать митрополитов, поставленных в Риме или Царьграде, причем имя Спиридона упоминается наряду с именами латинствовавших митрополитов Исидора и Григория¹³⁷.

Неизвестно, когда Спиридон попал в заточение в Ферапонтов монастырь и долго ли жил там. Находясь в заточении, бывший митрополит написал «Изложение о православной истинной нашей вере»¹³⁸, может быть, с той целью, чтобы снять с себя подозрение в неправославии и освободиться из заточения. Сам Спиридон поводом к написанию этого сочинения выставляет то обстоятельство, что по его наблюдениям в православном мере многое творится вопреки правилам св. апостол и св. отец, почему он и считает нужным изложить эти правила. Излагая определения вселенских соборов по поводу разных ересей, Спиридон добавляет, очевидно, не без особого намерения, что и он отрицает и анафемствует в сете ереси. Он считает себя пострадавшим невинно за православие и в этом находит для себя утешение. «Сладки нам юзы, пишет он, и радостна изгнанья, иже по преданию св. апостол правилом и по святых седьми собор вселенских умрети, нежели святых попранию приближитися; радость мир всему православию»¹³⁹. О суровости своего заточения Спиридон говорит, что находясь в узах как злодей, он делает своими руками, чтобы никому не быть в тягость¹⁴⁰. В заключение он делает нравственные наставления читателям о сострадании к нищим, о роскоши, сребролюбии и т. п.¹⁴¹

Кроме этого «Исповедания» Спиридон во время Ферапонтовского заточения совершил другой литературный труд – обработку житий пр. Зосимы и Савватия, соловецких чудотворцев, по записям инока Досифея. Об этом труде Спиридона говорит Досифей и сам Спиридон. Архиепископ Геннадий просил Досифея, бывшего соловецкого игумена, ученика Зосимы, написать житие соловецких чудотворцев.

Досифей написал, как мог, но был недоволен своим писанием, так как оно изложено было языком простым, а не книжным. Однажды случилось Досифею быть в Ферапонтове монастыре в то время, когда там жил митрополит Спиридон, известный своей образованностью. К нему то обратился Досифей с просьбой изложить житие «стройно» и дал ему свои записи¹⁴². Спиридон исполнил его просьбу и написал житие соловецких подвижников в 1503 году, как он сам говорит¹⁴³. Досифей представил написанное Спиридоном житие арх. Геннадию, который, похвалив труд, с большим уважением отзывался о самом Спиридоне. «Сей человек, сказал он, в нынешняя роды беяше столп церковный, понеже измлада извыче священная писания»¹⁴⁴. Из этих слов Геннадия («беяше») можно заключать, что в то время, когда они были сказаны, Спиридона уже не было в живых и что он скончался вскоре после написания жития, вероятно, в том же 1503 году¹⁴⁵. Нет никаких оснований думать, чтобы Спиридона, бывшего уже в преклонных летах, нашли нужным перевести из Ферапонтова в более отдаленный монастырь, а потому нужно предполагать, что он скончался и погребен в Ферапонтове, а не в Соловецком монастыре, как почему-то утверждают некоторые авторы¹⁴⁶.

В XVI веке из под пера одного Ферапонтовского инока, именем Паисия, вышло «Сказание о сочетании второго брака» кн. Василия Ивановича¹⁴⁷. В этом сочинении осуждается развод великого князя Василия Ивановича с неплодной супругой Соломонией и вступление его во второй брак с Еленой Глинской, сообщается о том, что патриарх и афонские старцы в присланных ими грамотах¹⁴⁸ не дали князю разрешения на развод и приводится предсказание патриарха иерусалимского Марка о жестокостях и беззакониях Ивана Грозного, родившегося от нового брака. Сказание это считается исследователями написанным не в двадцатых годах XVI века, когда совершился развод князя Василия с Соломонией (1525), а гораздо позднее, во второй половине XVI века, и может быть, даже по смерти Грозного. Не быв современником описываемых событий, автор пользовался устными о них преданиями изукрашенными иискаженными¹⁴⁹. Кто был старец Паисий, имя

которого стоит в заголовке «сказания?» Судя по языку сказания, тяжелому и книжному, изобилующему нерусскими словами и непонятными речениями¹⁵⁰, можно предположить, что автор его был один из греков, которых в то время нередко можно было встретить в русских монастырях, и между прочим, в Ферапонтове. Старец ферапонтовский Гавриил, упоминаемый в сказании, тоже едва ли не был греком.

К XVI в. Относится большая часть уцелевших Ферапонтовских рукописей. Но в этом веке, по-видимому, и закончился в Ферапонтове период процветания письменности, начало которому положил пр. Мартиниан.

4. Внешний рост монастыря и состояние его до конца XVII века

§VII

Многа же добра сотвори монастырю
тому блаженный Мартиниан,
распространи и укепи
его во славу Божию.
Ркп. житие пр. Мартиниана.

Возникновение церквей и зданий. – Церкви Рождества и Благовещения. – Литовское разорение. – Постройки XVII века. – Приобретение земельных владений. – Споры с соседями. – Отношение к монастырю древних князей и государей. – Вклады и пожертвования в монастырь. – Внутреннее устройство монастыря. – Экономический упадок его в XVII веке.

Преп. Мартиниан, сообщивший известность Ферапонтову монастырю своими подвигами и развитием в нем духовной жизни, вместе с тем значительно возвысил и материальное благосостояние этой скромной обители. Ниже мы увидим, что приобретение земельных владений обеспечивших собою дальнейшее существование монастыря, относится главным образом ко временам игуменства и строительства в нем пр. Мартиниана.

Следя за внешним ростом обители, остановимся прежде всего на возникновении монастырских зданий. Началом обители, как известно, послужила келья пр. Ферапонта, поставленная им среди дремучего леса между озерами Бородавским и Пасским. Мы уже видели, что за короткое время пребывания здесь пр. Ферапонта (1398–1408) его одинокий скит разросся в небольшой монастырь, в котором число братии доходило до 15 человек и более. Для них выстроены были кельи «двоекровны и троекровны» и деревянная церковь во имя Рождества Пр. Богородицы. Заботами пр. Ферапонта эта церковь была снабжена необходимой утварью, «книгами и честными иконами, елико сила можаше». Во времена пр. Мартиниана число братии в монастыре увеличилось и монастырь расширился под его опытным руководством. Пахомий Серб (Логофет), беседовавший с пр. Мартинианом во времена его строительства в Ферапонтове и, конечно сам, видевший монастырь, называет его «зело

красным» и имеющим много иноков¹⁵¹. Из жития пр. Мартиниана известно, что еще в XV в. в Ферапонтове была звонница с колоколами и новая трапеза, своим устройством вызывавшая себе похвалы со стороны братии. Все эти постройки были деревянными, и часть их в конце XV века была истреблена пожаром. Вполне понятно, что до нашего времени от них не осталось и следа. Единственный памятник, уцелевший от той эпохи, представляет собою упомянутая выше Бородавская церковь¹⁵².

Рис. 4. Колокольня соборная церковь Рождества Пр. Богородицы церковь пр Мартиниана в Ферапонтове монастыре.

Каменные здания в Ферапонтове монастыре, как и в Кириллове, начинают появляться в самом конце XV в. В это время была построена в Ферапонтове первая каменная церковь

во имя Рождества Пр. Богородицы на месте прежней деревянной церкви. Время этой постройки определяется надписью, находящейся внутри церкви на арке северных дверей¹⁵³. Из этой надписи видно, что Рождественская церковь построена при великом князе Иване Васильевиче и Василии Ивановиче и при архиепископе Тихоне, следовательно, между 1492–1503 годами¹⁵⁴, вероятно, в 1500–1501 годах. Строили ее, как можно думать, ростовские каменщики, которыми около того же времени (1497 года) была построена в Кириллове церковь во имя Успения Божией Матери. Белозерская область находилась тогда в постоянных сношениях с Ростовом, как своим епархиальным городом. Кроме того, бывший владыка ростовский Иоасаф жил в Ферапонтове как раз в это самое время. Самая архитектура Рождественской церкви, напоминающей собою Успенскую церковь в Кириллове, служит ясным доказательством происхождения ее из рук ростовских мастеров¹⁵⁵.

Церковь эта небольших размеров: от дверей до иконостаса она имеет $9\frac{3}{4}$ арш. и $15\frac{1}{2}$ арш. от южной стены до северной. Она построена прямоугольником, восточная часть алтаря оканчивается тремя полукружиями, разделенными между собою стенами. В северной части алтаря находится жертвенник, в южной вместо диаконника устроен (не позже XVII века) придел во имя чудотворца Николая. Внутри церкви два четырехугольных столба вместе с иконостасной стенкой служат основанием для арок, на которых покоится купол. В парусах сводов видны отверстия голосников (глиняных кувшинов, вставлявшихся в своды, как полагают, для усиления звуков). Пол церкви значительно возвышен над землей (церковь построена «на взмосте», как выражались в старину) и состоит из кирпичей двух цветов: темных и красных. Стены собора, не исключая его сводов и купола, сплошь украшены старинной фресковой живописью. Между фресками можно отметить: изображения семи вселенских соборов, брак в Кане галилейской, притчу о званых на вечерю, страшный суд, явление креста императору Константину, сидящему на коне, изображения разных святых, композиция «О Тебе радуется», и многие другие. Эта живопись

была поновлена в 1738 году, при игумене Павле, как говорит надпись на стене алтаря¹⁵⁶.

Иконостас, состоящий из четырех ярусов, заключает в себе несколько древних икон. Между ними особенно заслуживают внимания большие иконы нижнего яруса в серебряных басменных окладах, с серебряными цатами и венцами, украшенными мелким жемчугом и камнями. Таковы местный образ Рождества Пр. Богородицы «в деянии», образ Богоматери Одигитрии, образ Воскресения Христова (сочество во ад), на котором в виде ниспровергаемых бесов изображены разные страсти и пороки, напр. скорбь, отчаяние, гордость и пр., иконы «Неопалимая Купина» и «О Тебе радуется», пр. Ферапонт и Мартиниан «с житиями» на полях, «Явление Аврааму св. Троицы». На последней иконе сзади доски сохранилась надпись вязью, из которой видно, что икона написана в 1530 году¹⁵⁷. Пред иконостасом висит большое медное паникадило (см. рис. 7), пожалованное Ферапонтову монастырю царем Михаилом Феодоровичем в 1639 году¹⁵⁸. Оно украшено сверху двухглавым орлом и имеет 20 канделябров, расположенных двумя ярусами. Особого внимания заслуживает орнамент на канделябрах этого паникадила. Вместо обычных в подобных случаях изображений херувимов мы видим на каждом канделябре литое изображение головы в царской шапке (см. рис. 8). Это изображение, отчасти напоминающее собою суровый профиль Ивана Грозного, представляет редкое и любопытное явление в области русской церковной орнаментики¹⁵⁹.

При выходе из Рождественской церкви по обеим сторонам дверей до сих пор сохранились места для келаря и казначея простого древнего устройства с откидными сиденьями (см. рис. 9). Эти места, редко где уцелевшие в наших монастырях, вызывают в памяти одну черту древнего монастырского устава. В старину монастырские власти – келарь и казначай становились у дверей церкви для наблюдения за приходившими в церковь и уходившими из нее иноками.

Снаружи стены собора разделены плоскими выступами (лопатками) на три фаса, заканчивающиеся вверху полукружиями. По верхней части стены, равно как по барабану

купола, идет пояс орнаментов, довольно разнообразный по своему составу. Тут есть и обронный (выпуклый) орнамент, и орнамент из кирпичей, образующих зигзаги и впадины, и орнамент из бусынок (колонки, поставленные во впадинах). На западной стене собора этот пояс орнаментов шире, чем на других (см. рис. 6). Паперть и ризница, с трех сторон примыкающие к собору, пристроены к нему впоследствии. Несколько окон в нем пробиты вновь. При всем том Ферапонтовский Рождественский собор и внутри, и снаружи сохранил свой первоначальный вид в гораздо большей степени, чем его ровесник по летам – Успенский собор в Кириллове, значительно измененный позднейшими пристройками.

Второю по времени постройки каменною церковью в Ферапонтове была теплая церковь Благовещения, построенная вместе с каменной трапезою. Время этой постройки (1530–1534) обозначено в надписи на плите, вставленной в стену направо от входа в церковь.¹⁶⁰

Рис. 5. Соборная церковь Рождества Пр. Богородицы (с северной стороны).

Благовещенская церковь построена в виде прямоугольника небольших размеров ($1\frac{2}{3}$ саж. от з. к в. и $3\frac{1}{2}$ саж. от с. к ю., алтарь 2 с. и $3\frac{1}{2}$ с.). С запада к ней примыкает большая трапезная палата ($7\frac{1}{3}$ с. x $7\frac{1}{3}$ с.), устроенная по типу древних монастырских трапез. Посредине большой четырехугольный столб поддерживает своды, внизу под церковью находились

опустевшие теперь хлебня и каменные погреба. С северной стороны к трапезе примыкали кладовая палата и келарская келья, ныне уже несуществующая. В 1851–3 годах трапезная палата, долгое время остававшаяся в запустении, была обращена в церковь, при чем бывшая церковь образовала собою алтарь. Еще до селе в бывшей трапезе стоят массивные деревянные скамьи, на которых обедали иноки. Скамьи эти – старинного устройства, с резными спинками, перекидывающимися на обе стороны. В старину из Благовещенской церкви был устроен в стене глухой ход в главу церкви. Теперь этот ход закладен, и проникнуть в главу можно только с большим трудом, чрез небольшое отверстие, пробитое в стене на чердаке. Чрез это отверстие можно попасть прежде всего в бывшее монастырское книгохранилище, продолговатую комнату с опустевшими полками на стене. Отсюда узким и темным ходом можно со свечей в руках пройти в главу церкви и осмотреть находящееся там помещение. По всей вероятности, это помещение служило в старину монастырским казнохранилищем, куда не сразу могли проникнуть лихие люди.

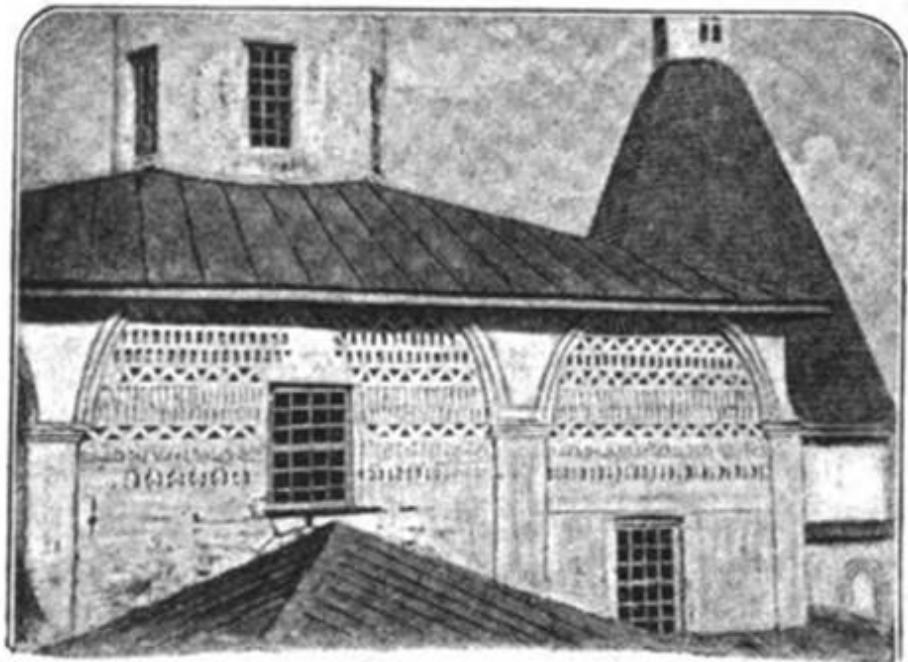

Рис. 6. Орнамент на западной стене соборной церкви Рождества Богородицы.

В настоящее время церкви Рождества и Благовещения соединены между собою каменной галереей с окнами по обеим сторонам. Посредине ее возвышается монастырская колокольня. Каменные переходы с колокольней существовали еще в XVII веке, но неизвестно, когда построены. Правда, во время постройки Благовещенской церкви число монастырских колоколов увеличилось двумя, которые были пожертвованы в монастырь Иваном Третьяковым да Димитрием Воронцовыми.¹⁶¹ Но каменная колокольня для них, по-видимому, была выстроена позднее. Еще в XVII веке над колокольней «в брусовой часовне» были устроены «часы боевые с перечасьем», которые в позднейшей описи названы «немецкими». В настоящее время от них остался один только изломанный механизм.

В самом начале XVII века Ферапонтов монастырь пострадал от литовского разорения. Как известно, после неудачной осады Троице-Сергиевой Лавры шайки казаков и литовцев направились на север, грабя и разоряя все на своем пути. На Белоозеро привлекали их слухи о несметных сокровищах Кириллова монастыря, которым они пытались завладеть. Но Кирилловские монахи во главе с игуменом Матфеем, горячим патриотом и умным администратором, дали решительный отпор литовским шайкам. Несколько раз воровские шайки пытались взять монастырь. Почти пять лет Кириллов находился в осадном положении, но крепкие стены спасли его от разорения¹⁶². За то подверглись опустошению беззащитные окрестности Кириллова монастыря и между ними Ферапонтов монастырь. В декабре 1614 года казацкий отряд, подойдя к Кириллову из Устюжны, не решился сделать приступ и, постояв двое суток на Взвозе, ушел на Словинский Волок и Рукину слободку. Здесь он встретился с другими шайками казаков и литовцев под началом атаманов Колынского и Булатова. Разорив до основания окрестные села и деревни, казаки и «черкасы» свернули к Ферапонтову, чтобы идти в Чарондский округ и на Каргополь. Проходя мимо Ферапонтова, шайка грабителей остановилась в нем для грабежа. Но им едва ли удалось поживиться в Ферапонтове. В это тревожное время монахи, конечно, давно были наготове и заранее успели скрыть в надежное место наиболее ценные

вещи. Грабители унесли черный бархатный покров с гробницы пр. Мартиниана, подвергли церкви поруганию, в кельях ставили лошадей, сожгли монастырские ворота и двери в кельях и замучили до смерти многих окрестных жителей. Вскоре по уходе казаков власти Кириллова монастыря послали своих людей на Волок и к Ферапонтову, чтобы «проводать про казаков, куда оне пошли». Монастырский служка Григорий Мороз, посланный в Ферапонтов, своими глазами видел следы хозяйствичанья здесь казаков и, вернувшись в Кирилов, так докладывал о виденном монастырским властям и воеводе. «Был-де он в Ферапонтове монастыре, и на чудотворцевой де раки был бархат чорн, и тот -де бархат казаки взяли, и в церквях-де ходили, и Божии-де престолы обругали по церквам, и ворота-де и по кельям двери все прижены, и в кельях и в сенех лошади стояли, и хрестьян-де многих и жонок и девок мучили и огнем жгли, и жжонных хрестьян многих видел и мертвых». О судьбе монахов разведчик ничего не говорит; вероятно, они заблаговременно успели скрыться от разбойников. Встретившийся ему ферапонтовский мужик Аникимко сказал, что он провожал казаков до Чарондской округи, откуда они хотели идти под Каргополь¹⁶³.

Но литовское разорение, нарушившее мирную жизнь обители, не остановило ее роста. Спустя 25 лет после него в Ферапонтове строится новая каменная церковь во имя пр. Мартиниана, над местом его погребения, где раньше стояла гробница или часовня. Эта церковь примыкает к соборной церкви с южной стороны и имеет вид прямоугольника с большим выступом на восточной стороне. Ширина ее неодинакова: 2 и $3\frac{1}{2}$ сажени, длина первоначально была около $6\frac{1}{2}$ сажен, но в 1836–38 году церковь удлинена к западу на $2\frac{1}{2}$, сажени. У входа вставлена в стену плита с надписью о времени построения церкви в 1640–41 году¹⁶⁴. Моши пр. Мартиниана покоятся под спудом у северной стены церкви. В нише этой стены над местом его погребения стоит рака, деревянная, украшенная резьбой с позолотой (см. рис. 10). На сторонах раки в пяти кругах (пятый круг, находящийся на восточной стороне, не виден зрителю) вырезаны вязью отрывки из жития пр. Мартиниана, повествующие об открытии его мощей и о двух чудесах, бывших

при его гробе: исцелении старца Памвы и бесноватой женщины Акулины с Суслы. Выше этих кругов по верхнему краю доски вырезана вязью в две строки надпись о времени сооружения раки в 1646 году¹⁶⁵. На верхней доске раки находится древнее изображение пр. Мартиниана во весь рост. Направо от раки у северных дверей алтаря стоит небольшое надгробие, покрытое доской без всякой надписи. Здесь погребен ученик преп. Мартиниана, упомянутый выше Иоасаф, архиепископ ростовский, бывший князь Оболенский.

В половине XVII века в Ферапонтове были освящены еще две церкви на монастырских воротах: одна – во имя Богоявления Господня, другая – во имя пр. Ферапонта. Из них Богоявленская церковь замечательна тем, что впоследствии была отведена для опального патриарха Никона. Время постройки этих церквей неизвестно с точностью, но год освящения их известен из надписей на сохранившихся от того времени осмиконечных деревянных крестах, какие обыкновенно употреблялись при освящении церквей. Согласно этой надписи, Богоявленская церковь была освящена в 1649, а в том же году и церковь пр. Ферапонта¹⁶⁶. Обе церкви представляют собою одно помещение, разделенное аркою на две половины: в северной находится церковь Богоявления, в южной – пр. Ферапонта; у каждой свой отдельный алтарь. Размеры обеих церквей очень невелики: обе церкви имеют в длину от северной стены до южной всего 5 сажен, а от иконостаса до западной стены $1\frac{1}{2}$ Сажени. Алтари имеют от з. к в. не более $3\frac{1}{2}$ аршин. Вход в церкви общий, с южной стороны, по крытой деревянной лестнице. Надворотные церкви имеют два остроконечных верха, которые придают монастырским воротам своеобразный вид, напоминающий несколько островерхие кровли средневековой готики.

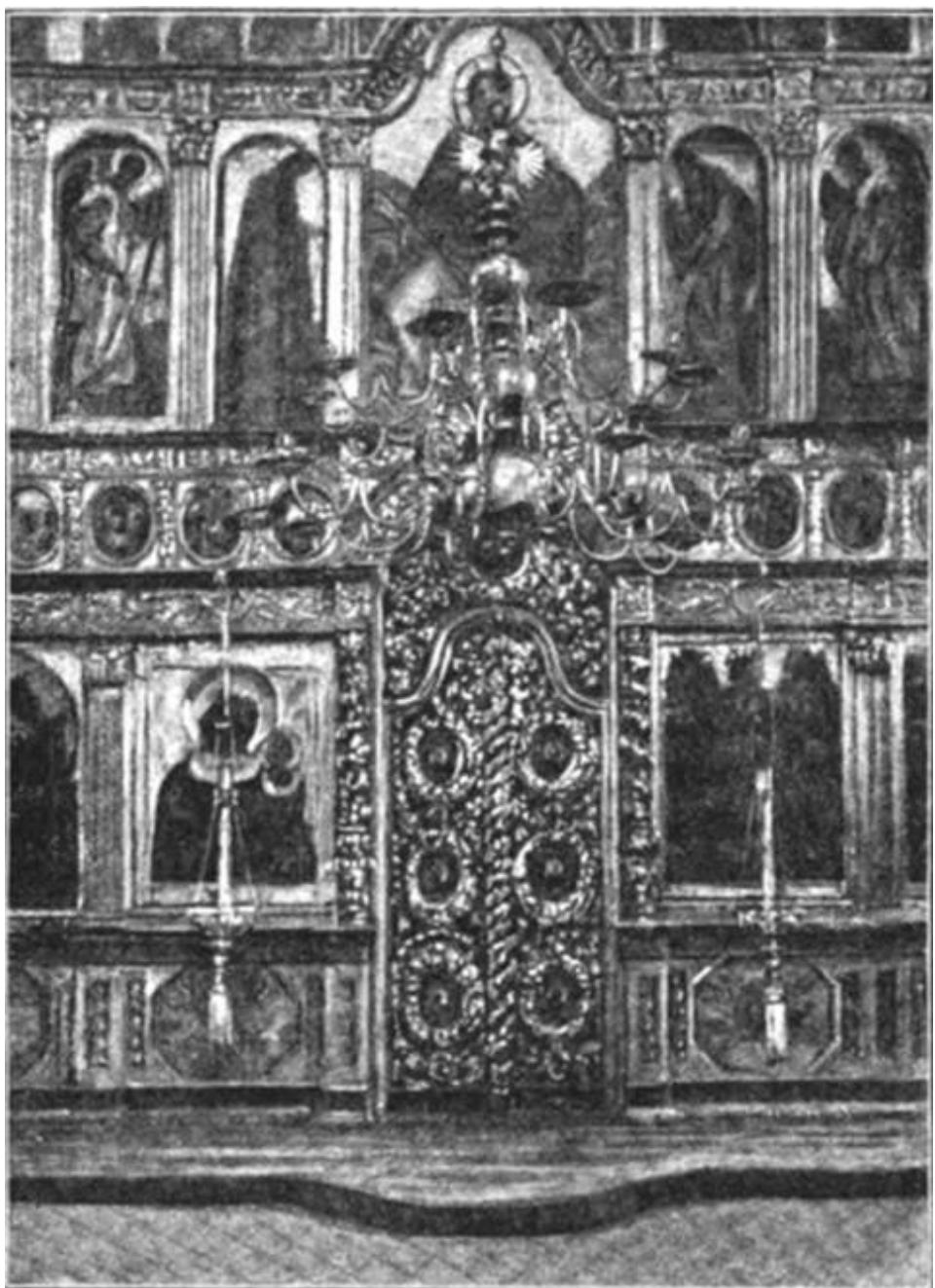

Рис. 7. Иконостас царское паникадило в соборной Рождественской церкви.

Кроме пяти каменных церквей в Ферапонтове было три каменных погреба с «сушилами». Одно из них, «большое сушило», сохранилось до селе рядом со святыми воротами на юго-западном углу монастыря. В погребах и сушилах хранились хлебные и другие монастырские запасы. Из каменных зданий в XVII веке упоминаются еще: казенная палата (по-видимому, то

самое помещение, которое примыкает к монастырской трапезе с южной стороны), «естественная» каменная палата, поварня и приделанные к св. воротам «келья да сторожка каменные». Остальные здания были деревянные. В 1673 году в монастыре было деревянного строения «21 келья старых и новых с сенми и засеньями и со всем строением». Кругом монастырь был обнесен деревянной оградой, которая была уничтожена пожаром в 1666 году вместе с многими деревянными постройками. Некоторые здания находились вне монастыря. Так за черными воротами (на север от монастыря) «стояла поварня кваснаяи при ней служебная келья». Против нее находилась шваленная изба с сенями и чуланами: в ней жили «мастеровые люди». Против св. ворот через дорогу стоял конюшенный двор с горницей на подклети, при нем конюшня, сенницы и амбары. Кроме того под монастырем находился скотный двор и три мельницы с амбарами: одна вблизи монастыря, две других несколько дальше на речке Паске за Паским озером¹⁶⁷. Таковы были постройки монастыря в 1673 году, т. е. как раз в то время, когда в Ферапонтове жил патриарх Никон.

В первое время Ферапонтов монастырь существовал отчасти, благодаря неутомимым трудам его насельников, отчасти при помощи некоторых христолюбцев, посылавших ему милостыни. Житие рассказывает, что князь Андрей Димитриевич, узнав о возникновении обители, взял ее под свое покровительство и дал ей земли с реками и озерами «в питание обитателем тем». Итак еще при своем основателе Ферапонтов монастырь владел земельной собственностью. Известно, между прочим, что пр. Кирилл купил у пр. Ферапонта починок Мигачевский¹⁶⁸.

После ухода пр. Ферапонта в Можайск земельные владения основанного им монастыря продолжали постепенно расширяться. Можайские князья, согласно обещанию Андрея Димитриевича, не забывали Ферапонтовой обители. По словам жития, они «не токмо domы великие приложиша с пашнями, но и озера многие и реки, и на них грамоты жалованные с крепкими подписми и печатми Пречистые ради Богородицы даже и доныне нами видими суть». До нас не сохранилось грамот,

данных на имя пр. Ферапонта и его первых заместителей. Все известные нам грамоты, данные Ферапонтову монастырю, относятся уже ко временам пр. Мартиниана и его преемников. Житие не даром приписывает ему заслугу расширения и укрепления обители. Первая по времени из этих грамот дана князем Иваном Андреевичем (сыном князя Андрея), в 1435 году на деревню Крохинскую (на р. Шексне близ Белозерска). Князь дал эту деревню Ферапонтову монастырю «по матери своей по княгине по Огрофене»¹⁶⁹. Имя игумена в этой грамоте не упомянуто, но в этом году игуменом, вероятно, был уже пр. Мартиниан, который во всяком случае в это время жил в Ферапонтове. Другой сын князя Андрея, Михаил Андреевич, в год своей свадьбы (около 1437 года) пожаловал Ферапонтову монастырю пустоши и пашни в окрестностях обители¹⁷⁰. При игумене Германе, преемнике пр. Мартиниана, Ферапонтов монастырь получил от князя Михаила Андреевича лес на реках Сусле и Шелекше¹⁷¹.

Пред своей смертью († 1485) князь завещал Ферапонтову монастырю «Липник да Марозеро» (около Белого озера¹⁷²). Великий князь Иван Иванович (сын Ивана III?) дал Ферапонтову монастырю село Остроконьев замошской волости белозерского уезда, а другой сын Ивана III Юрий Иванович Дмитровский дал село Парамоновых дмитровском уезде¹⁷³. Князем Андреем Кемским дан Коневский луг на р. Ковже за Белым озером (в 1568 году)¹⁷⁴.

Земли жертвовались в монастырь не только князьями, но и простыми людьми с согласия князей. Так Данило Блин около 1444 года дал «в дом Пречистой в Мартемьяннов монастырь свою куплю Сару Михайловское сельцо со всеми пустошами, с лесы и пожни»¹⁷⁵. Конюший в. княгини Софии Витовтовны (матери в. к. В. В. Темного) Иван Юрьевич «дал игумену Мартемянну с братею свои земли в Янгосаре (в вологодском уезде) и с лесы и с пожнями и с селищи... по своей души». Этот дар конюшаго был подтвержден в. княгиней в грамоте от 4 августа 1448 года¹⁷⁶. В 1484 году вотчинник Григорий Перхушков дал «в Мартемьяннову пустынь по своем роду и по своей души в Востром конце

деревни и пустыя селищи»¹⁷⁷. Вологжанин Семен Клепало дал монастырю пожно Клепалицу на р. Сухоне в 1518 году¹⁷⁸.

Кроме земель, получаемых в дар, монастырь приобретал некоторые земли покупкою. В 1438 году кн. Михаил Андреевич разрешил пр. Мартиниану купить у Тупика пустоши в Сорояре¹⁷⁹. Преемник Мартиниана игумен Герман в 1450 году купил «земли на Короткой речке у архимандрита Касьяна общего монастыря можайского»¹⁸⁰. В XVI веке Ферапонтову, принадлежали, кроме упомянутых земель, еще многие села и деревни¹⁸¹. Некоторые вотчины Ферапонтова монастыря находились в дальних уездах: дмитровском, (села: Парамоново, Аксеново), костромском (Ефимово, Квасино, Сычево) и галицком (Молев починок), как видно из описи монастырских грамот.

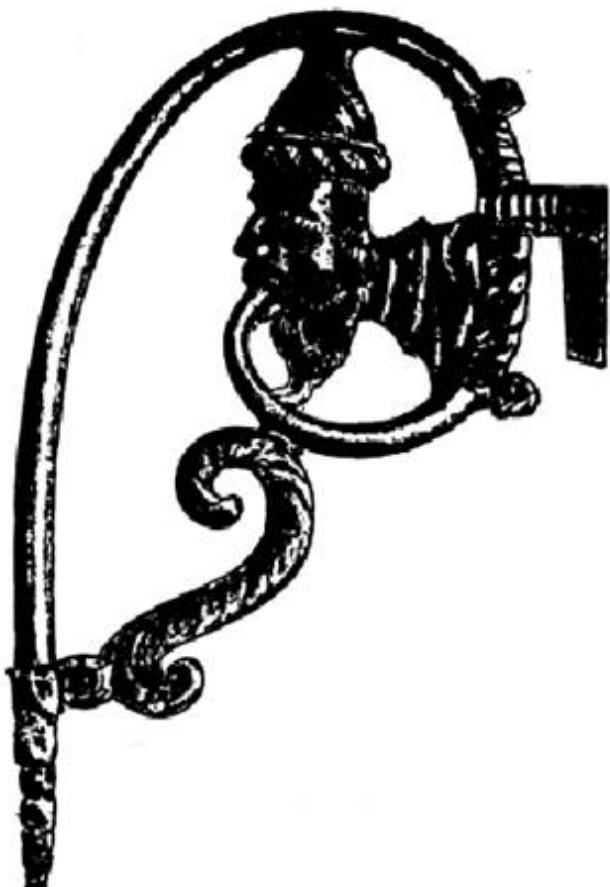

Рис. 8. Орнамент на паникадиле по Жалованном Ферапонтову мовнастырю царем Михаилом Феодоровичем.

Появление Ферапонтова монастыря в глухом Белозерском краю имело большое значение для оживления этой дикой местности. Это значение хорошо понимали древние князья. Желая содействовать монастырю в колонизации края, они предоставляли ему право перезывать на свои земли крестьян из других вотчин, за исключением своих княжеских. Селившимся на монастырских землях давалась свобода от податей на 10 или 20 лет, а также свобода от суда княжеских волостелей с подчинением игуменскому суду во всех дела, «опричь душегубства»¹⁸². Занимая земли «куде топор и коса и соха ходили», монахи являлись распространителями культуры в этом диком краю. Князь Михаил Андреевич разрешил игумену Мартемьяну с братией чистить болото против монастырского села Крохина¹⁸³. В монастырских вотчинах население увеличивается, в селах одна за другую ставятся церкви для крестьян. В 30 годах XVI века известны уже шесть церквей, поставленных в монастырских вотчинах, кроме Бородавской, построенной еще в XV в.¹⁸⁴.

В начале XVII в. в восьми волостях белозерского уезда Ферапонтову монастырю принадлежали «два погоста, да 4 села, да 2 сельца, да 52 деревни живущих, да 3 деревни пустых»¹⁸⁵. Крестьяне платили оброк монастырю хлебом и деньгами. Для собирания оброка и заведывания хозяйством в монастырских селах жили посельские старцы и целовальники.

При обилии озер и рек в Белозерской области большое значение в хозяйстве монастыря имели рыбные ловли. Еще во времена пр. Мартиниана кн. Михаил Андреевич позволил монастырским ловцам без пошлины ловить рыбу «на Белеозере и на Прутьище на Осиновом и в Шексне», где монастырю принадлежали участки в «езах» (тонях), и торговать сущем и рыбой в Белозерске и во всей княжеской вотчине¹⁸⁶. На самом Беле озере Ферапонтову принадлежали две тони, а на Шексне ему изстари принадлежала тоня в устьях Шексны от реки Бородавы до реки Чайки¹⁸⁷. Бородавское озеро, на берегу которого стоял Ферапонтов, также принадлежало ему, впрочем не все целиком: четвертая часть его, как известно из писцовых книг XVI в., принадлежала государю¹⁸⁸. Из других озер

Ферапонтову принадлежали: Сороярское озеро, которым он владел сообща с Кирилловым монастырем¹⁸⁹, озера Водышское, Кишемское, Палшемское, Конинское и др. Из приходо-расходных книг ферапонтовских XVII века видно, что у монастыря были особые ловцы-крестьяне, для которых постоянно покупались рыболовные принадлежности.

Не лишены интереса в бытовом отношении споры, в которые Ферапонтов монастырь не раз вступал с соседями из-за своих земельных владений. Первый известный нам спор был с Кирилловым монастырем при игуменах кирилловском Касьяне и ферапонтовском Германе около 1450 года. Спор возник об озере Уломском. Здесь на острове кирилловские монахи построили «пять хором». Игумен ферапонтовский Герман велел те хоромы изломать и бросить в воду. Однако кн. Михаил Андреевич, «обыскав того по старине, как было при отце его Андрее Дмитриевиче», решил спор в пользу Кириллова монастыря, обязав игумена Германа построить вновь разрушенные им хоромы на том же самом месте¹⁹⁰. Это был не единственный случай спора между двумя соседними обителями, судя по тому, что князь Михаил Андреевич велел Афанасию Внукову отвести земли Кириллова монастыря от ферапонтовских подле озера Сороярского и речки Илосы, что тем и было сделано в присутствии старцев, представителей обоих монастырей¹⁹¹.

В конце XV и начале XVI века у Ферапонта монастыря возникло несколько земельных споров с соседними крестьянами. Споры эти не всегда оканчивались в пользу иноков. Так при князе Иване Васильевиче III ферапонтовский старец Кирилл судился с крестьянами южской волости из-за пустошей на реках Юге и Саре, данных монастырю Данилом Блином за восемь лет перед тем. Хотя старец Кирилл представил судьям самого вкладчика, Данилу Блина, и его грамоты: купчую и вкладную вместе с грамотой князя Михаила Андреевича, но судьи указали на несоблюдение в грамотах некоторых формальностей (отсутствие княжеской печати, а также подписей дьяка и послухов) и решили дело в пользу крестьян¹⁹². Так же не в пользу монастыря окончилась тяжба его с крестьянами Словинского Волока о расчищенном лесе на р. Сусле. Она

тянулась несколько лет с переменным успехом, пока наконец по слову в. к. Ивана Васильевича писец Василий Наумов «крестьян оправдал, а ферапонтовского старца Фегнаста Батмана обвинил¹⁹³. Около 1490 года писцы вел. Князя приписали к Белозерску принадлежавшее Ферапонтову монастырю село Крохино, оставив старцам только место под двор в 30 сажен. Но на этот раз ферапонтовскому старцу Евстратию удалось отстоять права монастыря после предъявления трех княжеских жалованных грамот и после долгих препирательств¹⁹⁴. Эти тяжебные дела, с протокольной подробностью изложенные в дошедших до нас судных и правых грамотах, наглядно воспроизводят картину земельных споров в древней Руси. Как видно, судьи относились с большой осторожностью к грамотам, предъявляемым тяжущимися сторонами. Важное значение имел тогда голос свидетелей старожилов. В деле о Крохинской деревне судьи, не довольствуясь предъявленными монастырем грамотами, призвали старожилов Гридю Лимонова 90 лет да Иова Терехова 70 лет, которые и рассказали им историю Крохинской деревни по своей памяти. Иногда свидетели старожилы давали противоречивые показания, чем ставили судей в затруднительное положение. В спорном деле Ферапонтова монастыря с Есюнинскими крестьянами о сусельских землях (в 1530 году) свидетели старожилы ферапонтовские и есюнинские взаимно упрекали друг друга во лжи. Обе стороны выражали готовность решить дело судом Божиим, несколько раз заявляя судье: «дай нам, господине, с ними в том Божью правду, целуем крест да лезем на поле битися». Дело это докладывалось потом у великого князя и кончилось тем, что судья Федор Гневашев приказал ферапонтовским старожилам с иконой в руках обойти по спорным межам и по их указанию отвел монастырские земли от крестьянских¹⁹⁵.

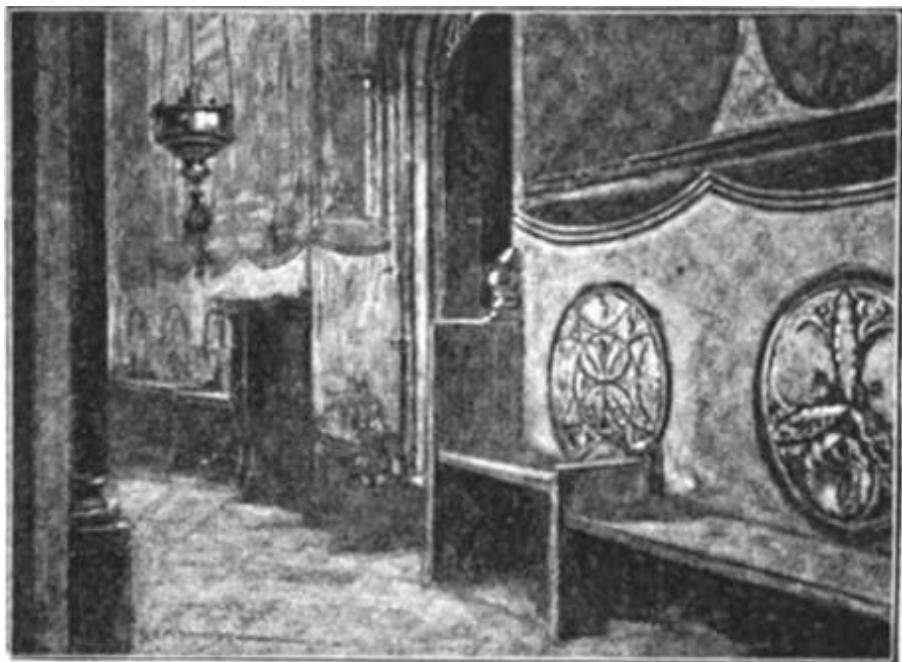

Рис. 9. Места келаря казначея в соборной церкви.

Насколько нетвердо были установлены границы монастырских владений даже в половине XVI века, можно видеть из того, что в 1546 году ферапонтовский игумен Гурий бил челом в. князю Ивану Васильевичу Грозному на крестьян Словинского Волочка и волостей Цыпинской и Иткольской, присвоивших себе в разных местах монастырские починки и деревни. По этой жалобе Грозный поручил Третьяку Гневашеву вместе с судьёю, которого выбрали от себя крестьяне, ехать на спорные земли и там в присутствии старост, целовальников и тутовых старожильцов обыскать, «чья то земля и лес и пожни и починки и деревни изстари» и по этому обыску учинить межи и положить грани¹⁹⁶. В начале XVI в. владения монастыря были вновь описаны в белозерских и вологодских писцовых книгах, выписи из которых хранились в монастырской казне. Тем не менее споры о землях продолжали возникать до конца XVII в.¹⁹⁷.

Русские монастыри в старину пользовались разными льготами от князей. Много льгот получил в свое время от русских князей и государей и Ферапонтов монастырь. Мы уже упоминали выше об освобождении монастырских крестьян от податей и мирского суда. Эти льготы подтверждены были потом грамотами Иоанна Грозного (1541 и 1584 г.) и Михаила Феодоровича (1624)¹⁹⁸. Монастырские люди не свободны были

только «от ямских денег, стрелецких хлебных запасов и городового и острожного дела». Известны и другие льготы, содействовавшие экономическому благосостоянию монастыря. Верстах в 10 от Ферапонтова находился Словинский Волок – древнейший торговый путь между Шексной и системой Кубенского озера к Беломорскому побережью. Князь Михаил Андреевич при кирилловском игумене Касьяне (1448–1469) «пожаловал» Кириллов и Ферапонтов монастыри: «велел им треть волочити а два жеребя велел... волочити волочяном волостным людям и слугам и черным¹⁹⁹. При жизни пр. Мартиниана монастырю было разрешено торговать безпошлинно рыбой и сущем (сушеные снетки) по всей княжеской вотчине²⁰⁰. В той же грамоте он освободил монастырь от рыбного оброку при ловле рыбы на Белеозере и Шексне («ино им не надобе рыбное, ни ночь княжа»). При Иване Васильевиче Грозном монастырю дано было право провозить безпошлинно запасы, покупаемые в разных городах. Так в грамоте 1539 года разрешено было монастырю купить в Каргополе соли «десятьдесять» пудов, да в других городах, Москве, Белозерске или Вологде, разрешалось покупать один раз в год на монастырский обиход 200 пудов меду, да 1000 четъ ржи да 1000 четъ овса да на 50 рублей рыбы и масла. При провозе этих товаров в монастырь наместникам и таможникам не велено было «тамги имати и весчего и подряднаго и гостинаго и мостоваго и перевознаго и побережнаго и амбарнаго и перцу и привозу и отвозу и иных некоторых пошлин». Крестьяне монастырских вотчин освобождены были от обязанности давать подводы боярам, дьякам и служилым людям. Все эти льготы подтверждены были грамотой Михаила Феодоровича в 1624 году²⁰¹.

Многочисленность известных нам княжеских и царских грамот, жалованных Ферапонтову монастырю, показывает, что эта скромная обитель не была забыта древними князьями и государями²⁰². Некоторые из них упоминали о Ферапонте в своих духовных завещаниях, оставляя ему вклады на помин души. Так Михаил Андреевич, бывший покровителем монастыря при своей жизни, завещал ему в своей духовной грамоте «на поминок по своем роду и по своей души Липник да Марозеро». Но

если великий князь Иван Васильевич, которому после его смерти будет принадлежать Белозеро, захочет оставить эти села у себя, то он должен уплатить монастырю «50 рублей». Кроме того в этом завещании мы находим любопытное упоминание о долге князя монастырю в размере 2 рублей, которые занял на соль княжеский человек Микитка²⁰³. Племянник великого князя кн. Иван Борисович Волоцкой в своей духовной грамоте завещал по себе и по своей матери в Мартемьянов монастырь 10 рублей да кожух бархат на соболех шит золотом да серебром»²⁰⁴. Несчастный внук великого князя – Димитрий Иванович, печально кончивший дни свои в тюрьме (1509), просил в своем завещании послать милостыню в помин своей души, между прочим, и в Ферапонтов монастырь²⁰⁵.

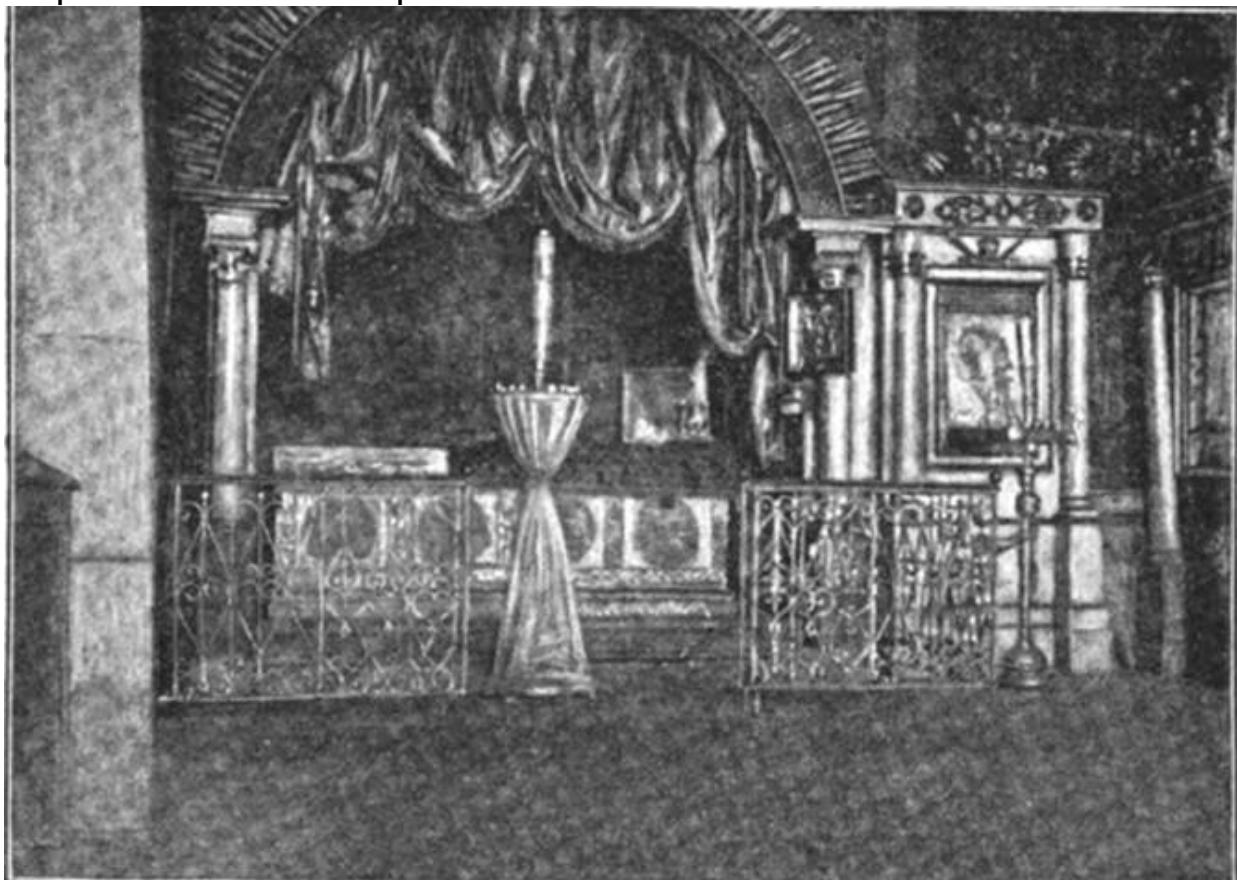

Рис. 10. Рака пр. Мартиниана.

Некоторые князья сами приезжали в монастырь на богослужение. Выше уже было сказано о посещении монастыря кн. Василием Васильевичем Темным в игуменство пр. Мартиниана. В 1528 году в декабре Ферапонтов монастырь посещен был в.

князем Василием Ивановичем, который вместе с супругой Еленой ездил тогда на богомолье в Вологду и Кириллов монастырь, чтобы испросить себе давно желанного наследника²⁰⁶. Вскоре после этой поездки родился у них сын Иван (25 августа 1529 года). Приписывая рождение его молитвам чудотворца Кирилла, обрадованный отец велел поставить в Кириллове две церкви по этому случаю. Впоследствии сам Иван Васильевич Грозный питал особую любовь к Кириллову монастырю. Он был в Кириллове три раза,сыпал его щедрыми приношениями и даже высказывал желание постричься в нем, приказав построить для себя особые кельи.

Благодаря отчасти своему соседству с Кирилловым монастырем, Ферапонтова обитель также пользовалась милостивым вниманием к ней грозного царя. Предание о предсказании ферапонтовским старцем Галактионом покорения Казани, записанное в Степенную книгу, конечно, было известно Грозному и могло содействовать расположению его к Ферапонтову монастырю. Иван Васильевич посетил Ферапонтов монастырь два раза в 1547 и 1553 году. В последний раз он приехал в Кириллов с супругою Анастасией, сыном Дмитрием и братом Юрием. Оставив их в Кириллове, он один поехал оттуда в Ферапонтов.

Большая часть грамот, жалованных Ферапонтову монастырю и хранившихся в монастырской казне, принадлежит Ивану Грозному. Достойны внимания его щедрые жертвы монастырю. В помин царицы Анастасии († 1560) он послал «сто рублей да по иноке Александре сто рублей, в помин царевича Ивана 600 рублей, да по Иване и Игнатье и по семидесяти человекам опальных побиенных крест золотой, да резную икону Успения, обложенную золотом с каменьями, да шубу во сто рублей, да звезду золоченую, да (по убитом им) сыне по царевиче Иване Ивановиче († 1582) спорок с шубы венецианского бархату с петлями золотыми, да бархату лубского, да сани с хомутом с песцовыми хвостами и полсть и барсовой тюфяк да по сынеж царевиче Иване Ивановиче ожерелье, терлик²⁰⁷, седло бархатное с камкою и 14 рублей; да 200 рублей да платья

парчевые да посуды да материи да ковшей золотых 2 да чарок 5, да еще две тысячи рублей, да платья шелковаго да сукна два постава»²⁰⁸. Ни прежде, ни после Ферапонтов монастырь не имел такого щедрого жертвователя.

Благоволили к Ферапонтову монастырю и лица из царского дома Романовых. Отец царя «великий государь святейший патриарх Филарет Никитич всея Руси дал 50 рублей да общую минею, инока царица Марфа Ивановна 50 рублей да она же дала по иноке царице Марфе Федоровне 50 рублей, да на церкву тридцать рублей, за царевну, за Ирину Михайловну». Сам Михаил Феодорович дал «в помин матери своей царицы иноки Марфы сто рублей да (упомянутое выше) паникадило (мед)ное»²⁰⁹.

Много пожертвований монастырь получал от князей и бояр. Некоторые из них жертвовали по несколько раз. Напр. Боярыня Анна Васильчикова дала 50 рублей, а монастырь кормити, да она ж дала заздравные 8 рублей 30 алтын 2 деньги, да она ж дала милостыни 14 рублей, да она же 14 рублей, кн. Владимир Иванович Воротынской дал 60 рублей, да еще 15 рублей²¹⁰. Все пожертвования записывались в вкладную книгу²¹¹.

Давая в монастырь вклады на помин души своей и своих родных, жертвователи часто завещали по себе «корм кормити» т. е. ставить в монастыре поминальную трапезу – в дни поминовения. Так в 1477 году в. княгиня Мария Ярославовна завещала в течениит 15 лет устраивать «кормлю» раз в год, 1 мая, по старце Пафнутии Боровском и по своем супруге в. к. Василие Васильевиче Темном, для чего Ферапонтову монастырю назначалась милостыня 3 рубля в год²¹². Сохранилась доселе «кормовая книга» в которой записано, когда и по ком следовало «корм кормити». На ряду с именами царей, патриархов, епископов, князей и бояр мы видим здесь имена простых смертных, оставлявших свои вклады в монастырь²¹³.

Заказывать «кормы» могли только лица, более или менее состоятельные. Небогатые люди ограничивались записью своих имен в монастырский синодик на вечное поминование. В XVII в. за внесение одного имени в «подстенной» синодик платили з алтына 2 деньги. «Литейной» синодик стоил дороже: там за одно

имя платили полтину²¹⁴. В синодике Ферапонтовском, который доселе хранится в церкви бывшего монастыря, записаны роды патриархов, в. князей, царей, архиереев, игуменов обители и ее иноков, а также князей, бояр и дворян московских, монахов и простых людей. Сюда же «по приговору» царя Ивана Васильевича Грозного внесены имена его жертв: в одном месте их записано 70, в другом их список занимает 4½ листа. По указу Царя Алексея Михайловича в синодик внесены имена казаков, убитых под Азовом²¹⁵.

В общем пожертвования в монастырь достигали весьма значительной суммы, если принять в соображение, что рубль в старину стоил в 10–16 и более раз дороже нынешнего. При небольшом размере монастырских вотчин денежные вклады и приношения служили главным источником благосостояния монастыря в XVI веке.

По внутреннему своему устройству и управлению Ферапонтов монастырь, насколько можно судить по приходо-расходным книгам и другим документам XVII века, напоминал собою порядки большого Кириллова монастыря. Так же, как в Кириллове, мы встречаем здесь особое должностное лицо – строителя, который был в монастыре вторым лицом после игумена и заведовал всею хозяйственной стороной в жизни монастыря²¹⁶. Кроме игумена и строителя в ряду должностных лиц Ферапонтова монастыря упоминается: келарь, казначей, житник, конюший, старец, подкларник, чашник. В селах жили посельские старцы, заведовавшие хозяйством и сбором оброка с крестьян. Монастырскими мельницами заведовали также особые старцы, ежемесячно сдававшие казначею «помольные» деньги.

Клиросные должности – головщика, канонархиста, псаломщика, дьячка – в XVII веке исполнялись лицами, иногда не принадлежавшими к числу братии, за жалованье, платившееся им каждый месяц²¹⁷. Служащие священник и дьякон также были на жалованье²¹⁸. В 1673 году в монастыре были: «келарь, казначей, житник, конюший, два священника, братии 38 братов, служек 18 человек, служебников 61 человек». Вотчинных крестьян и бобылей числилось 383 человека²¹⁹.

В экономическом отношении XVII век был периодом упадка и разорения в истории Ферапонтова монастыря. Это отчасти зависело от общих тяжелых условий того времени. «Лихолетье», оставившее продолжительные следы в виде всеобщего разорения и оскудения московского государства, печально отразилось и на благосостоянии Ферапонтовой обители. Монастырские вотчины были разорены воровскими шайками, много крестьян убито и замучено. В писцовых книгах 1628–30 годов можно видеть следы литовского разоренья при упоминании о пустых деревнях и дворах²²⁰.

Постоянные войны московского правительства, вызывавшие новые налоги и повинности, в конец истощили и без того обедневшее население. Монастырская казна уже не пополнялась вкладами в таком обилии, как это было в XVI веке. Мало того, сам монастырь должен был уделять из своих средств на нужды государства. Так во время войны со Польшей в 1655 году, по указу царя и патриарха, велено было из хлебных запасов Ферапонтова монастыря отмерить половину ржи и четвертую долю овса, и приготовив из них 600 четвертей сухарей да 200, круп и толокна, отправить под Смоленск на монастырских и крестьянских подводах. С большим трудом отправив половину запасов, монастырь жаловался на отсутствие денег в казне и просил освободить его от доставки другой половины. Но патриарх Никон не уважил этой просьбы и приказал доставить в Смоленск и другую половину запасов «летним путем, когда вода вскроется»²²¹. Кроме хлеба под Смоленск требовались лошади: с 50 дворов монастырь должен был доставить «по одной доброй лошаде (ценою в 5 рублей мерин)»²²². Правда, после шведской войны число монастырских крестьян увеличилось вышедшими из шведских областей королянами, которые в количестве 54 семейств были поселены на монастырской земле. Но за этих поселенцев взималось в казну по 4 рубля 5 алт. и 2 деньги за каждую семью. Монастырю трудно было уплатить эти деньги: белозерский воевода даже обвинял монастырских властей в недоплате некоторой части требуемой суммы²²³. Короляне, как увидим ниже, оказались

плохим приобретением для монастыря. К довершению своей бедности монастырь был разорен пожаром в 1666 году²²⁴.

Приходо-расходные и отписные книги монастыря рисуют нам положение монастырской казны в XVII веке в самом печальном виде. В 1627 году в казне было на лицо 41 рубль 6 алтын 3 деньги, а в 1673 году наличность монастырской казны доходила до 4 рублей 9 алт. И 2 денег и даже до 1 рубля 18 алтын²²⁵. Такая скудость казны объясняется неисправностью как обедневших крестьян-плательщиков, по целым годам не вносявших оброков, так и других должников, не плативших долгов по своим кабалам (долговым роспискам). В 1673 г. Монастырь должен был получить по оброчным записям и 83 кабалам 403 рубля 16 алтын 3 деньги. По приходо-расходным книгам можно судить, как тяжело временами приходилось монастырю. В иные месяцы расход превышал приход, и монастырский казначей вынужден был занимать деньги на текущие расходы то у патриарха Никона, жившего тогда в монастыре, то у служащего черного попа Дионисия, то наконец у церковного старосты соседней Ильинской церкви²²⁶. В 1666 году, по приезде в Ферапонтов патриарха Никона, братия в членитной государю так жаловалась на бедность монастыря: «монастырь у нас бедный и скудный и погорел без остатку и келейным покоем истесненье великое и хлебу недорода – вызяб весь, а крестьян твоего жалованья за монастырем 321 двор, и то в разных городах». В письмах Никона государю постоянно встречаются указания на скудость обители. «Жизнь в Ферапонтовом монастыре скудная, пишет Никон, вотчинка за ним небольшая и крестьянишки обнищали до конца»²²⁷. Самое пребывание в Ферапонтове опального патриарха, который содержался, правда, при пособии окрестных монастырей, невольно вовлекало монастырь в излишние расходы служившие большим бременем для оскудевшей обители²²⁸.

Но все это были, так сказать, внешние причины обеднения монастыря. Внутреннею причиной разорения монастыря во второй половине XVII века были вопиющие злоупотребления монастырских властей – игумена Афанасия и келаря Макария Злобина. Начало разоблачениям этих беспорядков в

монастырском хозяйстве положил патриах Никон, который живя здесь в заточении, заметил недобросовестность Афанасия по отношению к себе и в своей челобитной на имя государя, прочитанной в присутствии пристава и всей братии, доказал, что игумен Афанасий всегда его обсчитывал, показывая расход на содержание его вдвое и втройе больше настоящего. Игумен Афанасий, чувствуя недобро, еще до этого обличения отказался от игуменства, а когда Никон подал на него новую челобитную государю, бывший игумен не дожидался следствия, бежал из монастыря. Его примеру последовал житенный старец Иов, тоже обвиняемый в злоупотреблениях. Оба беглеца пропали потом без вести. Вскоре после их ухода новый игумен монастыря, по имени тоже Афанасий, с братией подали челобитную государю на бывших игумена и келаря, в которой описали их проделки и злоупотребления, разорившие монастырь. По словам челобитной, «келарь и игумен, будучи в Москве, из монастырских сел хлеб и скот продавали, а деньги брали себе, а на иные вино покупали, и из казны монастырской деньги с собою к Москве брали и отчету по се число не давали. Едучи к Москве, взяли они на Вологде на кружечном дворе 15 ведер вина и дали кабалу, и с монастыря взято по той кабале 15 рублей». Живя в Москве, они занимали деньги в счет монастыря, и монастырь должен был платить долги по их кабалам. Дело дошло до того, что келарь Макарий, «умыся с черным попом Дионисием», заложил их монастырский двор в Москве за 85 рублей без ведома братии, да хотел еще закладывать и монастырские вотчины. Этот келарь Макарий, живший в Москве с 1669 года, был отрешен от должности в 1671 году и за это, по словам братии, мстил монастырю, причиняя монастырским служкам и крестьянам большие убытки и неприятности. Братия просила государя «счесть прежнего игумена и келаря в таком московском расходе и о закладе двора их указ учинить, чтоб монастырю от заемных их кабал впредь напрасно не разориться»²²⁹.

Неудивительно, что при таких хозяевах Ферапонтов монастырь дошел до крайнего упадка. В 1676 году присланный из Кириллова монастыря новый строитель Исаия нашел

монастырь в плачевном состоянии. В Ферапонтове, как писал он в своем донесении в Москву, «на церквах и каменных палатах (казенной, сушиленной и поваренной) все кровли сгнили и после пожара 1666 года в монастыре кельи и около монастыря ограда до сих пор не построены, а остальное строенье (кельи, службы и мельницы) все обвалилось и сгнило; в монастырской казне денег и в житницах хлеба он не нашел; братия и служки в монастыре и по селам питаются овсяным хлебом, занятым в долг; сам он (строитель) занял в Кириловом на расход 30 четъ ржи и 20 четъ солоду на квас; ржаной хлеб до 8 августа еще не сеян по бедности монастыря»²³⁰.

В самом конце XVII века мы находим монастырь все в том же затруднительном положении. В 1690 году, при передаче монастырской казны новому казначею, в ней оказываются на лицо только кабалы, да памяти да росписи, сколько с кого нужно получить денег за прошлые годы.²³¹ Получать оброки с обедневших крестьян, как видно, было нелегко. Особенно много хлопот доставляли монастырю упомянутые выше новые поселенцы на его вотчинах – кореляне, данные во владение монастырю еще в 1650 году в количестве 54 семейств²³². Двумя грамотами, присланными на Белоозеро к воеводам из пушкарского приказа в 1684 и следующем году, предписывалось: «Корелянам 50 семьям жить за Ферапонтовым монастырем и того монастыря властям и братии быть послушными и всякие государские и монастырские подати платить и изделие на монастырь делати без всякого ослушания со крестьяны в ряд». В то же время не велено было взыскивать доимочных денег за корелян за прошлые годы в количестве 1123 рублей 6 алтын и 4 денег. Но кореляне плохо слушались монастырских властей. В 1696 году им был объявлен указ Петра Великого, требовавший от них послушания монастырским властям под угрозой жестокого наказания за неповинование. Кореляне, выслушав указ, обещали быть послушными игумену и братии и платить «всякие подати государевы и монастырские оброки».

Но вскоре же после этого игумен Ферапонта монастыря Флавиан бил челом государю, что Корелы «выше писанную грамоту выслушав, учинились сильны и непослушны и во всем

им властям отказали, а ныне де у них за их корельским непослушанием силою всякие оброки и платежи стали и достальные крестьяне от домов разошлись, и Ферапонтов монастырь от того до конца оскудел». Вслед за этой челобитной последовал новый указ Петра (28 мая 1697 г.), в котором суровый преобразователь, подтвердив прежнее требование, прибавил следующую угрозу: «а буде те Корелы... властям Ферапонтова монастыря учинятся сильны, и за то ослушание выбрать из них пущих заводчиков человеком пяти при всех их братьях Корелянах учинить им наказание велети, бити их кнутьем, а других пяти человеком – батоги нещадно»²³³.

5. Последний век существования обители и ее закрытие

§VIII

Здесь уже не нужно боя часов:
последний пробил для обители.

А. Н. Муравьев.

Монотонный характер жизни монастыря в XVIII веке. – Вкладная книга этого времени. – Политические доносы на игуменов обители. – Арсений Мациевич. – Ремонт монастыря и неожиданное его закрытие.

Не смотря на упадок Ферапонтова монастыря в XVII в., история его в этом веке представляет много интересных страниц. Во второй половине этого века монастырь получает даже особую историческую известность. В это время в течение десяти лет (1666–1676) скромная Ферапонтова обитель привлекала к себе тревожное внимание московского правительства, а за ним и всей Руси: в ней жил тогда знаменитый заточник «монах Никон», бывший великий государь и патриарх московский и всея Руси²³⁴. Последний XVIII век в истории Ферапонтова монастыря является менее содержательным в сравнении с предшествующими веками и до самого конца не представляет особенно выдающихся событий. Для обители наступила теперь серая будничная жизнь небольшого захолустного монастыря.

Заглянем для примера в вкладную книгу, сохранившуюся от этого времени. Как резко она отличается от прежней вкладной книги XVI в., испещренной именами царей, бояр и князей, дававших монастырю щедрые милостыни. Во всей вкладной книге XVIII века мы находим имя только одной высоко поставленной особы. Это бывшая супруга Петра Великого Евдокия Феодоровна, приславшая в монастырь с игуменом Матфеем свою милостыню – 5 рублей²³⁵. Все прочие жертвователи – соседние обыватели, дававшие свои скромные приношения чаще всего натурой. Одна «погосная старуха» пожертвовала 32 аршина полотна за 20 алтын, другая 1½ четверика гороху за 15 алтын «в помяновение души своея». Посадский человек «града Белаозера» дал вкладом 2 дести бумаги. Некто Максим Иванов дал по дочери своей девице

Евдокии 10 копеек. Чаще всего жертвовали скотом и лошадьми, приметы которых всегда отмечаются в записях. Упомянутый выше переписчик жития пр. Ферапонта и Мартиниана дьякон Самсон Васильев дал вкладом «мерина голубого», дьячек от церкви пр. Илии Дмитрий Федоров «дал по обещанию корову белохрептую». Один крестьянин дал «корову белую щеки черные за рубль», другой «телочку бурую годовую белорожую» и т. д. Подобными подчас курьезными записями наполнена вся книга от 1726 по 1789 год. Денежные вклады (со стороны помещиков и военных) встречаются редко и не превышают 10–12 рублей. Прежние счастливые дни, когда монастырь пользовался щедрым вниманием царей и вельмож, давно уже отошли в область невозвратно минувшего.

Немного интересных событий мы можем отметить на сером фоне однообразной монастырской жизни. Около 1719 года братия Ферапонтова монастыря жаловалась на игумена Иоасафа «за разные причиненные им обиды». Иоасаф был лишен игуменства и переведен в Вологду в число братий Ильинского монастыря. В 1722 этот Иоасаф вместе с Георгием, который еще раньше его был игуменом в Ферапонтове, подверглись подозрению со стороны Преображенского приказа. Приказ спрашивал у св. Синода о каких то челобитных, поданных братиею и служителями Ферапонтова монастыря на этих двух бывших игуменов, которые обвинялись там «в непристойных словах и многих неистовых делах». Челобитные эти понадобились приказу «для решения в великом Его Императорского Величества сыскном деле». По отзыву епископа вологодского Павла, этих челобитных у него не оказалось и они ему не были поданы²³⁶.

Политические доносы были в большом ходу в XVIII веке и при малейшей неосторожности легко было попасть в беду. В 1742 году игумен ферапонтовский Варлаам отслужил четыре панихиды по преставившимся высочайшим особам, но не в те числа, какие были указаны в печатном реестре, «а в другие за день и накануне». Вероятно, вследствие доноса кого-либо из братии, по этому поводу возникло дело, кончившееся тем, что злополучный игумен был послан под начал в Спассокаменный

монастырь. Здесь велено было «содержать его игумена один месяц в трудех неисходных из монастыря и не допуская до священнослужения»²³⁷. По Строеву, игумен Варлаам был даже взят в Тайную Канцелярию²³⁸.

Ферапонтов монастырь, служивший в XV и XVII веках местом заточения двух известных иерархов митрополита Спиридона и патриарха Никона, в XVIII веке видел у себя третьего замечательного узника-иерарха. Это известный митрополит ростовский Арсений Мациевич, который пал жертвою борьбы за права русской церкви с либеральным правительством Екатерины II. Как известно, митрополит жестоко поплатился за свой смелый протест против отобрания монастырских имуществ: его лишили сана и в качестве ссыльного монаха переводили под конвоем из монастыря в монастырь, и наконец заключили в Ревельскую тюрьму, где содержали до самой смерти († 1779) как важного государственного преступника под именем Андрея Враля. Любопытно отметить, что по некоторым известиям, первый монастырь, куда был сослан этот страдалец за права русской церкви, был именно Ферапонтов²³⁹, где за сто лет перед тем томился в ссылке «за слово Божие и за св. церковь» великий ревнитель отечественной церкви патриарх Никон. Но Арсений Мациевич, вероятно, был в Ферапонтове недолгое время, так как другие известия ничего не говорят о его ссылке в Ферапонтов монастырь²⁴⁰.

XVIII век и особенно царствование Екатерины II были тяжелым временем для русских монастырей. Ферапонтов монастырь благополучно пережил эти тяжелые времена. По ревизии 1744 года у него оказалось тоже число крестьян, что и в XVII веке – 210 душ²⁴¹. Наступил роковой для монастырей 1764 год: монастыри и пустыни закрывались целыми сотнями. Из числа 881 монастырей, скитов и пустынь, мужских и женских (678 м. и 203 ж.), по штатам 1764 года было оставлено только 385 (318 м. и 67 ж.), следовательно, упразднено 496 монастырей или 56,3% всего числа монастырей²⁴². Но Ферапонтов монастырь на этот раз уцелел от закрытия. Правда, он занял последнее место в списке уцелевших монастырей и был положен 100-м в третьем

классе и последним с настоятельством игуменским²⁴³. Но при всем том он оказался счастливее многих монастырей, оставленных за штатом или совсем закрытых.

Только в самом исходе XVIII века наступил конец для Ферапонтова монастыря и то благодаря довольно случайному стечению обстоятельств. В конце этого века обветшавшие здания монастыря требовали издержек от казны на их ремонт. Еще в 1781 году из Кирилловского уездного казначейства выдано было Ферапонтову монастырю «за платяжем оброчных и подушных денег» 40 рублей на церковные потребы и 200 рублей на починку церквей и на ризницу, и на эти деньги производился в монастыре ремонт²⁴⁴. В 1787 году Ферапонтов монастырь, принадлежавший раньше к вологодской епархии, отчислен был к новгородской. Митрополит новгородский и петербургский Гавриил сделал Синоду представление о нуждах Ферапонтова монастыря. «Положенный в 3 классе мужской Ферапонтов монастырь, писал владыка в этом представлении, хотя имеет в себе четыре церкви и прочее здание все почти каменное, но оное крайне обветшало и в церквах оказались не только в стенах и сводах трещины, но от одной и алтарь совсем отвалился, а колокольня наклоняется к падению, да в келлиях и других для служб зданиях подобная от ветхости последовали повреждения, так что из всего того строения едва что годится к перестройке, возобновление же оного требует не малой суммы». Бедственное состояние монастыря, описанное в этом докладе, вероятно, на основании донесения самих же монастырских властей, само по себе еще не угрожало монастырю закрытием. О закрытии его тогда еще не думали. Напротив, митрополит Гавриил, заботясь о поддержании монастыря в исправном виде, резолюцией от 31 января 1794 года приказал разобрать ветхое каменное строение и сделать новое. По этой резолюции в Ферапонтове начались постройки: «сломаны были крыльца и переходы, по которым ходить было опасно, и начаты строить вновь». На весь ремонт было издержано более полуторы тысячи рублей. Оставалась еще непоправленной церковь пр. Мартиниана. Игумен Феофилакт в своем доношении на имя высокопр. Гавриила, сообщая о производстве ремонта и о

неимении средств к его окончанию, просил митрополита выдать за своею подписью книгу для сбора пожертвований на постройки монастыря. Это доношение было послано к митрополиту 5 ноября 1797 года²⁴⁵.

По всей вероятности, митрополит уважил бы просьбу игумена, дав ему возможность окончить начатый по его же резолюции ремонт, и Ферапонтов монастырь, может быть, существовал бы и доселе. Но дело осложнилось новым обстоятельством, которое и решило судьбу Ферапонтова монастыря. В Пензе, в 1½ верстах от города, существовал Спасопреображенский монастырь, основанный в 1667–89 году. При издании штатов в 1764 году он был оставлен на своем содержании и пришел в такую ветхость, что его нужно было или совсем закрыть или перестроить. По желанию жителей Пензы монастырь был перенесен на новое место – бывшее Вознесенское кладбище. Вместе с тем пензенские «благородные жители» обратились в Синод с прошением, в котором «прописывая об устроенном при том городе на выгодном месте заштатном Преображенском монастыре каменным зданием в наилучшем виде и что оный город Пенза, будучи по великости своей знаменит, не имеет того преимущества, дабы по примеру прочих городов была учреждена в нем архимандрия или хотя игуменство, просили о таковом усердном их желании учинить разсмотрение».

При рассмотрении этого прошения пензенских граждан Синод принял во внимание доклад высокопреосв. Гавриила о состоянии монастыря в 1790 году. «Сообразя с одной стороны устройство показанного Пензенского монастыря в наилучшем виде каменным зданием, не требующим ни пристройки вновь, ни починки, с другой же великость казенных издержек, потребных на возобновление в Ферапонтове монастыре ветхостей», св. Синод «признал приличным штат сего Ферапонтова монастыря перенести на оный Спасопреображенский Пензенский монастырь». В этом смысле Синод сделал Императору Павлу Петровичу доклад, в котором представлял на Высочайшее усмотрение, «не благоугодно ли будет Высочайше повелеть тот штатный Ферапонтов монастырь, яко требующий на

возобновление в нем ветхостей великих казенных издержек, в отвращение оных упразднить и обратить в приходскую церковь, по усмотрению к тому митрополитом Новгородским удобности, а состоявший в городе Пензе знатный (вероятно, нужно читать заштатный) Спасопреображенский монастырь включить в число третьеклассных». Служителей монастырских, а равно земли, угодья и строения, «кроме церквей и потребного для жительства священно- и церковнослужителей строения, по избранию их» предполагалось отдать в казенное ведомство, а для Пензенского монастыря отвести крестьян и землю по соседству с ним. Этот доклад Синода, от 28 апреля 1798 года, был утвержден Высочайшей резолюцией: «быть по сему»²⁴⁶.

Братия Ферапонтова монастыря, во главе с игуменом Феофилактом незадолго перед тем хлопотавшая о разрешении им сбора пожертвований на устройство монастыря, конечно не ожидала такой печальной развязки. 28 июля игумен Феофилакт был переведен в Белевский Спасский монастырь, а прочие монахи были размещены в другие монастыри. Так закончилось четырех-вековое существование Ферапонтовой обители. Торжественно-печальный момент, когда монахи при звоне колоколов навсегда покинули упраздненную обитель, надолго запечатлелся в памяти окрестного населения. Рассказ о нем и до селе существует в народном предании.

Закрытая обитель была обращена в приходскую церковь и попала теперь в ведение «поповского священноначальника церкви пророка Илии, что на Цыпине (в 1½ в. от монастыря), Ивана Яковleva», который свидетельствовал опись оставшихся от монастыря зданий и церковной утвари. Из этой описи можно видеть, что все здания в монастыре были поправлены или отделаны вновь, некоторые из них (колокольня, трапеза, паперть) связаны на крепко железными связями и щели в них залиты цементом, а также сделаны вновь крыши и главы на церквях²⁴⁷. Таким образом, хотя монастырь был закрыт по причине ветхости зданий, но в момент его закрытия этой ветхости как будто не существовало, благодаря только что произведенному широкому ремонту обители. По резолюции митрополита Гавриила от 4 сентября 1798 года к церкви

упраздненного Ферапонтова монастыря была приписана соседняя Преображенская церковь, что на Иткле Боброве (в 3 в. от монастыря) со всем ее небольшим приходом (8 деревень с 143 душами крестьян), к которому прибавлено 3 деревни Цыпинского прихода. При этом причт Итклобобровской церкви был переведен в Ферапонтов²⁴⁸. Но чрез полгода по просьбе итклобобровских прихожан церковь их снова сделана самостоятельной, а ферапонтовский приход по резолюции м. Гавриила²⁴⁹ сформирован вновь из соседнего Цыпинского прихода, который имел двуштатный причт и соответственно этому наделен был двойным количеством церковной земли. Один из причтов Цыпинской церкви был причислен к Ферапонтовской церкви (священник, дьякон, дьячек и пономарь) вместе с 12 деревнями Цыпинского прихода, что с приписанными прежде 3 деревнями составило 15 деревень с 536 душами крестьян. Новый причт Ферапонтовской церкви продолжал жить на Цыпине и пользоваться тамошнею церковною землею, так как по закрытии обители у Ферапонтовской церкви осталось всего две десятины земли. В 1837 году ферапонтовскому причту была отведена земля (75 десятин) при упраздненной обители и окончательно он переселился туда от Цыпинской церкви²⁵⁰.

Вот уже сто лет на месте бывшего Ферапонтова монастыря существует приходская церковь. Но в народе эта церковь по старой памяти доселе называется не иначе как «монастырем». Народ любит многочисленные ферапонтовские праздники и частые крестные ходы, унаследованные от прежних монастырских времен. И когда при мелодичном звоне старинных монастырских колоколов крестный ход с пестрой толпой народа, наполняющей монастырский двор, медленно двигается кругом древних храмов, душа богомольца невольно уносится мыслию к древним счастливым временам когда-то процветавшей, но запустевшей теперь обители.

6. Прогулка по Ферапонтовой обители и ее окрестностям

§IX

Так величава наружность обители
и так живописно положение
что нельзя не пожалеть
о ее запустении, потому что
место сие как будто нарочно
создано для монастыря преимущественно
пред многими другими.

А. Н. Муравьев.

Недоразумение по поводу положения Ферапонтова монастыря „на Белеозере“. – На пути в Ферапонтов. – Обозрение обители и ее достопримечательностей. – Церковь п. Никона. – Вопрос о месте его келлий. – Прогулка в Цыпинский погост и на гору Цыпину.

Всякий образованный русский читатель, без сомнения, слыхал о Ферапонтове монастыре, упоминание о котором невольно вызывает в памяти трагическую судьбу патриарха Никона. Но немногие могли бы верно ответить на вопрос: где находится эта историческая обитель? Встречая в исторических известиях выражение «Ферапонтов монастырь на Белеозере», многие воображают, что эта обитель стоит на самом берегу Белого озера. Такое представление мы находим напр. в известном романе Мордовцева «Великий раскол», где между прочим описывается жизнь опального Никона в Ферапонтове монастыре. Почтенный романист, конечно, не заставил бы стрельцов, стороживших Никона, ходить купаться на Белое озеро, и не стал бы описывать чудный вид на это озеро из келлий Никона, если бы ему было известно, что от Белого озера до Ферапонтова монастыря не ближе 40 верст. В объяснение этого недоразумения следует заметить, что «Белоозером» в старину называлось не одно только Белое озеро, но целая окружавшая его область, в которую входили нынешние уезды Белозерский, Кирилловский и отчасти Череповецкий.

Белоозеро – местность полная исторических воспоминаний, идущих в глубь веков, к самому началу русской государственности, ко временам Синеуса, брата Рюрикова,

основавшего здесь свою столицу. Ферапонтов монастырь – один из наиболее замечательных памятников этого исторического края. Путешественнику, попавшему на верховья Шексны в страну Белаозера, непростительно уехать, не заглянув в эту древнюю обитель, где знаменитый Никон провел печальный закат дней своих.

Древнейший летний путь на Белоозеро представляет река Шексна, этот главный нерв Мариинской системы, недавно поглотивший не один миллион казенных денег на устройство своих замечательнейших в России шлюзов. На верховьях Шексны, близ Горицкой пароходной пристани, у самой реки на обрыве высокого холма, который и доныне известен под именем Федосына Городка, стоял двор великого князя и жил княжеский наместник, управлявший белозерской волостью. От Горицкой пристани до Ферапонтова нужно ехать на лошадях через г. Кириллов около 23 верст. В Горицах на берегу Шексны у подошвы горы Мауры расположился многолюдный (до 600 сестер) Воскресенский Горицкий женский монастырь, который считается родоначальником Петербургского женского монастыря. Этот древний монастырь основан в 1544 году княгинею Евфросиниею Старицкою, которая потом постриглась в нем и была наконец утоплена в Шексне по приказанию Грозного. Много исторических воспоминаний связано с этой обителью. Здесь жили в заточении царица Мария, мать убитого царевича Димитрия, отрок Михаил, будущий царь России, царевна Ксения Годунова и др.

Едва успели вы объехать гору Мауру, как пред вами открывается красивый вид на стоящий внизу Кирилло-Белозерский монастырь, с его высокими стенами, башнями и многочисленными церквами. Обитель стоит на самом берегу Сиверского озера и красиво отражается на поверхности его прозрачных вод. По преданию пр. Кирилл, вместе с пр. Ферапонтом искавший места для подвигов, с горы Мауры впервые усмотрел место, на котором возникла потом его обитель. На Мауре лежит камень с углублением в виде следа человеческой ноги: по народному сказанию, это след ноги преподобного Кирилла, стоявшего на этом камне. Над камнем

устроена часовня с изображением пр. Кирилла и Ферапонта, шествующих на Белоозере с иконою Одигитрии в руках.

Рис. 11. Вид на Ферапонтов монастырь со стороны Бородавского озера.

Город Кириллов, раскинувшись под величественными стенами Кирилловой обители, образовался из монастырской слободы и был сделан городом по мысли новгородского губернатора графа Я. Е. Сиверса, которому в июне 1775 года случилось праздновать в Кириллове монастыре день своего рождения. По проекту графа Сиверса новый город должен был иметь 4 площади и 40 улиц. Но эти предположения до сих пор остались не достигнутым идеалом. В настоящее время Кириллов представляет из себя небольшой уездный городок с $4\frac{1}{2}$ тыс. жителей. В нем четыре церкви и десятка два каменных зданий, остальные дома – деревянные широко раскинулись по берегам прилегающих к монастырю озер.

От города Кириллова до Ферапонтова монастыря 17 верст по хорошей большой дороге, ведущей на Каргополь и

Архангельск. В летнюю пору по ней длинными вереницами тянутся обозы с товарами, которые в Кириллове выгружаются с барок и на лошадях перевозятся в Каргополь. Дорога проходит по разнообразной холмистой местности мимо деревень и озер, через поля, леса и рощи. По мере приближения к Ферапонтову местность заметно становится живописнее. Вот показалось Бородавское озеро, на конце которого стоит Ферапонтов. Озеро это, шириной не больше версты, тянется верст на семь от запада к востоку. Извилистые берега с мысами и заливами, зеленые островки, там и сям разбросанные по озеру, придают ему весьма живописный вид. Деревни, расположенные кругом озера, ведут свое начало из глубокой старины и почти все упоминаются уже в писцовых книгах XVI века.

Вот вдали блеснул на солнце Ферапонтов монастырь: он то покажется, то опять скроется за окружающими дорогу холмами и лесом. Последняя деревня перед Ферапонтовым называется Лещово. На месте этой деревни было у Никона хлебное поле, которое он сам расчистил из монастырской пустоши. Проехав эту деревню, находящуюся в двух верстах от Ферапонтова, мы поднимаемся на гору, которая возвышается на самом берегу Бородавского озера. Отсюда во всей красе видна историческая обитель патриарха Никона с группой ее живописно расположенных древних церквей, островерхие кровли которых придают ей особую оригинальность. Невдалеке от этого берега длинной узкой полосой в виде мели тянется каменный остров патриарха Никона, который он сам вместе со своими монахами устроил во время ферапонтовского заточения.

Рис. 12. Св. ворота Ферапонтова монастыря с находящимся над ними Богоявленской церковью патриарха Никона.

В этой исторической местности всякий попадающийся на глаза памятник становится предметом особого любопытства и при виде его вы задаетесь вопросом, не связано ли с ним какое-либо историческое воспоминание. Тут же на горе подле самой дороги стоит небольшая каменная часовня с железной решеткой.

Ряд вопросов возникает у вас по поводу этого скромного памятника: когда и кем она построена, не случилось ли здесь чего-нибудь замечательного? Старожилы не могли ответить нам на эти вопросы, но в бумагах Ферапонтовской церкви мы нашли документ, который объяснил нам нехитрую историю этого памятника. Оказывается, что часовня построена уже после закрытия монастыря, около 1825 года, причтом Ферапонтовской церкви, который при том для постройки ее не спросил разрешения начальства. Местный благочинный священник Цыпинской церкви Лев Лебедев письменно затребовал от ферапонтовского причта (который нужно заметить, жил в одном с ним погосте) объяснение «с какого согласия на какую сумму построена эта часовня». Ферапонтовский причт в своем объяснении писал, «что это построена с общего нашего прихожан согласия на кошельковую сумму не часовня, а только палатка очень малая для поставления креста Господня кружки каменная для прочности безопасности от кражи денег, полагаемых проходящими проезжающими что ж касается до каких-либо совершаемых богослужений во оной или злоупотреблений касательно расколов то ничего того ни коим образом не будет быть не может». После такого объяснения маленькая часовня теряет в ваших глазах обаяние исторического памятника, и вы с легким разочарованием проезжаете дальше.

Монастырь виден теперь близко по прямой линии через озеро, но чтобы попасть в него нужно еще около версты ехать по берегу озера которое в этом месте делает большой залив. За четверть версты от монастыря справа дороги ваше внимание привлекает старинный стоящий под навесом осмиконечный деревянный крест с вырезанными на нем надписями.²⁵¹

Ферапонтов стоит на возвышении между двумя озерами слева Бородавским, справа Пасским, между которыми по дну оврага пробегает небольшая каменистая речка Паска. Проехав мимо бывшей монастырской слободы по мосту перекинутому через овраг, мы подъезжаем к св. воротам исторической обители увенчанным двумя острыми верхами которые еще издали обращают на себя внимание путника. Пред двумя арками монастырских ворот устроена высоко поднимающаяся над

дорогою большая деревянная терраса (см. рис. 12). Поднявшись по ее ступеням мы через правую арку входим в монастырь.

Уже при первом взгляде на внутренний двор с группой древних церквей, вы невольно поддаетесь тому впечатлению, что вы попали в настоящий монастырь. Вы так и ждете, не мелькнет ли в том или другом конце двора среди древних зданий черная фигура монаха. Передняя часть монастырского двора, прежде всего открывающаяся вашему взору производит приятное впечатление своей чистотою и уютностью. Правая часть его занята садом, который тянется возле южной ограды монастыря. К церквам ведут деревянные мостки. Прямо против входа на некотором расстоянии от него стоит церковь пр. Мартиниана, и посетители монастыря, прежде чем начать обозрение обители, приглашаются туда поклониться мощам ее преподобного игумена. Здесь у раки покажут вам простой деревянный посох (костьль) св. игумена. Выйдя из церкви пр. Мартиниана, вы направляйтесь к монастырской колокольне. Из арки, находящейся под нею, две лестницы ведут в паперть, одна направо к соборной церкви Рождества, другая – налево к церкви Благовещения. Обозревая эти храмы, их внутреннее устройство, древние иконы, стенную живопись и утварь, вы чувствуете себя перенесенным в обстановку былой монастырской жизни. Еще цело здесь игуменское место, хранящееся в ризнице, места для келаря и казначея и массивные резные скамьи монахов. «Все здесь напоминает монастырь, так описывает свое впечатление один из недавних посетителей Ферапонтова, и осматриваясь трудно себя убедить, что стоишь в приходской церкви; напротив, всею душею верится, что все еще это монастырь, и вот думается, из за столба явится какой-либо старец, чтобы рассказать о прошлых днях обители и провести по ее святыням»²⁵². В смежной с собором ризнице две вещи заслуживают особого внимания: это простая полотняная риза пр. Мартиниана и древняя плащаница с греческой надписью, пожертвованная каким-то иереем Мануилом Амбаратопуло²⁵³.

Из паперти, представляющей собою длинную каменную галерею с окнами на обе стороны, можно подняться на монастырскую колокольню, откуда открывается великолепный

вид на окружающие окрестности. В пролетах колокольни висит 10 больших и малых колоколов. Но колоколов XVI века, пожертвованных Третьяковым и Воронцовым, здесь уже нет. Один колокол (70 п.) слит в 1685 году, а другой самый большой (112 п.) – в 1747 в царствование Елизаветы Петровны «при Пимене епископе вологодском и белозерском и при игумене Феофане». Этот последний колокол сделан на Белеозере белозерским мастером Иваном Калининым. Часы, находившиеся вверху над колоколами и теперь совершенно испорченные, были в ходу некоторое время и после закрытия обители. Бой их в тихую погоду был слышен почти на весь Ферапонтовский приход, а частию и в соседний Цыпинский²⁵⁴. Спустившись с колокольни, пройдем теперь в церковь Богоявления на св. воротах, на которую особенно интересно взглянуть в виду связанных с нею воспоминаний о патриархе Никоне. К ней ведет крытая деревянная лестница, прилегающая к старому монастырскому зданию, называемому «сушилом». Поднявшись по этой лестнице, мы, через небольшую старинную дверь, вступаем в церковь, принадлежавшую опальному патриарху и соединявшуюся с его кельями особо устроенным ходом. Здесь то в этой тесной и скромной церкви ферапонтовский заточник, любивший во времена своей славы пышность и торжественность в богослужении, слушал церковные службы, отправлявшиеся для него жившими с ним монахами. Невольное раздумье овладевает вами, когда вы стоите в этой церкви, свидетельнице молитвенных вздохов и скорбей исстрадавшейся в унижении великой души патриарха Никона. Воображение, настроенное историческими воспоминаниями, представляет вам живые картины минувшего. Вот из этой небольшой боковой двери двести слишком лет тому назад появлялась высокая суровая фигура опального патриарха и под сводами тесной церкви раздавался по временам его звучный повелительный голос.

Рис. 13. Цыпинский погост вблизи Ферапонтова монастыря (вид с дороги).

Богоявленская церковь это единственное, что осталось нам из всех помещений ферапонтовского заточника. Кельи, в которых он жил, были деревянные и от них не осталось и следа. Нелегко даже указать то место, где они были. Больничные «кельишики», в которых жил Никон в первый год своей ссылки, находились по соседству с братской поварней: Никон жаловался государю в челобитной, что из поварни льют и зимой и летом всякие помои и скаредие к его келье, и от этого бывает великий смрад²⁵⁵. Поварня стояла, конечно, вблизи монастырской трапезы и, следовательно, на северной стороне монастыря: там нужно искать и место больничных келий. Новые кельи, выстроенные через год, находились, по словам Никона, «подле тех же больнишных кельишиек». Из донесения же пристава Шайсупова видно, что эти кельи были удалены от монастырских церквей и стояли «вне монастыря»²⁵⁶. Отсюда можно заключать, что первые кельи Никона были на северной стороне монастыря за пределами нынешней ограды. Что же касается вторых келлий Никона, оконченных постройкою в 1675 году, то нельзя сказать с

уверенностью, где они были. Как известно, эти кельи соединялись с Богоявленскою церковью на св. воротах особыми переходами, которые шли по монастырской стене через сушильные палаты на протяжении 30 сажен. Если под сушильными палатами разуметь большое каменное сушило, до селе сохранившееся на юго-западном углу монастыря рядом с св. воротами, то необходимо допустить, что вторые кельи Никона находились на южной стороне монастыря приблизительно около церкви пр. Мартиниана. Но возможно, что под сушильными палатами разумеется другое сушило (в монастыре их было несколько), тем более, что в стене сохранившегося сушила незаметно следов хода. В этом случае кельи Никона придется отнести к северо-западному углу монастыря. Последнее предположение отчасти подтверждается тем известием, что сам Никон хотел видеть свои кельи устроеными на месте ветхой келарской кельи, стоявшей рядом с Богоявленской церковью²⁵⁷ и именно с северной ее стороны, так как с южной примыкало к ней сушило. Достоверно известно только то, что кельи Никона находились не ближе 30 сажен от св. ворот.

Занятые этими археологическими соображениями, мы еще несколько времени бродим по опустевшему монастырскому двору. Кроме церквей и большего сушила здесь не осталось никаких монастырских зданий, хотя некоторые из них существовали еще в первой половине настоящего столетия²⁵⁸. Древние церкви монастыря еще до ныне прочны, и вы не находите в них той ветхости, которая сто лет тому назад послужила поводом к закрытию обители. При всем том поддержка в исправном виде четырех древних храмов составляет тяжелое бремя для небогатого ферапонтовского прихода, получившего это наследие упраздненной обители. Деревянная церковь прор. Илии в Цыпинском погосте.

Рис. 14. Деревянная церковь прор. Илии в Цыпинском погосте.

Выходя из монастыря на террасу, находящуюся пред его воротами, вы невольно залюбуетесь чудным видом, открывающимся отсюда на Бородавское озеро с его мысками и заливами на далеком горизонте. Справа на мысу около десятка мельниц с крыльями выстроились в ряд, эффектно отражаясь в тихой воде залива. К югу от Ферапонтова верстах в трех от него возвышается гора Цыпина. Гора эта с белеющей на ней часовней царит над всей окрестностью и уже издалека видна проезжему путнику. Прогулкой на эту гору мы завершим обозрение Ферапонтовой обители.

Дорога на гору Цыпину проходит мимо древняго Цыпинского погоста, который упоминается уже в начале XVI века), в числе церквей, стоявших на земле Ферапонтова монастыря. Погост этот имеет с дороги весьма живописный вид (рис. на стр. 115). Он весь утопает в густой зелени берез, лип и тополей и манит к себе усталого путника отдохнуть под их освежающей тенью. Деревья растут здесь не только по линии обширной ограды, но и внутри ее образуют правильные аллеи, а в одном месте даже

особый тенистый сад. Чистота и чрезвычайное обилие зелени оставляют в посетителе приятное впечатление и делают Цыпинский погост совершенно не похожим на наши сельские кладбища, обыкновенно лишенные всякой зелени и содержимые в крайне неприглядном виде. Не смотря на древность Цыпинского погоста, нынешние церкви его не могут похвальиться особой стариной. Две большие каменные церкви в одном здании, с высокой колокольнею пред ними, построены во имя св. мучеников Димитрия Солунского и Георгия Победоносца в 1800 году. Более замечательна другая деревянная церковь во имя пророка Илии. Она построена осмиугольником, имеет шатровый верх и общим своим видом напоминает корабль (рис. на стр. 117). Известно, что патровые церкви в старину, именно в XVII и XVIII в.в., не пользовались расположением духовного начальства, которое запрещало их строить²⁵⁹, а потому церкви, подобные Цыпинской, не часто приходится видеть. Ильинская церковь построена в 1755 г. по благословению Серапиона, епископа вологодского и белозерского. На ее месте стояла раньше другая церковь, то же во имя пр. Илии, антиминс для которой был освящен в 1635 году²⁶⁰. По преданию, сохранившемуся среди местных жителей, эта первая церковь сначала стояла на другом месте, именно на холме, который возвышается вблизи над озером Ильинским. На нынешнее же место она, по словам предания, была перенесена вследствие троекратного явления на этом месте иконы прор. Илии на дереве среди росшего здесь дремучего леса. Икону трижды брали в церковь и она трижды исчезала оттуда и появлялась на излюбленном месте, куда потом должны уже были перенести и церковь. Икона эта до селе служит в народе предметом особого почитания. Она писана на смоле и имеет в длину около 12 вершков, а в ширину около 10. Часть холма, на котором по преданию стояла в древности Ильинская церковь, доселе называется в народе «церквищами», и на нем еще сорок лет тому назад можно было видеть следы могильных курганов²⁶¹.

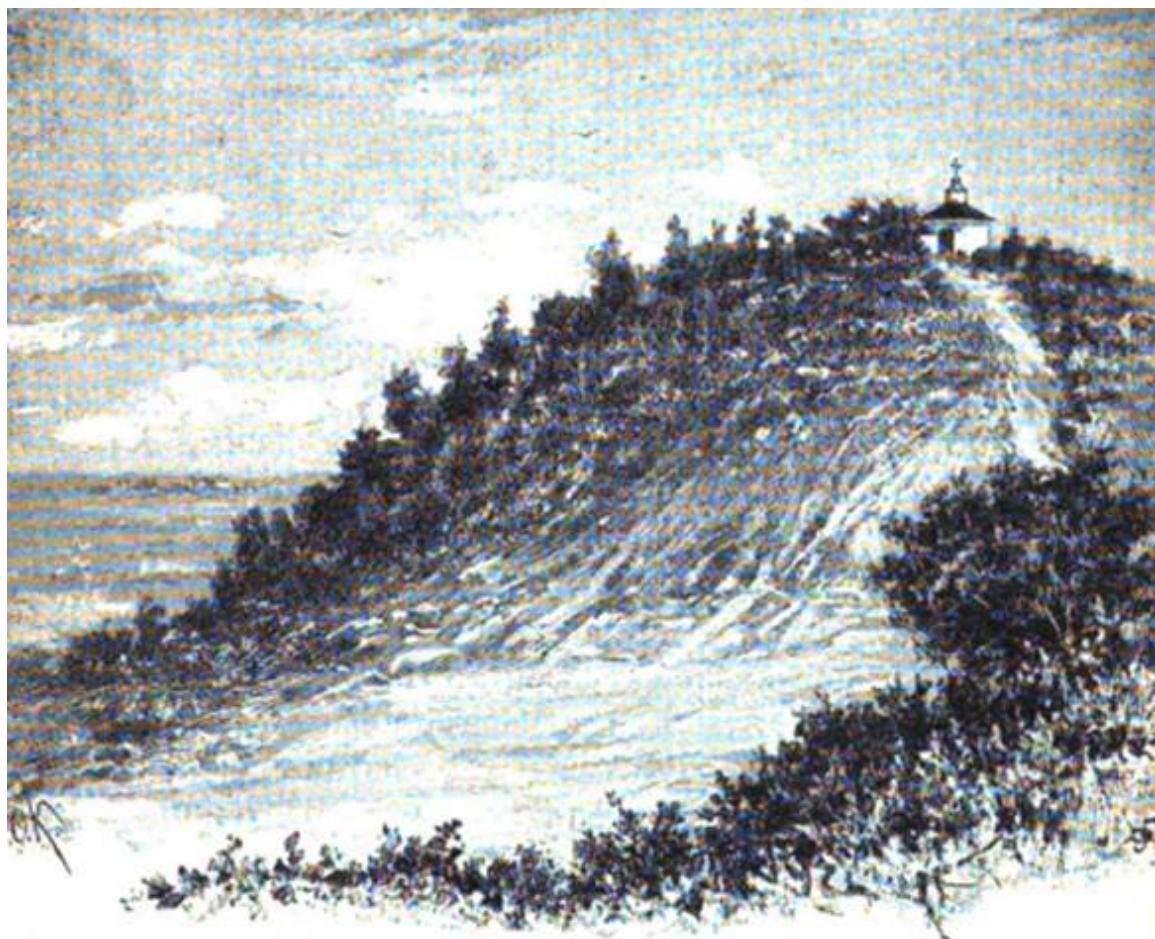

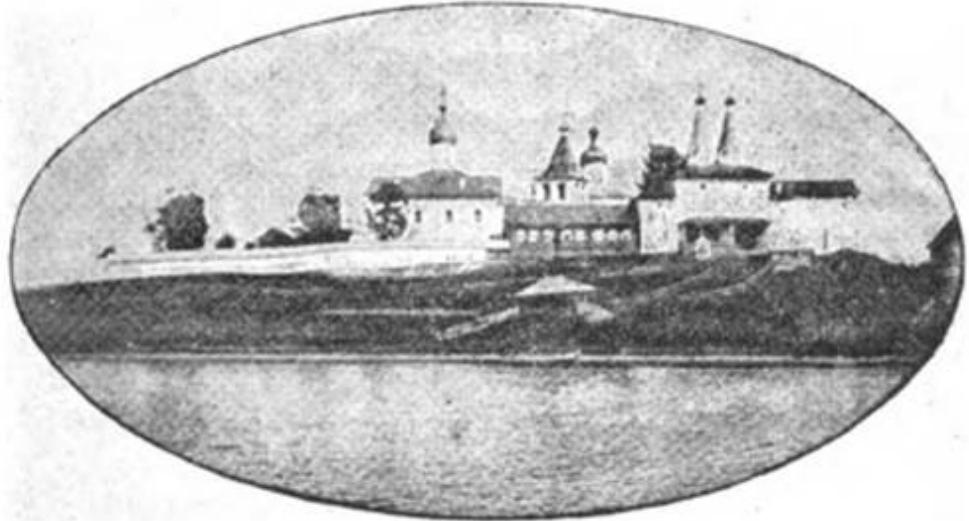
Рис. 15. Гора Цыпина с часовней в память Императора Александра в окрестностях Ферапонтова монастыря.

С этого холма начинается постепенный подъем на гору Цыпину. Дорога то опускается в ложбину, то опять поднимается и становится все круче и круче по мере приближения к горе. На самую гору приходится взбираться с большим трудом по крутой узкой тропинке на краю высокого обрыва. Утомительный подъем вознаграждается обширной панорамой, которая открывается вашему взору на все четыре стороны. Вот на север от вас синеют озера Бородавское, Пасское, Ильинское с белющими около них церквами Ферапонтова монастыря и Ильинского погоста. На восточной стороне горизонта мелькают в синеватой дымке колокольни соседних церквей: в ясную погоду их можно простым глазом насчитать не меньше 20. Говорят, иногда видны бывают села смежной Вологодской губернии, находящиеся от горы верстах в 40 и далее. Хорошо видны церкви и села Словинского Волока, который еще в глубокой древности был

бойким торговым путем. На месте его проходит теперь система герцога Александра Виртембергского. Ряд озер, входящих в состав этой системы, тянется по южной стороне горизонта. На юго-западе блещут на солнце стены и башни Кириллова монастыря, а немного левее к западу возвышается над горизонтом темная шапка горы Мауры.

Гора Цыпина с ее чудными видами служит любимым местом для прогулок окрестных жителей. В простом народе она известна под именем «Роскины» и издавна служила местом для хороводов и гуляний. В старину на самой вершине горы стояли качели. Гора Цыпина, самый высокий пункт в Кирилловском уезде, представляет продолжение Валдайской возвышенности. От нее тянется верст на 6 ряд холмов к юго-западу по направлению к городу Кириллову²⁶². В 1882 году на вершине ее устроена местными крестьянами каменная часовня во имя св. князя Александра Невского и в память мученической кончины Царя-Освободителя. Невелик и скромен этот памятник, но он виден из далеких окрестностей благодаря высокой горе Цыпине.

Ферапонтов монастырь с его окрестностями принадлежит к числу наиболее живописных мест нашего севера. Путешественники, которым случалось бывать в Ферапонтове – напр. Шевырев и Муравьев – с восторгом отзываются о красоте его положения. Но их восторг был бы еще полнее, если бы они имели случай полюбоваться чудным видом с горы Цыпины.

Патриарх Никон в заточении на Белеозере²⁶³

(Исторический очерк)

„При выходе из обители Ферапонтовой,
равно как и при входе,
невольно встречает и провожает
вас память о Никоне,
бывшем Патриархе, потому
что он ее прославил
долгим своим заточением.

А. В. Муравьев.

Рис. 16. Патриах Никон с клирос. С современного изображеноя в церкви Воскресенского монастыря.

Во второй половине XVII века на Руси совершилось событие, беспримерное в летописях русской церкви. Глава русской церкви, замечательнейший ее иерарх, выдвинувшийся из среды народа своим умом, энергией и богатством духовных дарований – знаменитый патриарх Никон пал жертвой искусно веденной интриги своих многочисленных врагов. Падение

могущественного патриарха завершилось полным его унижением и торжеством над ним его врагов: он был осужден на соборе, лишен сана и отправлен в ссылку на Белоозero в далекий Ферапонтов монастырь. Так закончилось дело патриарха Никона, которое по справедливому замечанию одного исследователя, «представляет единственную драму, какой не повторялось в истории русской церкви». Из «великого государя патриарха», вершившего некогда судьбы русской церкви и государства, Никон после соборного осуждения становится простым ссылочным монахом и доживает свой век в далеких монастырях, испытывая горечь унижения и торжества над собою своих врагов, которые всеми силами старались вредить ему до самой его смерти. Много людской злобы и несправедливости испытал на себе великий патриарх. Православные иерархи, одобравшие потом его начинания и реформы, отчасти из личной неприязни, отчасти в угоду царю и боярам, слишком строго и несправедливо осудили его и даже лишили сана; раскольники объявили его антихристом и сочиняли о нем нелепые рассказы. Патриарх, убежденный в правоте своего дела, был слишком впечатлителен по своей натуре, чтобы оставаться спокойным среди всевозможных унижений и злобных клевет. Во все время ссылки он находился в болезненно-тревожном настроении; его измученная душа не знала покоя от тягостных волнений и тревог. Тяжесть ссылки для Никона заключалась не столько во внешних условиях жизни, которые притом не всегда бывали одинаково суровы, сколько во внутреннем мучительно-беспокойном состоянии души. В течении целых пятнадцати лет томился в ссылке знаменитый патриарх, и эти пятнадцать лет были последним актом его замечательной жизненной драмы. В первое время ссылки пред нами все тот же патриарх-богатырь с его властным непреклонным характером, с прямой суровой речью на устах, требовавший порядка и исправности во всем, даже в мелочах обыденной жизни. Но годы суровой ссылки подточили могучий организм, скоро приблизилась старость с ее болезнями: Никон – этот «величайший характер в летописях русской иерархии»²⁶⁴, видимо слабел и телом и духом.

Печально было видеть, как этот пастырь, сильный словом и делом, медленно угасал где-то под спудом в далекой белозерской пустыне в то самое время, когда его ум и энергия особенно нужны были для блага церкви и родной земли. На более беспристрастных современников Никона бедственная участь его произвела тяжелое впечатление. Известно, что некоторые епископы плакали, присутствуя при низложении Никона. Епископ черниговский Лазарь Баранович, бывший свидетелем низложения Никона, так описывал потом свои впечатления: «Зрелище было изумительное для глаз и ужасное для слуха; я страдал и изыхал от ударов, переносил ужасы и упал духом, когда погасло великое светило»²⁶⁵. В универсале гетмана Брюховецкого, который возстал против московского государства в 1667 году, самым гнусным делом москалей названо то, что «они свергли святейшего отца-патриарха, который учил их иметь милость и любовь к ближнему»²⁶⁵. Сочувствием народа к низложенному «боярами» Никону хотели воспользоваться и донские казаки для своих мятежных целей и этим, как увидим ниже, навлекли новые беды на голову злополучного патриарха.

§I

«Собор судивших меня
патриархов ставлю я ни во что».
Патриарх Никон.

Никогда еще старая Москва не видела у себя такого блестящего собора иерархов как в конце 1666 года. В это время здесь были два восточных патриарха,alexандрийский Паисий и антиохийский Макарий, десять митрополитов (из них шесть не русских), семь архиепископов, четыре епископа, тридцать архимандритов, кроме игуменов, протопопов и др. духовных лиц. Все они были приглашены на собор царем Алексеем Михайловичем с целью положить конец делу патриарха Никона, который вследствие своей размолвки с государем удалился с патриаршего престола и проживал в своем любимом Воскресенском монастыре. Послано было и к Никону приглашение явиться в Москву на соборный суд. Знал патриарх, что ничего доброго ему нельзя ожидать от этого собора, где одни из иерархов имели личную вражду к нему, другие готовы были действовать против него в угоду царю и боярам. Получив приглашение явиться в Москву на суд, он совершил таинство елеосвящения, помазав освященным елеем себя, весь причт и братию, а на другой день отслужил литургию²⁶⁶, в конце которой сказал братии поучение о перенесении скорбей. Прощаясь с братией, патриарх как бы знал, что ему не суждено вернуться живым в любимую обитель. Мог ли он предчувствовать, что через пятнадцать лет он вернется сюда уже бездыханным телом и будет погребен в той самой церкви, где он совершал теперь свою последнюю литургию?

1 декабря в столовой палате царского дворца было первое заседание собора по делу о Никоне под председательством царя, который явился сюда в сопровождении знатнейших бояр, думных дворян и дьяков. За подсудимым патриархом послали архиепископа и двух архимандритов с наказом, что бы он шел на собор «смиренным образом». Никон не захотел повиноваться этому наказу. Он отправился на собор в преднесении креста, сани его с трудом двигались среди теснившейся на пути толпы

народа, которому он раздавал благословение. Проезжая мимо соборов Успенского и Благовещенского, где в то время совершалась обедня, патриарх хотел было зайти туда помолиться, но двери собора закрывались пред ним и огорченный патриарх, поклонившись храму, следовал далее.

Торжественно вступил Никон в столовую палату, где ожидал его многолюдный собор. Все невольно должны были встать при появлении московского патриарха в преднесении креста, в мантии и с посохом в руках. Никон прочитал вслух входную молитву, молитву о здравии царя и поклонился до земли царю трижды, а патриархам дважды и на обе стороны, где сидели архиереи и бояре. Патриархи пригласили Никона сесть и указали ему место на ряду с архиереями, но он счел такое предложение унизительным для достоинства московского патриарха и гордо заявил, что он места с собой не принес. Взяв снова посох в руки, оностоял до конца заседания, которое длилось около 10 часов.

Известно, что такое представлял собою суд над патриархом Никоном²⁶⁷. Это не было спокойное разбирательство дела, это был шумный крикливый спор. Порядка в допросах не было и самые допросы за недостатком серьезных обвинений часто принимали вид мелочных упреков. Никон на одни вопросы презрительно молчал, на другие – давал решительные и иногда резкие ответы, не оставаясь в долгу у своих противников. Раздраженный придирками врагов Никон в конце заседания сказал царю: «только бы ты Бога боялся и ты бы не так надо мною делал».

3 декабря было второе заседание по делу о Никоне. Никона на него не пригласили, а совещались о том, что необходимо строго судить его за разные вины и главным образом за досадительные речи о государе и архиереях в письме константинопольскому патриарху Дионисию. Вселенские патриархи были уже так враждебно настроены против Никона, что прямо говорили: «ему-де не подобает ни в чем верить».

На третье заседание, состоявшееся 5 декабря, был опять приглашен Никон. Это заседание было еще более беспорядочным и бурным, чем первое. Никон, еще на первом

заседании с недоверием относившийся к полномочиям патриархов, приехавших судить его, теперь прямо объявил, что по известиям, полученным от греков, приехавшие патриархи не могут называться истинными патриархами, так как на их места поставлены другие. Это заявление вызвало бурю негодования прежде всего в самих патриархах. Еще с большим усердием они стали обвинять Никона, повторяя прежние обвинения, и за недостатком новых обвинений ставя ему в вину даже такие мелочи, как ношение черного клубка с херувимами или двух панагий, преднесение креста, название Воскресенского монастыря Новым Иерусалимом и пр. Никон с презрением и иронией отвечал своим обвинителям, что еще более их раздражало. «Широк ты здесь, сказал он антиохийскому патриарху, а как ответ дашь перед константинопольским патриархом?»²⁶⁸ Бояре, главные враги Никона, при всем желании обвинить его, молчали, не зная, что сказать, и боясь попасть под острый язык патриарха. «Благочестивый царь, с иронией говорил Никон, девять лет они готовились к этому дню, а теперь и рта не могут открыть. Прикажи уж им лучше бросать в меня камни, это они скорее могут сделать».

Рассказывают, что во время этого заседания царь, сойдя со своего места, подошел к Никону и перебирая четки, которые патриарх держал в руках, начал тихо говорить ему: «Святейший, зачем ты положил на меня великий зазор? Отправляясь на собор, ты соборовался и причастился как на смерть. Неужели я за все прежнее добро отплачу тебе злом? И царь начал клясться, что у него и в мысли нет сделать ему зла.

«Благочестивый царь, сказал ему Никон, не возлагай на себя таких клятв, поверь, что мне готовятся многие беды и скорби». Царь заговорил было о примирении, о желании своем разрушить «средостение» вражды. «Хорошее дело задумал ты, царь, с горькой усмешкой сказал Никон, но знай, что оно не будет совершено тобою, и я должен буду до конца испытать на себе твой гнев»²⁶⁹. Это была последняя беседа двух бывших друзей: больше они уже не видели друг друга.

Не трудно было предвидеть исход соборных рассуждений. Патриархи, раздраженные резкими ответами Никона, говорили:

«по нужде и дьявол исповедует истину, а Никон истины не исповедует» и признали его достойным лишения сана. Спустя неделю соборный приговор был торжественно объявлен Никону и приведен в исполнение. 12 декабря утром члены собора собрались в небольшой церкви Чудова монастыря. Царь не желал присутствовать на низложении своего бывшего «собинного» друга и послал вместо себя бояр. Некоторые архиереи также желали уклониться от тяжелой сцены низложения Никона и явились на собор против своей воли. Симон, архиепископ вологодский, сказался больным, но его все-таки принесли в церковь на ковре и положили в углу, где он плакал горькими слезами. Патриархи и архиереи облачились в мантии, надели омофоры и митры, прочее духовенство стояло в ризах. Никон, войдя в церковь, помолился иконам и, поклонившись патриархам дважды в пояс, стал у западных дверей. После краткого молитвословия патриархи приказали читать соборное определение сначала по-гречески, потом по-славянски. «Сотворихом его всякаго священнодейства чужда, громогласно читал архиепископ рязанский Иларион, во еже бы ему к тому не действовати архиерейских, ибо его совершенно низложихом мы патриарси с омофори и с епитрахили пред всем освященным собором, изъявляюще от ныне вменятися и именоватися простым монахом Никону, а не к тому патриархом московским... Место паки его пребыванию до кончины жития его назнаменовахом в монастыре, во еже бы ему безпрепятно и безмолвно плакатися о грешех своих. Повелехом же при нем быти благоискусному коему мужу архимандриту опасения ради, да не дерзнет кто от безчинных ругатися ему и обиду творити; и он же сам впредь да не дерзнет коварств каких составляти. Еще же завещаю при нем быти честному мужу дворянину с малым числом людей служилых, всякаго опаства ради, дабы к нему и от него мятеjnым писаниям не исходити. ...Аще же кто отныне дерзнет именовати его впредь патриархом, да будет повинен во епитимиях святых отец²⁷⁰. Никон и здесь возражал против обвинений, объявленных в приговоре, но патриархи спешили приступить к обряду низложения. Прочитав молитву, они рукою показали Никону и сказали через толмача, чтобы он снял с себя

клобук. Никон наотрез отказался и сполнить это требование, говоря, что, когда он принимал иноческий образ, то клялся сохранить его до конца жизни. «И если я достоин низложения, говорил он, то почему вы совершаете его тайно в этой маленькой церкви? Почему нет здесь ни государя, ни народа? Пойдемте в собор, где я принимал патриаршество при государе и при народе». «Там или здесь, отвечали патриархи, все едино, а что государя здесь нет, в том воля его царского величества».

Рис. 17. Патриарх Никон. С современного портрета писанного царским живописцем Поганном Дитерсом.

Патриарх александрийский, носивший титул судии вселенной, приблизился к Никону и сам снял с него клобук с жемчужным крестом и драгоценную панагию. «Бедные вы странники, среди общей тяжелой тишины заговорил низлагаемый патриарх, приходите вы к нам из далеких стран не для того, чтобы сделать доброе или устроить мир, а для того, чтобы получить милостыню. Возьмите себе это, сказал он указывая на клобук и панагию, и разделите между собой, достанется вам жемчугу золотников пять шесть, да золотых по десяти: пригодится для уплаты дани султану».

На Никона одели простой клобук, снятый с головы стоявшего тут греческого монаха. Но мантини и посоха не решались теперь взять у него «страха ради всенародного». Патриарх александрийский начал говорить наставление Никону, чтобы он именовался впредь простым монахом и в монастыре бы жил тихо и безмятежно и о своих согрешениях молил всемилостивого Бога. «Знаю я и без вашего поучения, как жить», сурово обрезал Никон рацею лицемерного грека²⁷¹. Местом ссылки Никона назначен был древний Ферапонтов монастырь на Белеозере.

Никон вышел из церкви в мантии и с посохом, так что толпившийся народ мог не подозревать, что патриарх уже лишен сана. «Никон, Никон», со вздохом сказал низложенный патриарх, садясь в сани. «Отчего это приключилось с тобой: не говори правды, не теряй дружбы. Если бы ты вечерял с ними за роскошными трапезами, то этого не случилось бы с тобой». Никон отправился на архангельское подворье, где он жил. По поручению собора его провожали два архимандрита Павел и Сергий, за ними следовали стрельцы. По обеим сторонам пути стояла густая толпа народа. Архимандрит Сергий все время злобно ругался над низложенным патриархом. «Молчи, молчи Никон», кричал он ему всякий раз, как патриарх начинал говорить с окружающими. «Скажите ему, заметил Никон, если он имеет власть, то пусть придет и зажмет мне рот». Эконом Никона передал эти слова Сергию, причем назвал Никона святейшим патриархом. Злобно закричал на эконома Сергий: «зачем, чернец, называешь его патриархом, он уж не патриарх, а простой монах». В это время из толпы раздался окрик на самого Сергия:

«как ты смеешь кричать на патриарха, имя патриаршее дано ему свыше, а не от тебя гордого!» Сергий обратился к стрельцам с приказанием разыскать дерзкого обличителя, но ему сказали, что виновный уже схвачен и отведен, куда следует. «Блажени изгнани правды ради», сказал при этом Никон.

Рис. 18. Суд над патриархом Никоном. Рисунок Земцова (из журнала „Нива“ за 1892 г.).

Весь этот день Никон провел у себя на архангельском подворье и старался быть спокойным, занявшись чтением любимых им толкований Златоуста на послания ап. Павла. Но злобный Сергий и тут не хотел оставить в покое злополучного патриарха. Сняв с себя камилавку и нахально развалившись на скамье против Никона, он всячески старался досадить ему насмешками и издевательствами. «Сергий, сказал наконец выведенный из терпения патриарх, перестань лаять на нас как наученный этому пес». Но Сергий не унимался. За вечерним богослужением в церкви подворья монахи Никона по-прежнему поминали его патриархом. Сергий поднял шум по этому поводу, но монахи его не слушались. Это был последний день,

проведенный Никоном в Москве, накануне отправления его в далекую ссылку.

На следующий день, 13 декабря, рано утром явился к Никону царский окольничий Родион Стрешнев. Царь послал с ним бывшему собинному другу денег, шуб собольих и лисьих на далекий путь и просил у него благословения себе и своему семейству. Эта просьба царя ясно показывала, как он был непоследователен в своих отношениях к опальному патриарху. Допустив осуждение Никона на соборе и сам явившись его обвинителем, он начал теперь жалеть Никона и сомневаться в законности его низложения. Благочестивый и совестливый Алексей Михайлович, прося у Никона благословения, становился в противоречие с соборным приговором. Эту двойственность в отношениях царя к опальному патриарху можно наблюдать во все последующее время ссылки Никона. Недовольный царем Никон на отрез отказался от его даров и не согласился дать ему благословение, не смотря на усиленные просьбы царского посла. «Если бы благоверный царь желал от нас благословения, то не оказал бы нам такой немилости», говорил огорченный патриарх.

Тотчас по уходе царского посла пришел к Никону стрелецкий полковник Аггей Шепелев с заявлением, что по указу его царского величества он должен немедленно препроводить патриарха в назначенное ему место ссылки – Ферапонтов монастырь. Пока полковник ходил распорядиться на счет лошадей для опального патриарха, к Никону явились посланники от вселенских патриархов и собора с приказанием возвратить клобук и панагию, которые хотя и были сняты с него накануне, но не были окончательно отобраны «страха ради всенародного». Никон беспрекословно приказал монахам выдать просимое. Между тем полковник успел добыть лошадей для Никона: они были приведены из царской конюшни и поспешно запряжены в возок Никона, в котором патриарх приехал из Воскресенского монастыря.

Было еще темно. На дворе стояло морозное декабрьское утро. Не смотря на раннее время, Кремль стал наполняться народом, который желал посмотреть, как будут увозить в ссылку

опального патриарха. Во избежание замешательства и волнений в народной толпе, которая еще накануне выражала свое сочувствие опальному патриарху, решено было увезти Никона тайком от народа. Стрельцы пустили слух, что Никона повезут из Кремля через Спасские ворота, а дальше по Сретенской улице. Народ, поверив этому слуху, побежал из Кремля в Китай-город, рассчитывая, что там удобнее будет смотреть на поезд ссыльного патриарха. Между тем возок с лошадьми стоял на готове у келии Никона. Едва только обманутый народ очистил Кремль, как Никона поспешили посадили в возок и повезли «с великой борзостью» не по той дороге, где стоял ожидавший его народ, а совершенно в другую сторону – на Каменный мост через Арбатские ворота. Но монахам Никона и некоторым почитателям его из мирян было позволено проводить любимого патриарха. Во избежание без порядков были приняты строгие меры предосторожности. Во все время следования Никона по улицам Москвы его поезд с провожавшими его свитой и мирянами был окружен отрядом из 200 стрельцов под начальством четырех стрелецких полковников. В Земляном городе Никона встретил полк стрельцов в 1000 человек с оружием наготове и горящими фитилями. Этот многочисленный конвой провожал Никона до Сущевой слободы и потом вернулся назад. За Сущевой слободой на Дмитровской дороге произошло трогательное прощание Никона с приближенными к нему лицами, которые со слезами расстались с своим владыкой, в последний раз получив от него благословение. Суровый патриарх, как видно, умел привязывать к себе сердца людей. Несколько человек монахов и служек добровольно решились ехать с Никоном и разделить его изгнание²⁷². Оставшиеся приверженцы Никона долго стояли на дороге, смотря на быстро удалявшийся из виду возок патриарха, которому уже не суждено было увидеть вновь престольный город.

Быстро мчали Никона сильные царские кони, увозя опального патриарха в далекую ссылку. Никона сопровождали приставленные к нему архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф и упомянутый стрелецкий полковник Агей Шепелев с отрядом из 50 стрельцов. Стрельцы строго охраняли поезд

Никона, разгоняя попадавшийся по дороге народ и никого не пуская близко к опальному патриарху. Никона так торопили отъездом из Москвы, что ни он, ни его свита не успели запастись теплой одеждой, и в открытом поле им был особенно чувствителен холод декабря морозного утра. Доехав до реки Клязьмы в 25 верстах от Москвы, пристав Шепелев велел остановиться в ожидании дальнейших наказов относительно ссылаемого патриарха, которых правительство не успело дать, позабывшись прежде всего о немедленной высылке Никона из Москвы. В этом ожидании стояли на Клязьме два дня. Наконец приехал из Москвы архимандрит нижегородского пещерского монастыря Иосиф и привез письменные наказы от царя и от патриархов с собором. В наказе говорилось: «ехати ему [Иосифу] с монахом Никоном, что был московский патриарх, в Ферапонтов монастырь, что на Белеозере, и быть там с ним, монахом Никоном, до указу. И дорогою ему, архимандриту, беречь, чтоб он, монах Никон, писем никаких не писал и никуды не посыпал, также и в монастыре. Да и того беречь накрепко, чтоб ему, Никону, никаково оскорблении никто не чинил. А приехав в монастырь мантии архиерейские и посох взять, а буде не даст, и снять. Мантии снять и посох взять и прислать мантию и посох к Москве к святейшим патриархом и ко освященному собору, да о том отписать. А монастырским ему, Никону, владеть ничем не велеть. А пищу и всякой келейной покой давати ему, монаху Никону, (зачернено: с подобающею честью) по ево потребе»²⁷³. Новоспасскому архимандриту велено было вернуться в Москву. Расставаясь с Никоном, сердобольный архимандрит дал ему на дорогу свою шубу и треух (теплая шапка с наушниками) и съестных припасов.

После двухдневной стоянки Никона повезли далее. По присланной из Москвы подорожной пристав Аггей Шепелев должен был везти Никона через Дмитров и Углич. Опального патриарха везли с усиленной скоростью, с какою ездили тогда царские гонцы, посылаемые на спех. По неровным ухабистым дорогам езда была не удобной и даже опасной. Сани не раз опрокидывались и однажды патриарх сильно ушибся, ударившись головой о стоявшее подле дороги дерево²⁷⁴.

Подъезжая к Угличу, Никон хотел послать в город своих людей для покупки теплой одежды для своей свиты, но пристав задержал посланных. Жители Углича, узнав о приближении опального патриарха, вышли ему на встречу с разными приношениями. Но пристав приказал стрельцам побоями разогнать угличан, выразивших сочувствие Никону, и быстро промчал Никона чрез город, никому не дав подойти близко. В одном селе в 15 верстах от Углича как раз в день проезда Никона было стеченье народа по случаю торгового дня. Пристав послал вперед себя стрельцов, которые разогнали весь народ, и патриарха провезли по опустелой улице. В тех случаях, когда было нужно остановиться для ночлега или для корма лошадей, пристав посыпал стрельцов с приказанием приготовить дворы для ночлега. При этом изгоняли всех жильцов из того дома, где должен был остановиться Никон.

Не смотря на все эти меры предосторожности, сторонники Никона находили средства выражать сочувствие низложенному патриарху. Так в одной деревне Никону со свитой отвели особую избу, изгнав оттуда всех жильцов. Ночью, когда все посторонние вышли и Никон оставался наедине с своими людьми, из подполья избы вышла спрятавшаяся там старуха. Рассказав, что накануне она видела во сне, как «муж некий благообразен» велел ей помочь Никону патриарху, который «послан и идет в заточение в великом утеснении и скудости», старуха дала Никону 20 рублей денег и теплую одежду и опять скрылась в подполье. Патриарх, не задолго перед тем отказавшийся от подарков царя, не отказался принять подношения деревенской старухи²⁷⁵.

Следующий ночлег пришлось сделать в Мологе, которая была тогда слободою. Близ Мологи находился принадлежавший патриарху Афанасиевский монастырь. Всего удобнее было остановиться на ночлег в монастыре, но пристав не согласился на это и велел ночевать в слободе. Когда утром следующего дня Никона повезли мимо самых ворот монастыря, и все монахи вышли ему на встречу во главе с строителем Сергием, учеником Никона, то полковник без церемонии разогнал всех «с великим прещением и яростию».

Однако Никон при всей бдительности стрелецкого полковника находил возможность сноситься с преданными ему людьми и давать им поручения. В то время, когда Никон стоял на ночлеге в деревне Березове (в 30 верстах от Мологи), чрез эту деревню проезжал обоз с рыбой, которую вез из Крестного монастыря в Воскресенский иподьякон Никона Иван Васильев, в сопровождении Николая Ольшевского и троих монахов Воскресенского монастыря. Служки, бывшие в обозе, подойдя к окошку одной избы, попросили напиться квасу и тут неожиданно узнали от крестьянина, что в этой деревне стоит теперь их владыка «бывшей Никон патриарх», по поручению которого они и ездили за рыбой на Белое море. Стрелецкий полковник, узнав о проезжающих, велел привести их к себе, допрашивал, «какого они чина люди и откуда едут», и отпустил, приказав сотнику и стрельцам проводить их за деревню. Но эта предосторожность была уже напрасной: еще в то время, когда стрельцы ходили докладывать полковнику о проезжавших, к ним подошел «неведомо какой человек, а сказался извощик, спросил Николая Ольшевского и дал ему, Николаю, письмо; а сказал: подал де ему то письмо из окошка неведомо кто, а велел отдать ему Миколаю». На следующей стоянке письмо это прочитали: эта была роспись, в которой Никон распоряжался «чтобы прислать в Ферапонтов монастырь десять бочек рыбы семги и сигов, а с достальною рыбью ехать в Ярославль и продать, а деньги прислать в Ферапонтов же монастырь. И что денег есть, прислать в Ферапонтов же монастырь». Но в Москве все таки узнали отайной передаче этого поручения Никоном, иподьякон Иван Васильев был подвергнут особому допросу²⁷⁶.

Путники были уже около реки Шексны, когда Никона, страдавшего от ушиба головы, постигло новое несчастье. Однажды ночью при быстрой езде сани патриарха наткнулись на какой-то острый кол. Удар был так силен, что кол сломался: острие его прорезало сани и войлок и тяжело ранило патриарха. Один из спутников Никона поднял обломок кола и спрятал в сани, желая сохранить его как памятник страданий злополучного патриарха.

Но вот наступил конец утомительному и опасному путешествию ссыльного патриарха. На восьмой день по выезде из Москвы в ночь на 21 декабря Никон, проехав мимо Кириллова монастыря, приближался уже к месту своей ссылки. От Москвы до Ферапонтова монастыря не менее 600 верст, и весь этот путь Никон совершил в шесть дней (не считая двухдневной стоянки на Клязьме). Понятно, какую усталость должен был испытывать патриарх под конец шестидневного и не совсем благополучного путешествия.

Еще не доехав до Ферапонтова, пристав послал впереди себя стрельцов с вестью игумену Афанасию и братии: „везем к вам Никона монаха по указу Царского Величества: приготовьте для него кельи“. Встревожилось мирное население Ферапонтовой обители при виде вооруженных стрельцов, неожиданно появившихся в монастыре в ночное почти время, когда еще и утро не наступило. Игумен Афанасий находился в большом затруднении, получив приказ приготовить кельи Никону. Дело в том, что Ферапонтов монастырь в этом году был разорен пожаром: сгорело много келий и окружавшая их деревянная ограда. Лишних свободных келий не оказалось. Тогда решено было поместить ссыльного патриарха в больничных кельях, стоявших за монастырем на северной его стороне.

§II

„...Но и в тиши обители далекой
Развенчанный владыка оставался
Все тем же Никоном суровым,
строгим,
Каким он был в минувши годы,
Во оны дни величья своего...“
А. Навроцкий (Н. А. Вроцкий).

Было раннее зимнее утро. Мрак долгой северной ночи еще покрывал собою Ферапонтов и его окрестности, когда за несколько часов до рассвета у ворот обители остановился возок Никона, совершивший далекий путь из Москвы. Опального патриарха, согласно наказу пристава, вышел встречать один игумен. Никона отвели в подготовленные для него больничные кельи. Это были две комнаты „мрачныя и закоптелья, еже и изрещи неудобно“²⁷⁷. Утомленный далеким и трудным путешествием, страдая от ран и ушибов, полученных в дороге, бывший патриарх расположился на отдых в своем новом неприглядном помещении.

Ферапонтов монастырь был уже давно известен Никону. Ему приходилось не только касаться его в своих указах²⁷⁸, но и самому бывать в нем. Теперь, отдыхая в мрачной больничной келье, весь разбитый и усталый, патриарх мог припомнить, что когда-то, лет 15 тому назад, ему случилось быть в Ферапонтове при обстоятельствах, далеко не сходных с его настоящим положением. Он был тогда в сане новгородского митрополита и возвращался из Соловецкого монастыря, куда ездил по поручению царя за мощами святителя Филиппа. Это были счастливейшие времена его тесной дружбы с царем, которую еще не успели охладить интриги завистников-бояр. Во время этого путешествия Никона царь, соскучившийся по своему другу, писал к нему трогательные по своей простоте и задушевности письма. В них сказалась вся преданность мягкой и благочестивой души Алексея Михайловича Никону, которого он величал «собинным другом, крепко-стоятельным паstryрем, великим солнцем, светящим по всей вселенной». Он писал к

Никону как самому близкому другу своей царской семьи, просил помолиться за свою маленькую дочь («а к тебе она, святителю, крепко ласкова») и за царицу («чтобы ради твоих молитв разнес Бог с ребеночком, и уже время спеет, и какой грех станется, и мне, ей, пропасти с кручины. Бога ради моли за нее»)²⁷⁹. Извещая Никона о делах на Москве и о смерти патриарха Иосифа, он просил его скорее возвращаться в Москву к выборам нового патриарха: «ожидаем тебя великого святителя к выбору, а сего мужа (будущего патриарха) три человека ведают: я, да Казанский митрополит, да отец мой духовный; тай не в пример, а сказывают свят муж». Сердце Никона могло подсказывать ему, кого метил в патриархи его царственный друг. Получая эти письма царя, он спешил в Москву. 21 июня он был в Каргополе, 25 в Ферапонтове.²⁸⁰ Здесь, в Ферапонтове, он оставил свои дорожные запасы, чтобы облегчить себе дальнейший путь 9 июля он торжественно вступил в Москву с мощами св. Филиппа. Вскоре же, 22 июля, произошло избрание его на патриарший престол, и затем наступили времена его полной верховной власти под русской церковью и государством при безграничном доверии кроткого царя. Бояре, не исключая и первых вельмож государства, боялись его властного слова и нередко по целым часам стояли на морозе у патриаршего дворца в ожидании приема²⁸¹. Но интриги многочисленных врагов, недовольных строгостью и могуществом патриарха, сделали свое дело: дружба царя и патриарха омрачилась взаимным недовольством, и огорченный Никон счел за лучшее отказаться от патриаршества и удалился в свой Воскресенский монастырь.

Уже восемь лет прошло со времени его разрыва с царем; счастливые времена стали отдаленным прошлым; но именно теперь, очутившись в убогой Ферапонтовской келье, Никон яснее всего мог почувствовать всю громадную пропасть, отделившую Никона „великого государя и патриарха Московского и всея Руси“ от ссыльного «монаха Никона», каким он стал теперь после соборного приговора.

глубокий патріарх
нікон.

царь алексей михайлович

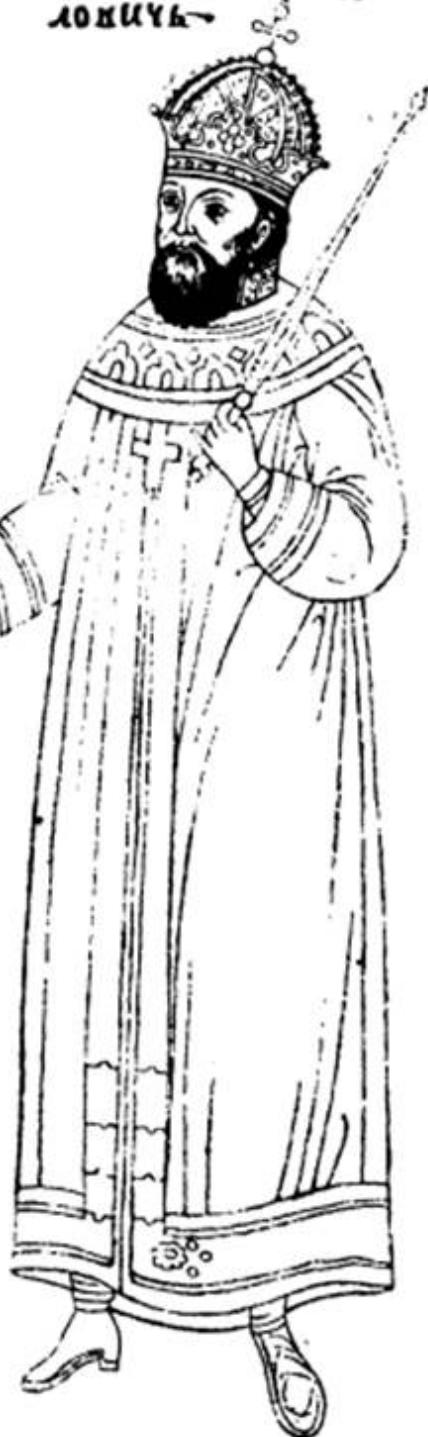

Рис. 19. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович.
Изображение в Сийском иконописном подлиннике XVIII века.

Царь Алексей Михайлович и святейший патриарх Никон беседуют между собою. Царь представлен в далматике и короне, со скипетром; патриарх в саккосе омофоре с жезлом, в митре-коруне, пожалованной ему, по его просьбе, Государем для возвышения достоинства патриарха: форма этой митры представляет собою подобие царской короны; от нее получила свое начало та форма митры, которая удер живается в нашей практике доселе. Изображения эти,. насколько можно судить по сравнению их с сохранившимися портретами царя Алексея Михайловича патриарха Никона, имеют портретное сходство с оригиналами хотя исполнены в стиле иконописном это иконные портреты». Проф. Н.В. Покровский. Сийский иконописный подлинник. Выпуск III. Памятники древней письменности СХХII. 1897. стр. 136.

Едва наступил день, как Никону доложили о приходе приехавших с ним архимандрита и пристава вместе с ферапонтовским игуменом. Никон, изнемогая от ушибов и усталости, сказал, что теперь он не может их видеть, и велел спросить, для чего они пришли. Те отвечали, что по указу Царского Величества они приглашают его в церковь. Никон, отказавшись туда идти, снова спросил, чего же от него требуют. Тогда они сказали, что по указу царя, патриархов и всего собора велено взять у него, Никона монаха, архиерейскую мантию и посох. Так вот для чего звали Никона в церковь: здесь хотели отобрать у него последние знаки архиерейского достоинства – мантию и посох. Быть может, рассчитывали этой сценой сильнее подействовать на воображение обитателей монастыря, среди которых приходилось отныне жить Никону. Почему в самом деле эти вещи не были взяты у Никона еще в Москве одно временно с клобуком и панагией? Никон избавил себя от нового унижения и, не выходя из келии, тотчас велел выдать пришедшим мантию и посох.

Архимандрит Иосиф согласно данному ему наказу, в тот же день отправил мантию и посох в Москву с монахом Ферапонта монастыря Варлаамом и служкою Ивашком Кривозубовым. В отписке своей патриархам и собору он уведомлял их о прибытии Никона в Ферапонтов и о беспрекословной выдаче им мантии и

посоха. Никон просил Иосифа не подвергать стеснению лиц, приехавших по доброй воле разделить с ним изгнание: «чтобы тех старцов и бельцов пускать по воле, куда они похотят идти или ехать, и воли б у них не отымать». Иосиф, передавая эту просьбу Никона, сообщал, что «без указа пущать их не смеет»²⁸². Таким образом, спутники Никона на первых порах лишены были свободы и вместе с ним были заключены в монастыре.

Между тем братия Ферапонтова монастыря, озадаченная неожиданным прибытием знаменитого заточника с многочисленной свитой и конвоем, была со своей стороны озабочена вопросом о том, на какие средства их небогатый монастырь будет содержать такое множество гостей, явившихся в обитель неожиданно, как снег на голову. В наказе, который привез с собой Иосиф, сказано было неопределенно: «пищу и покой давать ему Никону по его потребе». В тот же день игумен Афанасий с братией пишут челобитную государю: «по твоему указу прислан к нам, богомольцам твоим, в Ферапонтов монастырь бывший патриарх Никон монах, а указу нам, богомольцам твоим, твоего великого государя нет, какова пища ему давать. А монастырь, государь, у нас бедной и скучной и погорел без остатку и келейным покоем истеснение великое. И хлебу, государь, у нас недорода: вызяб весь. А крестьян, государь, твоего государева жалованья за Ферапонтовым монастырем триста двадцать один двор и то в разных городах. И о том, государь, о келейных покоях и о пище что ты, великий государь, укажешь?»²⁸³. Эта челобитная вместе с отпиской Иосифа была получена в Москве 27 декабря. Государь внял жалобам ферапонтовских монахов и привлек к расходам на содержание Никона соседний богатый Кирилло-белозерский монастырь. 5 января был послан в Кириллов указ монастырским властям посыпать в Ферапонтов монастырь на содержание Никона все необходимые припасы и все, чего потребует находившийся при Никоне пристав²⁸⁴.

Среди тяжелых обстоятельств довелось Никону проводить святки 1666 года. На первых же порах он испытал все неудобства своего нового положения. Пристав Шепелев относился к опальному патриарху со всей строгостью, которую

он простирали и на лиц, приближенных к Никону. Не только сам патриарх, но и вся его свита содержались под строгим караулом. Пищу ему приносили из монастырской трапезы ту самую, какая полагалась для всей братии. Шушерин сообщает, что по царскому указу велено было готовить особый стол для Никона на царский счет, но патриарх, не смотря на все просьбы пристава, отказался от этой царской милости, говоря: «хотя бы мне пришлось умереть, не соглашусь на это»²⁸⁵. В первое время заточения Никон чувствовал себя больным. От ушиба головы, полученного в дороге, он долго страдал головной болью, которая еще более усиливалась от безвыходного заключения в темной и угарной келье. Впоследствии он писал царю, жалуясь на пристава Шепелева: «он, везя меня, многие напасти мне делал и привезши посадил меня в больнишные кельишки, и я в них с угару и нужды едва не умер»²⁸⁶. В это время Никон чувствовал себя так плохо, что у него появлялась мысль о смерти, и он написал письмо в Воскресенский монастырь к строителю старцу Сергию с просьбой исходатайствовать у царя позволение, в случае его смерти, похоронить его в Воскресенском монастыре²⁸⁷.

Так прошел первый месяц жизни Никона в ссылке. 19 января 1667 года прибыл из Москвы в Ферапонтов монастырь новый пристав, дворянин Степан Наумов, с 20 стрельцами на смену прежнего пристава Шепелева. Царь, которому Никон при отъезде из Москвы отказал в своем благословении, теперь снова дал приставу Наумову словесное поручение склонять сурогого патриарха к примирению и испросить у него прощение и благословение. Но поручение это на первых порах не имело успеха. «Ты боишься греха, отвечал Никон царю, просиши у меня благословения, примирения, но я даром тебя не благословлю, не помирюсь; возврати из заточения, так прощу». Настроение Никона в это время совсем не отвечало желаниям государя. «Никон патриарх на государя гневается, говорили жившие с ним монахи, государь его сослал в ссылку, а не вселенские патриархи, и за это нам государева подаяния принимать и есть нельзя»²⁸⁸.

18 марта на место архимандрита печерского нижегородского монастыря Иосифа приехал в Ферапонтов бывший новоспасский архимандрит Иосиф тот самый, который при отъезде Никона из Москвы провожал его до Клязьмы²⁸⁹. Он по внушению пристава также убеждал Никона написать государю примирительное письмо с благословением, обещая ему за это всякую милость от государя и освобождение из ссылки. Никон по прежнему оставался непреклонным, на отрез отказавшись мириться с государем. Тогда пристав стал сурово относиться к несговорчивому патриарху, сделался к нему «зело лют и немилостив». Он велел заковать окна его кельи железными решетками, вокруг кельи и у дверей ее поставил караул из стрельцов, которые никого не пускали подходить близко к келье. Мимо монастыря недалеко от кельи Никона проходила тогда (как проходит и теперь) дорога на Каргополь. Пристав строго запретил всемходить и ездить мимо монастыря и велел проложить дорогу в другом месте.²⁹⁰ Причиняя Никону все эти стеснения, пристав грозил, что «перемены не будет, покаместа Никон не умрет». «Я его, Степана, спрашивал, рассказывал потом Никон в письме государю, как ему, Степану, указано меня держать и он, Степан, говорил, что де у меня наказу на письме нет, а весь-де у меня наказ на языке, и я ему, Степану, говорил, да неужто тебе приказ есть, что меня уморить; и он, Степан, до чево-де дойдешь, не пощажу-де; и в первом году мало не уморил... Свет келейный у меня отнял, окна заковал железными крестами, так что и днем приходилось с лучиной отправлять келейное правило; и из кельи не велел никуда ниходить и в келью и близ кельи проходить и подавать²⁹¹ никому не велел и так морил меня с моими келейными старцами»²⁹². Келейные старцы и служки не выдержали такой строгости заключения и четверо из них (иеромонах Палладий, иеродиакон Иоасаф и два бельца Герасим Матвеев и Ипат Михайлов) подали две челобитные на имя государя, в которых писали, что, добровольно отправившись с Никоном в Ферапонтов монастырь, они лишены свободы и сидят под строгим караулом, почему просят теперь позволения возвратиться на прежние места своего жительства. Получив разрешение выехать из

Ферапонтова, они 10 апреля были уже в Москве и здесь на допросе дали подробные сведения о тяжелых условиях жизни Никона в ссылке. После их ухода жизнь Никона стала еще тяжелее: бывшему патриарху самому приходилось теперь носить воду и рубить дрова²⁹³.

Дошли, наконец, до государя слухи о бедственном положении Никона в ссылке. В июле 1667 года он послал в Ферапонтов своего стряпчего Ивана Образцова, с поручением передать ему царскую милостыню²⁹⁴ и, проверив на месте слухи о слишком строгом заключении Никона, облегчить его участь. Приехав в Ферапонтов, Образцов освободил Никона из его почти тюремного заключения, позволил ему и его старцам выходить из кельи и принимать посторонних лиц с ведома пристава. При этом он говорил Никону, что пристав не получал от царя наказа держать его, Никона, за железными решетками и за самовольство будет наказан. Действительно, Образцов посадил пристава под арест в сторожку часа на три. Никон, понимая, что это делается только для виду, с неудовольствием говорил: «Степан мучил меня тридцать недель, а его посадили на три часа». Пристав просил прощения у патриарха за причиненные ему обиды, говоря: «я человек подневольный: как мне приказано, так и делал». После приезда Образцова, пристав Наумов стал дружелюбнее относиться к Никону, часто ходил к нему беседовать о московских новостях и слухах. Приезд в Ферапонтов царского стряпчего с милостивыми поручениями от царя сразу вызвал опального патриарха в глазах местного населения. Распространился слух, привезенный из Москвы людьми Наумова, что Никона хотят вызвать в Москву и сделать папою. Сам Наумов поверил этому слуху и сделался особенно почтителен к Никону: начал величать его патриархом и водить под руки. Вскоре в Ферапонтов начинают приезжать разных чинов люди на поклон патриарху: посадские из городов, староста земской избы да голова кружечного двора из Белозерска, люди из Каргополя, монахи из разных монастырей, монахини из Горицкого Воскресенского монастыря с игуменьей. Все эти посетители величали Никона патриархом, просили его благословения, целовали ему руку. Даже игумен ферапонтовский

Афанасий и приставленный к Никону архимандрит Иосиф, забыв наказы начальства, стали величать Никона святейшим патриархом, подходить к благословению и поминать на ектениях. Никон почувствовал себя свободнее, стал рассылать своих людей в разные места с письмами и поручениями. Из Воскресенского монастыря и из ближних к Ферапонтову патриарших вотчин к Никону приезжали люди, привозили деньги и припасы и спрашивали его приказаний.

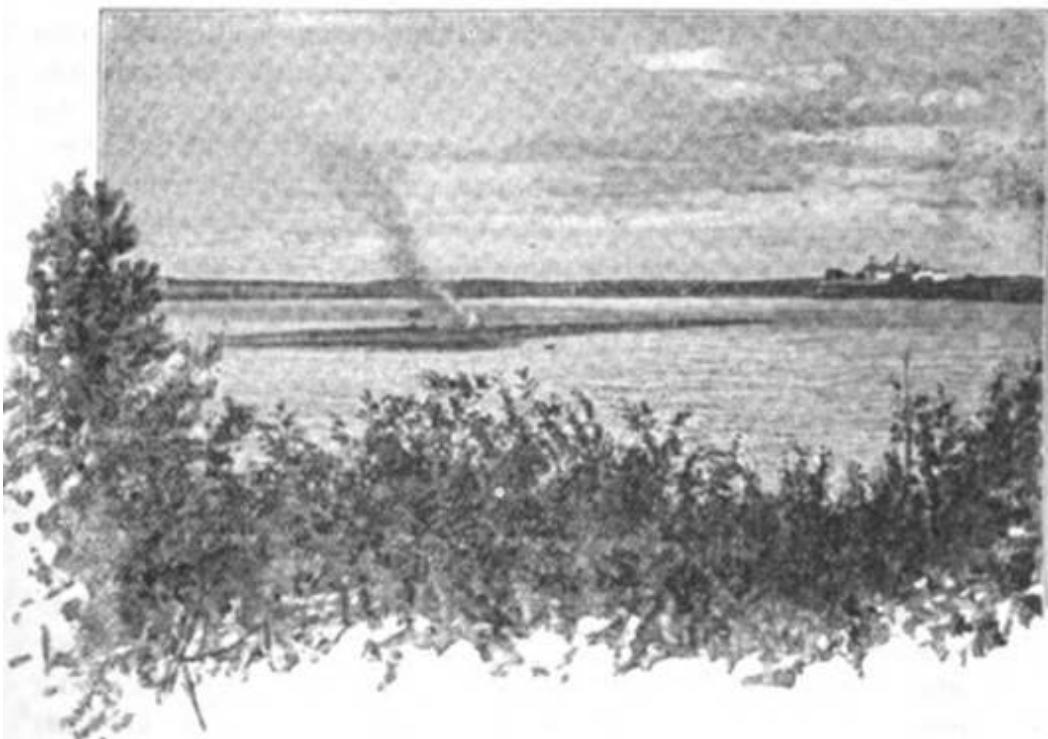

Рис. 20. Каменный остров, сооруженный патриархом Никоном на Бородавском озере во время еерапонтовского заточения.

Но в Москве зорко следили за каждым шагом ферапонтовского заточника и вскоре же нашли нужным ограничить его свободу. В августе получен был в Ферапонте указ взять служку Яковlevа за то, что он, не спросясь пристава, разъезжает всюду по поручению Никона. Никон вспылил, обозвал Наумова вором и не хотел верить, что такая грамота прислана царем, но наконец должен был уступить. Между тем пристав Наумов не переставал советовать Никону примириться с царем и послать ему благословение, уверяя, что государь не замедлит оказать ему милость и освободить из заточения. Он

рассказывал, что, когда государь посыпал его в Ферапонтов, то словесно наказывал ему просить Никона о прощении и благословении; он, Наумов, просил было наказа на письме, но государь с сердцем сказал ему: «что-ж мне тебе запись давать, чтоб ты ее с женою читал, а словам моим не веришь». «Дай государю благословение и прощение, советовал Наумов Никону, а государь тебе ни за что не постоит, голова моя в том»!²⁹⁵ Эти речи возбудили в Никоне надежду на освобождение. 7 сентября 1667 года, после одной из таких бесед с Наумовым, который с клятвою ссылался на письмо, полученное из Москвы, в котором говорилось о желании царя примириться с Никоном, опальный патриарх написал государю и всей царской семье следующее письмо, которое целиком приведено у Шушерина. «В нынешнем 176 (1667) году сентября в 7 день приходил ко мне богомольцу вашему Стефан Наумов и говорил мне вашим государским словом, что повелено ему по вашему государскому указу, с великим прошением молить и просить о умирении, чтобы я богомолец ваш, тебе великому государю подал благословение и прощение, а ты Государь богомольца своего милостью своею по своему государскому рассмотрению пожалуешь; и я смиренный тебя, царицу, царевичев и царевен благословляю и прощаю, а когда я богомолец ваш, ваши государские очи увижу и тогда я вам, государем, со святым молитвословием наипаче прошу и разрешу, якоже Божественное св. Евангелие показует о Господе нашем Иисусе Христе и Деяние св. апостол, (которые) всюду с возложением рук прощение и цельбы творили. Смиренный Никон, милостию Божией патриарх, засвидетельствую страхом Божиим и подписал своею рукой». К этому письму приложил руку и Стефан Наумов, немедленно отправив его затем в Москву²⁹⁶.

Никон стал теперь ожидать освобождения из ссылки и вызова в Москву. Царь был весьма доволен, получив от Никона прощение и благословение на письме (письменному прощению в те времена придавали особое значение), но сделать то, о чем просил Никон, т. е. возвратить его из ссылки, он не мог. Партия врагов Никона была слишком сильна; нельзя было нарушить соборное определение тем более, что виновники его —

восточные патриархи все еще гостили в Москве. Царь должен был ограничиться заботами о том, чтобы насколько можно улучшить скучную материальную обстановку ссыльного патриарха. Так 11 января 1668 г. он послал в Кириллов монастырь грамоту с предписанием послать в Ферапонтов монастырь к «бывшему патриарху старцу Никону белых и черных оловянных и медных судов, сколько пригоже, чтобы у него Никона судами было не скучно»²⁹⁷. Еще летом 1667 году Образцов привез указ о постройке для Никона новых келий и о том, чтобы для него отвели особую Богоявленскую церковь на св. воротах. Тогда же начали строить для Никона новые кельи близ больничных келий, в которых он жил. В начале 1668 г. эти кельи были готовы вчера и Никон был занят хлопотами о их отделке и снабжении необходимой утварью. В отведенной для него Богоявленской церкви также не было книг и других необходимых принадлежностей богослужения. Все необходимые вещи Никон согласно царскому указу требовал из Кириллова монастыря, посыпая туда через пристава подробные расписи с показанием чего именно и сколько ему нужно. Предметы его требований были очень разнообразны: церковная утварь и книги, разные предметы домашнего обихода, съестные припасы, сукно, обувь и одежда для живших с ним людей и пр. В своих требованиях Никон всегда был разборчив и взыскателен, часто добавляя чтобы ему присыпали вещи и припасы не какие-нибудь, а «добрья». Для некоторых вещей он давал образец, по которому должны были их сделать, напр. для креста деревянного, для ножей и вилок²⁹⁸.

Но кирилловские власти не всегда исполняли требования Никона, отказывая ему даже в необходимом, так что патриарху приходилось временами испытывать нужду. Так 1 марта 1668 года пристав жаловался государю на кирилловского строителя старца Ефрема, что он указу царскому явился непослушен, припасов совсем не присыпает, так что «старцу Никону с братией питаться стало нечем». Братии с ним жило в то время десять человек: они исполняли в его келье все необходимые работы. «А Ферапонтова монастыря слуг и поваров, писал Наумов, по сие время в келью к себе не имывали, тружается сам

с братиею и келейный обиход кроме хлеба временем покупаючи есть». Никон чрез пристава просил государя, чтобы припасы из Кириллова монастыря выдавались ему помесечно²⁹⁹. Государь поспешил исполнить желание Никона, послал в Кириллов новый указ и распорядился, чтобы из его царских ловель доставили Никону живых осетров и стерлядей.

Но все эти знаки внимания со стороны государя не могли успокоить опального патриарха. Убежденный в незаконности своего низложения, он испытывал горькое чувство обиды за несправедливое унижение. В первые годы ссылки это чувство в душе патриарха было особенно острым и оно то располагало его пылкую свою равную натуру к разного рода протестам и демонстрациям, имевшим целью внушить всем мысль о незаконности своего низложения. Он носил на груди панагию, которую забыли отобрать у него при низложении, и имел при себе две патриарших печати; в письмах к царю и росписях, посылаемых в Кириллов называл себя «Божию милостию патриархом»,³⁰⁰ принимал приходивших к нему на благословение и производил сильное впечатление на толпу посетителей, хлынувшую к нему со времени приезда Ивана Образцова, когда посторонним лицам был открыт доступ в Ферапонтов монастырь.

Не ограничиваясь словами, Никон прибегал к разным способам для выражения протesta своей беспокойной души. В числе его свиты жил у него старец Иона по ремеслу серебренник, хорошо умевший вырезывать надписи. Никон велел ему на разных сосудах и домашней утвари делать надписи, в которых называл себя патриархом, «заточенным за слово Божие и св. церковь». Он приказал также наделать деревянных крестов, вырезать на них подобные же надписи и расставить их в разных местах около дорог. Проходящие и проезжающие, останавливаясь помолиться пред придорожным крестом по исконному русскому обычаю, должны были видеть на нем следующую надпись, четко вырезанную серебряком Ионой: «Животворящий крест Христов поставил смиренный Никон, Божию милостию патриарх, будучи в заточении за слово Божие

и за св. Церковь на Белеозере в Ферапонтове монастыре в тюрьме»³⁰¹.

Но этого мало: опальный патриарх соорудил другой более прочный памятник своего заточения, который и доселе существует в Ферапонтове. Разъезжая по Бородавскому озеру, которое было предоставлено ему для рыбной ловли по царскому указу еще летом 1667 года, он выбрал место, в котором было не более двух сажен глубины и решил устроить здесь остров. Сам со своими монахами он начал возить на плотах камни с берега и опускать их на дно в намеченном месте. Среди озера возник новый остров, имевший 12 сажен длины и 5 ширины³⁰². Никон поставил на нем крест с вышеприведенной надписью. Этот островок, вновь появившийся среди озера, и стоявший на нем крест с надписью, понятно, должны были привлекать внимание проезжавших, тем более, что зимой дорога проходила мимо островка. Все эти кресты с надписями продолжали стоять до 1676 года, когда по приказанию патриарха Иоакима они были убраны. Надписи на них, а равно и на других вещах Никона, были уничтожены.

Рис. 21. Кресло опального патриарха Никона, хранящееся в ризнице Кирилло белозерского монастыря.

До нашего времени уцелела только одна такая надпись на кресле Никона, которое хранится теперь в ризнице Кирилло-белозерского монастыря (см. рис. 21) Оно сделано из простого

дерева, отличается большими размерами и простотою отделки: ножки у него точеные, спинка прямая; спинка и ручки обиты зеленым выцветшим бархатом. Ручки снимаются, и на нижней стороне четкой и красивой славянской вязью вырезана надпись: 7176 (1668) марта ... дня сий стул зделан смиренным Никоном патриархом в заключении за слово Божие и за святую церковь в Ферапонтове монастыре в тюрме». Эта надпись потому, вероятно, и уцелела от истребления, что была искусно скрыта под ручками кресел.

Однако в надежде получить в скором времени освобождение от ссылки, вследствие примирительного послания к царю, Никон становился уступчивее в отношении к государю и теперь сам шел на встречу к примирению с ним. В том же самом месяце марте, когда он сделал свое знаменитое кресло с надписью, 22 числа, наступила Пасха. В этот день в первый раз литургия для Никона совершена была в отведенной для него Богоявленской церкви. Опальный патриарх был в редком для него благодушно примирительном настроении. После литургии он пригласил к себе в свои новые келлии архимандрита Иосифа и пристава Наумова, а также игумена Афанасия с келарем. Во время трапезы, котою Никон угощал своих гостей, он велел подать вино, присланное ему царем еще на Сырной неделе, и взял в руки бокал, торжественно провозгласил о своем примирении с государем. «Да не до конца вражда наша со благочестивейшим царем пребудет», говорил между прочим патриарх, и, провозгласив здоровье государя, закончил свою речь словами: «се ныне питие сие про здравие благочестивейшего царя и со всеми вкушаю и впредь присанным от него отрицатися не буду». Услышав из уст сурового патриарха такое заявление, присутствовавшие были удивлены и, встав с своих мест, поклонились патриарху в ноги. В тот же день поскакал гонец в Москву с радостной вестью к государю о новом примирительном поступке Никона³⁰³. В Ферапонтове ждали теперь важных благодетельных перемен в судьбе опального патриарха.

Но враги Никона не дремали. Как только они узнали, что Никон по прежнему называет себя патриархом, стремится к

возвращению из ссылки и своими заявлениями о примирении может подействовать на впечатлительную душу государя и, чего доброго, добиться своей цели, они решились принять свои меры. 9 апреля вскоре после получения царем радостной вести о мире с Никоном, восточные патриархи, все еще не уехавшие из Москвы на свои кафедры, с вновь избранным русским патриархом Иоасафом и другими случившимися в Москве архиереями, составили собор по делу о Никоне, на котором решили: «неких ради вин перевести монаха Никона из Ферапонтова монастыря в иной монастырь, в дальней», архимандрита Иосифа и иных служебников, которые посланы к нему, Никону, переменить и послать взамен их других с строгим наказом – не дозволять Никону иметь переписку и сношения с кем бы то ни было³⁰⁴. Но государь не согласился на столь строгое определение собора и оно не было приведено в исполнение. Тем не менее эта попытка врагов Никона ясно показывала, как в действительности далеки были от осуществления надежды Никона на освобождение из ссылки, при всем сочувствии царя к опальному патриарху.

§III

«Иже жив сый, привмененный с
нисходящими в ров, седяй во тьме
и сени смертней, окован нищетою
паче желез, богомолец ваш смиренный
Никон, милостю Божиею патриарх».
Из письма к царю п. Никона.

Никон обманулся в своих ожиданиях. Его заявление о примирении с царем не принесло ему желанных результатов. Из Москвы не было никаких известий, как будто там совсем забыли о ферапонтовском заточнике. Тогда опальный патриарх снова решил напомнить о себе и воспользовался для этого средством, которое в старину было в большом ходу. Монах Палладий, вернувшийся из Москвы в Ферапонтов, рассказывал, между прочим, со слов иеромонаха Иоия, что боярин Богдан Хитрово хочет при помощи чар сделаться первым боярином у государя. Этот слух встревожил Никона: возвышение боярина, который был его злейшим врагом, помешало бы его освобождению из ссылки. Вера в силу колдунов и чародеев была в старину общераспространенной, сношение с ними, по Уложению, было одним из тяжких преступлений. Обвинение в колдовстве, как это видно из многочисленных примеров, не раз бывало причиной ссылки самых знатных бояр. Слухи о том, что Богдан Хитрово знается с чернокнижниками и ворожеями, давали Никону сильное орудие против враждебного ему боярина, и он решил им воспользоваться.

7 сентября он призвал к себе архимандрита Иосифа, стрелецкого сотника Саврасова, ферапонтовского игумена, келаря и всех стрельцов и объявил им, что знает великое дело государево «безголовное», что на Москве изменники государевы хотят очаровать государя или очаровали и требовал подводы и провожатых, чтобы отправить с этим делом своего человека в Москву. Все согласились, кроме келаря Макария, который не хотел давать подвод, и сотник решил было ехать. Пристав Наумов, узнав о том, что происходит в монастыре, сначала прислал сказать, чтобы никого не пускали и не давали лошадей,

а скоро явился и сам на конюший двор с ослопом, сотника и стрельцов хотел бить, взял лошадей под уздцы и кричал: «увижу кто поедет, что он меня страшает: я не малый ребенок; у меня есть великое дело и на самого патриарха, и мне это дело надобно отпустить!» Никон хотел послать сотника и стрельцов в Кириллов и там взять подводу, но Наумов их не пустил, крича: «моя в том голова!» Но «слово и дело государево» в те времена имело магическую силу, всякий кто слышал о нем и не доносил, куда следует, подвергался тяжелой ответственности. Поэтому, как ни шумел пристав, а все-таки не решился задержать дела и на другой же день отправил в Москву своего человека с стрельцом. Никона он велел заковать и около его кельи поставить семь караулов.

В октябре Никону удалось послать в Москву своего старца Флавиана с письмом к государю, в котором он жаловался на поступок пристава, помешавшего ему известить в Москву о великом деле государевом³⁰⁵. «Иже жив сый, писал здесь Никон, привмененный с нисходящими в ров, седяй во тьме и сени смертней, окован нищетою паче желез, богомолец ваш смиренный Никон милостию Божией патриарх. Извещаю вам, великим государям, за собою великое ваше слово, а писать тебе нельзя, боюсь изменников твоих; послыша такое твое большое дело, меня изведут, а дело твое погаснет без вести»: 20 октября чернец Флавиан был допрошен в присутствии царя и бояр, в чем именно состоит заявленное Никоном дело государево.

Недалекий Флавиан не оправдал доверия Никона: на этом допросе он перепутал имена и приписал тайные происки, вместо Хитрово, Ртищеву. Но вскоре получено было другое письмо Никона³⁰⁶, в котором он уже прямо излагал дело и на основании слов Палладия обвинял в тайных происках и волшебстве боярина Хитрово. Это разногласие в рассказе Флавиана с письмом Никона подрывало силу обвинения. Между тем, Палладий и Иоиль, вызванные на очную ставку, отказались от своих слов и утверждали, что никакого разговора о боярине Хитрово у них не было. При этом Палладий, сердившийся на Никона за то, что он выгнал его из Ферапонтова, сделал обидное

для опального патриарха замечание: «вольно старцу Никону меня поклепать: он затевать умеет».

Для того, чтобы разъяснить дело и допросить самого Никона, послан был в Ферапонтов стрелецкий голова Юрий Лутохин. Никон разъяснил Лутохину непростительную ошибку своего неумелого посла, старца Флавиана, и в дальнейшем разговоре с ним высказал горькое разочарование по поводу обманутых надежд на освобождение. «Сказывал мне Наумов, что меня великий государь пожалует, велит взять в Москву скоро, выманил у меня Наумов великому государю и его дому благословение и прощение тем, что государь меня пожалует, велит из Ферапонтова освободить и все мои монастыри отдать. Терпел я после того договора год два месяца в заточении и никаких клятвенных слов не говорил; вперед еще мало потерплю, а если по договору ко мне государской милости не будет, то я по прежнему ничего государева принимать не стану и перед Богом стану плакать и говорить те же слова, что прежде говорил с клятвою».

Рис. 22. Внутренний вид Богоявленской церкви отведенной патриарху Никону в Ферапонтове монастыре.

Лутохин допрашивал патриарха, правда ли что он сам носит воду и рубит дрова, и просил дать роспись, чего ему не дают из кушанья. Никон отвечал, что дрова и воду он прежде носил за безлюдством, а теперь не носит, а насчет содержания жаловался, что ему ничего не дают, кроме шей да худого квасу. Пристав и монастырские власти в свою очередь уверяли, что у Никона всегда была свежая рыба и пиво, и показывали Лутохину садки с рыбой. Никон говорил, что эта рыба изсиделась, так что ее и есть нельзя, а свежей ему не привозят³⁰⁷. Наумов после этого писал кирилловским властям, что «старец Никон в их присылках запирается, будто де он у их присылщиков никаких запасов не принимывал прежь сего» и просил, чтобы впредь с присылками посылали грамотного человека «для рукоприкладства к росписке»³⁰⁸. Как бы то ни было, но жалобы Никона имели основание: впоследствии сам игумен Афанасий, уличенный Никоном, сознался, что он давал ложные показания относительно содержания Никона.

Лутохину показывали также кресты, поставленные Никоном, с надписями, в которых он называл себя патриархом. Но он не сделал о них никакого распоряжения. Его внимание было теперь привлечено другим более важным обвинением против Никона, которое заявил ему приставленный к патриарху архимандрит Иосиф. Давно желая выбраться из Ферапонтова, где, по его словам, он «живот свой мучит, испытывает нужду и болезнь», и не получая от патриарха Иоасафа ответа на свои челобитные, он решил прибегнуть к тому же «слову и делу государеву», которым так неудачно хотел воспользоваться Никон. Он подал Лутохину челобитную, в которой объявил за собою «страшное государево слово и дело, измену бывшего патриарха монаха Никона и пристава Наумова». Принося такой извет, архимандрит говорил, что ему теперь нельзя уже оставаться в Ферапонтове «для того, что за такие великие страшные дела погубят за напрасно и от того государеву делу спона и поруха будет большая»³⁰⁹. 20 ноября Иосиф был вызван в Москву и доставлен с провожатыми в приказ тайных дел. На допросе он рассказал следующее.

«Весною 1668 года были у Никона воры, донские казаки; я сам видел у него двоих человек, и Никон мне говорил, что это донские казаки и про других сказывал, что были у него в монашеском платье, говорили ему: «Нет ли тебе какого утеснения, мы тебя отсюда оправдаем». Никон говорил мне также: «И в Воскресенском монастыре бывали у меня донские казаки и говорили: «если захочешь, то мы тебя по-прежнему на патриаршество посадим, сберем вольницу, боярских людей. Никон сказывал мне также, что будет о нем в Москве новый собор по требованию Цареградского патриарха: писал ему об этом Афанасий Иконийский»³¹⁰. Начались розыски поэтому обвинению. Монах Пров донес, что Никон хотел бежать из Ферапонтова и обратиться к народу с жалобой на напрасное заточение.

Обвинение в мятежных замыслах против правительства доставило Никону чрезвычайно много неприятностей и ухудшило его положение в ссылке. Оно было, между прочим, причиной того, что не имело никакого успеха полученное в феврале 1669 года послание к царю Алексею Михайловичу константинопольского патриарха Парфения, в котором он просил царя возвратить Никона из ссылки в свой монастырь³¹¹. Вместо того Никон был оставлен в Ферапонтове под строгим караулом, который был усилен вновь присланными из Москвы стрельцами.

Но справедливо ли было московское правительство в своих подозрениях к ферапонтовскому заточнику? – В это время на Руси начиналось социальное движение, завершившееся грозным разинским бунтом. Донские казаки, подготовлявшие смуту, бродили повсюду, заходили и в белозерские края. Для них важно было привлечь на свою сторону низложенного патриарха, которому, как они знали, «тошно от бояр» и они, действительно, делали попытки склонить его к мятежным замыслам. Сам Никон рассказывал после, что к нему приходили три казака «сказались, будто они идут Богу молиться в Соловецкий монастырь, а они не богомольцы, не в Соловецкий шли, приходили они для меня, собравшись нарочно, звали меня с собою, пришло их двести человек. Степана Наумова хотели убить до смерти, Кириллов монастырь разорить и с казною его, запасами и пушками хотели

идти на Волгу». «Но я, говорил Никон, на ту их воровскую прелесть не подался, во всем им отказал, от воровства их унял и с клятвою им приказывал, чтоб великому государю вины свои принесли, и они пропали, неведомо куда».

Не смотря на отказ Никона принять участие в мятежных замыслах, казаки все таки потом воспользовались его именем. В своих прокламациях («прелестных листках») они объявляли народу, что с ними, казаками, идут царевич Алексей Алексеевич (на самом деле умерший), да Никон патриарх. «И малоумные люди, писал Керенский воевода, все то ставят в правду, и от того пущая беда и поколебание в людях»³¹². На знаменах мятежников были изображения царевича Алексея и патриарха Никона³¹³. Сочувствие казаков к низложенному Никону обнаружилось, между прочим, в характерном эпизоде убийства ими астраханского митрополита Иосифа: казаки не преминули тут вспомнить, что Иосиф «снимал сан с Никона патриарха».

Впоследствии когда Стенька Разин был схвачен, то «в распросе у пытки и со многих пыток и с огня» сказал, что к нему в Симбирск приезжал старец от Никона и приглашал его идти вверх Волгою, куда навстречу ему будто бы выйдет и Никон, потому что ему «тошно от бояр, которые переводят государственные семена». Старец говорил, что у Никона есть готовых людей с 5000 человек; «а те де люди у него готовы на Белеозере». Этот старец, яко бы присланный Никоном, был и в бою и на глазах Стеньки «исколол своими руками сына боярского» и потом ушел из Симбирска. Если и придавать веру этим вынужденным пыткою показаниям, то и в этом случае всего вероятнее предположить, что тут было просто злоупотребление именем опального патриарха со стороны лихого старца, разбойника в монашеской рясе. Сам Никон решительно отрицал какие бы то ни было сношения с Разиным. Но именем Никона злоупотребляли мятежники, и этого было достаточно, чтобы при тогдашних смутных обстоятельствах московское правительство с подозрением отнеслось к опальному патриарху и усилило над ним надзор.

Предосторожность была не излишня: сам патриарх говорил, что «в Ферапонтове ему жить страшно, ибо монастырь не

огорожен»³¹⁴. Донские казаки и воровские люди, которые тогда не только свободно разгуливали на Белеозере, но даже нередко появлялись в монастырях под видом монастырских служек³¹⁵, могли силой взять патриарха и увести его с собою. По крайней мере в Ферапонтове в это смутное время далеко не все было благополучно и иногда случались довольно загадочные события. Так 22 января 1669 г. пристав Наумов доносил в Кириллов монастырь, что келарь Ферапонтова монастыря Макарий «учинился государеву указу силен и ему, Наумову, непослушен и нынешней ночи умысля и собрався нарядным делом с монастырскими служками, да с приходящими ворами, пьяным обычаем разбил государев караул: и сотника и стрельцов побил на голову»³¹⁶. В июне стрелецкий сотник доносил, что в ночь на 26 число «от старца Никона ушел из кельи пришлой дьячек Сенька, живший у него без указу государева больше года, а ушел, выломав доску в выходе». За дьячком была послана погоня, и пристав Наумов говорил, что дьячек отпущен Никоном с каким-то умыслом³¹⁷. В это время охрана Никона была усиlena вновь присланными из Москвы стрельцами. Стрелецкие караулы были расставлены не только у кельи Никона, но и в разных местах вокруг монастыря и вдали от него «верст на пять и на шесть и на семь и больше». Всех приближавшихся к монастырю задерживали и приводили к приставу для обыска и допроса. У пристава была приказная изба, и он не раз требовал из Кириллова монастыря «подъячих добрых для письма государевых дел Московского отпуску». Лиц, казавшихся подозрительными, брали под арест и отправляли в Москву в приказ тайных дел. Начиная с 1668 по 1670 год из Ферапонтова монастыря, то и дело, отправляют в Москву колодников и разных оговоренных по розыску лиц. Пристав Наумов постоянно требовал из Кириллова монастыря подвод и провожатых людей для отсылки арестованных лиц в Москву³¹⁸.

Можно себе представить, сколько беспокойства и нравственных мучений доставило впечатлительной душе Никона подозрение в государственной измене, сопровождавшееся строгим заключением его самого, а также арестами и допросами разных лиц. Пристав стал обращаться с ним с прежней

грубостью: «почал, как писал потом Никон, всякою нуждою нудить голодом и холодом, о чем ни пошлю ково, и он Степан к себе не пустил; а коли и выглянет в окно и на нашего посланника кричит, вопит и матерны лает и бить хочет и ходить к себе не велит; а говорит: «полно-де, приходит тех пора-де покинуть; ешь-де что дадут»; а мне не дают ничево, и те посланные от нас приходят от нево плаучи и впредь ходить к нему Степану для наших нужд не хотят; а у нас ни хлеба, ни соли, ни дров во многие времена не было»³¹⁹. Тяжелые условия жизни в связи с нравственными потрясениями расшатали крепкое здоровье патриарха. От недостатка движения он заболел цынгой, в левой руке сделался паралич. «А я богомолец ваш, жаловался потом царю Никон, за те ево Степановы караулы одва со всякия нужды не умер, а с тех мест оцынжал и одряхлел и своим нуждам не могу спострадать»³²⁰. Одно время Никон так сильно занемог, что пристав Наумов писал в Кириллов монастырь, что «старец Никон волею Божией заскорбел гораздо» и желает исповедаться и приобщиться, и приглашал архимандрита Никиту, который был духовником опального патриарха, немедленно приехать в Ферапонтов. Но эта болезнь Никона была непродолжительна: спустя 5–6 дней он снова делает хозяйственные распоряжения³²¹.

Сам царь Алексей Михайлович, по-видимому, не хотел верить слухам об измене бывшего «собинного» друга и продолжал относиться к нему с уважением и мягкостью. 3 марта 1669 скончалась царица Марья Ильинична. Рассылая по монастырям и церквам милостины за упокой души любимой супруги, царь не забыл и опального патриарха, бывшего когда-то близким другом царской семьи, спасшим ее от моровой язвы. В Ферапонтов был послан окольничий Родион Стрешнев с милостиней Никону в 500 рублей. В это время Никон находился уже под строгим караулом, разочарованный в своих надеждах на освобождение. Недовольный царем, он не принял царской милостины, говоря, что он и без денег должен поминать почившую царицу³²². Стрешнев «упорно» просил его принять деньги, но патриарх настоял на своем и при этом, многозначительно прибавил: «после смерти царицы будет другая

беда не меньше, а после этой еще хуже будет: мне это объявлено от Господа Бога». «А говорил я эти слова сердито, сознавался после Никон, досаждая великому государю»³²³. Как бы то ни было, слова Никона оказались пророческими: через три месяца после смерти царицы умер царевич Симеон, и в том же году несколько месяцев спустя другой царевич Алексей, а в следующем году разразился страшный казацкий бунт.

Смерть наследника престола Алексея Алексеевича была печальным обстоятельством для опального патриарха, который возлагал на царевича надежды на освобождение. «Когда к Степану (Наумову) весть пришла, что сына твоего царевича Алексея не стало, писал потом царю Никон, то девка его пришла в другую избу и говорила: «ныне на Москве кручина, а у нашего боярина радость, говорит: теперь нашего колодника надежда вся погибла, на кого надеялся, и того не стало, кротче будет»³²⁴.

Спустя почти два года после смерти своей первой супруги, Алексей Михайлович вступил во второй брак с Натальей Кирилловной Нарышкиной (22 января 1671 года). Привыкший делить с Никоном скорби и радости своей семейной жизни царь и на этот раз не обошел вниманием своего бывшего «собинного» друга. Он отправил в Ферапонтов своего стольника Лариона Абрамовича Лопухина и послал с ним свадебные подарки опальному патриарху: «700 рублей денег, три меха – соболий, лисий и беличий, сукно и тафту черныя, 15 штук полотен добрых тонких, 20 полотенец»³²⁵. На этот раз царские подарки встретили благосклонный прием со стороны ферапонтовского заточника. Никон с благодарностью принял дары, велел петь молебен о царском многолетнем здравии и тотчас послал письмо государю, в котором благодарил за присланную богатую милостыню и высказывал разные благожелания царской семье³²⁶.

Но вот окончилась и самая смута, в тайном содействии которой враги обвиняли Никона. 24 апреля 1671 года Стенька Разин был схвачен и увезен в Москву для пыток и казни. Везде по указу государя служили благодарственные молебствия Богу за прекращение смуты. Ферапонтовский заточник не представлял уже теперь опасности для московского правительства и мог надеяться на облегчение своей участи. В

июне 1671 года на смену Степана Наумова прибыл в Ферапонтов новый пристав – стольник князь Самойло Никитич Шайсупов с новыми стрельцами. Но указа об облегчении участии патриарха он не привез: Никон по-прежнему содержался в строгом заключении. В своих беседах с новым приставом Никон указывал на то, что недавние бедствия – смерть царевича Алексея и казацкая смута были им предсказаны еще в разговоре с царским послом Родионом Стрешневым. «Да и впредь, добавлял он, если вселенских и московского патриархов на весь православный российский народ безрассудная запретительная клятва не снимется, добра ждать нечего». Опальный патриарх подчеркивал также свою верность государю, выразившуюся в том, что он не подался на воровскую прелесть казаков, во всем отказал, от воровства их унял и с клятвою им приказывал, чтобы великому государю вины свои принесли. Жалуясь приставу на тяжесть своего заключения, Никон просил его написать государю. Шайсупов писал в Москву в приказ тайных дел, просил себе указа, но ответа ему не было.

Прошло полгода. Никон решился опять напомнить о себе государю и в самый день Рождества, 25 декабря 1671 г., послал в Москву своего иеродиакона Мардария с письмом к государю³²⁷. Письмо это замечательно по своему кроткому примирительному тону: суровый патриарх, утомленный долгим заточением, уже не грозит царю, а смиренно просит у него прощения за свои дерзкие речи и поступки. Он припоминает в письме свои отношения к царю, начиная со времени возведения на патриаршество и в последующее время, когда между ними «по наветам врагов возросла великая смута». Чистосердечно сознаваясь в том, что он много раз досаждал государю, говорил ему на соборе прекословно и досадно, не принимал присланных от царя даров и тем его бесчестил, Никон просил государя простить его «ради родшагося Христа». Вместе с тем он описывает свое бедственное положение в ссылке следующими словами «Ради всех этих моих вин отвержен я в Ферапонтов монастырь шестой год, а как в келье затворен – тому четвертый год. Теперь я болен, наг и бос, и креста на мне нет третий год, стыдно и в другую келью выйти, где хлебы пекут и кушанье

готовят, потому что многие части зазорные непокрыты; со всякой нужды келейной и недостатков оцынжал, руки больны, левая не подымается, на глазах бельма от чада и дыма, из зубов кровь идет смердящая и [они] не терпят ни горячего, ни холодного, никислого, ноги пухнут, и потому не могу церковного правила править, а поп один и тот слеп, говорить по книгам не видит; приставы ничего ни продать, ни купить не дадут, никто ко мне не ходит и милостыни просить не у кого». Жалуясь на суровое отношение к себе прежнего пристава Наумова и нового – Шайсупова, Никон просит государя облегчить тяжесть заключения. «Прошу тебя, заканчивает свое письмо Никон, ослаби ми мало, да почию, прежде даже не отъиду, прошу еже жити ми в дому Господни во вся дни живота моего».

Письмо, написанное в таком кротком и примирительном тоне, не могло остаться без влияния на впечатлительного государя. Тотчас по получении его царь отправил в Ферапонтов двух послов к Никону стрелецкого голову Илариона Лопухина и подъячего приказа тайных дел Артемия Степанова. Послы приехали в Ферапонтов 18 января 1672 года и, явившись к Никону, приветствовали его от имени государя, называя опального патриарха «святым и великим отцем», и поднесли ему государеву милостыню деньги, меха, рыбу. Согласно царскому наказу Лопухин держал пред Никоном речь, которая была ответом на письмо последнего к государю. «Государь, говорил между прочим царский посол, с самого начала желал умирения, а теперь всякие враждотворения паче прежнего разрушить и во всем примирения с любовью желает и сам прощения просит. Досадных слов от тебя к государю никаких не бывало: изволь попамятовать. Послан ты в Ферапонтов монастырь вселенскими патриархами и собором, а не государем; дворянин и стрельцы посланы с тобою для твоего береженья, а не для утесненья; если же Степан Наумов какое тебе утеснение чинил, то он делал собою, а не по государеву указу, и про это приказал государь сыскать». Посол коснулся в своей речи и подозрений, лежавших на Никоне в сношениях его с воровскими казаками и Стенькою Разиным. «Пророчества, какие ты говорил князю Шайсупову, узнал ты не от Господа Бога, а от воровских людей, которые к

тебе приезжали; надобно думать, что то смятение и кровопролитие сделалось от них. Если бы ты хотел всякого добра по Христовой заповеди, то ты бы про такое великое дело не умолчал, и тех воровских казаков велел переловить, а трех человек можно было тебе поймать. Ты объяви теперь обо всем подлинно, а то просишь у государя всякой милости и прощения, а сам к нему никакой правды не объявишь».

На эту речь царского посла Никон отвечал своей речью, в которой возражал по порядку на сделанные ему замечания. В начале он благодарил государя за милость, заявлял, что желает прощения от государя и сам его во всем прощает и просил не верить наветам врагов. «Престол я свой оставил, говорил патриарх, и паки было возвратился – дело не новое: и прежние вселенские патриархи престолы свои оставляли и назад возвращались. Я своего прежнего сана не взыскую, только желаю великого государя милости. Собор патриархов Паисия и Макария ставлю я ни во что, потому что они престолов своих отбыли и на их места поставлены другие; повинуюсь я константинопольскому патриарху и прочим вселенским, которые на престолах своих». Добродушный государь, как мы видели, хотел предать забвению досадительные слова Никона и говорил, что их и не было. Никон не хочет воспользоваться этим заявлением государя. «О том, что говорено было на соборе, я писал правду, снова подтвердил прямодушный патриарх; государю это известно; да и после, при Степане Наумове и присыльщиках много раз я досадительные слова говорил и к государю писывал, в том милости и прощения прошу; а что великий государь за многие мои досадительства мне не мстил, за то великую мзду от Бога восприимет». По по воду обвинений в сношении с мятежными казаками Никон объявил, что о смуте на Вологде и о Разине он ничего не знает, троих же казаков, приходивших к нему, он не велел схватить потому что «боялся как бы смуты не учинить: они сказывали про свое многолюдство, а оборониться от них было некем. К государю же о казаках этих я тогда писал и архимандриту Иосифу сказывал». Относительно пророчеств своих Никон счел нужным заявить, что он говорил Стрешневу вообще об имеющих быть бедствиях, а не говорил

именно о смерти царевича и о казацком разорении. В заключение опальный патриарх просил передать его просьбу государю, нельзя ли перевести его из Ферапонтова монастыря в Воскресенский или Иверский и дать ему доверенных людей для услуг. «Худаго у меня намерения нет, говорил Никон, да и лета мои не малые, постиглоувечье, а призреть меня стало некому; да пожаловал бы государь, простил всех, кто наказан из-за меня».

Послы обещали Никону о всех этих просьбах доложить государю и испросить указ, а пока словесно распорядились, чтобы пристав не делал патриарху стеснения и позволил ему свободный выход из кельи. Для улучшения его содержания они велели брать запасы не только с Кирилловского, но и с других белозерских монастырей – с Троицкого, что на устье реки Шексны, Новоезерского и еще с двух вологодских: Спасокаменного и Прилуцкого.

Послы уехали. Никон, согласно их обещанию, стал ждать от государя указа относительно облегчения своей участи. Проходит месяц, а указа все нет. В это время на Москве происходили выборы нового патриарха на место умершего Иоасафа II († 17 февраля 1672) и правительство, конечно, не без влияния недоброжелателей Никона не спешило исполнением просьб опального патриарха. Прождав до марта, Никон отправил к государю письмо³²⁸, в котором снова описывал бедственное положение свое в ссылке, указывал на отсутствие у приставов письменных наказов относительно надзора за ним, вследствие чего они, как напр. Наумов, ссылаясь на словесные наказы, часто делали ему обиды и притеснения. Теперь он совсем далек от того настроения, в каком, бывало, отвергал присылаемые царем дары. Напротив, он сам просит теперь о том, нельзя ли прислать к нему ту самую милостыню, которую привозил ему Стрешнев на помин царицы и которую он тогда отказался принять. «А что твоя великого государя милостыня прислана с Ларионом Лопухиным и то все изошло, потому должен был многим, а иное олихоимствованным и разоренным от Степана Наумова с теми поделился». Таким образом, суровые условия жизни в конце концов взяли верх над непреклонным характером

опального патриарха. «А ныне я богомолец ваш от многие злобы немилостивого пристава Степана Наумова смирихся до конца, а се за грехи мои рука левая больна стала и действовать нисколько не может, пристроити пити и ясти и принести некому». Старцы, жившие с Никоном опять все разошлись, некоторые – по поручениям самого Никона: «со мною остался один черной поп Варлаам, а тот поп слеп (я же около ево ходил), и по се число я богомолец на себя и на попа хлебы пек и варил сам... Створи Господа ради, великий государь, со мною милость, (вели) служащим единому или двум послужити нужным нашим потребам, кто б принес пити и ясти, да чем и им сытым и одетым быти; а аз же зело изнемог от многих скорбей моих, некому ясти сварить ... да и церковных людей, с кем бы церковный обиход исправить, а я ныне один не могу исправлять. Господа ради милостив буди».

По получении этого письма Никона государь тот час же послал в Ферапонтов указ на имя пристава Шайсупова: «дать Никону для службы из тутовых работных людей человек двух или трех, чтоб у него в том никогда скудости не было». 27 марта царский указ был получен в Ферапонтове и пристав сообщил о нем Никону. Никон заявил, что «ему черные поп и дьякон не его постриженники ненадобны и в келью к себе их не возмет», тутовых работников для услужения он тоже не хочет, «потому что, от тутовых людей в келье у него в денежной его казне и в судах многая поруха чинится и пропажа, и верить здешним людем будучи у него в келье не мочно». Он просил у государя позволения быть у него «для всякой службы ево же людям, которые у него были прежде в Воскресенском монастыре». Тогда государь послал в Ферапонтов стряпчего конюха Степана Веригина спросить Никона, каких именно лиц он желает иметь при себе. Никон отвечал, что он теперь не знает, кто из его монахов и людей жив, да если бы и знал, то все равно не захотел бы насильно вводить их в неволю, потому и ныне живущий у него черный поп Варлаам скучает от великой нужды и хочет идти от него. Посыпать к нему, если это угодно государю, нужно только таких лиц, которые сами того пожелают, нужно при этом дать им средства к пропитанию, свободу от караула и

возможность уйти из Ферапонтова, когда захотят³²⁹. Желание Никона было исполнено: в июне «по указу великого государя» приехали в Ферапонтов «старцы монаха Никона-Флавиан с товарищи сам четверть»³³⁰.

§IV

„Ослаби ми мало, да почию,
преже даже не отъиду“.

Из письма к царю п. Никона.

Опальный патриарх дождался наконец облегчения своей участи. С лета 1672 года наступила лучшая пора его жизни в Ферапонтове, которая продолжается до времени перевода его в Кириллов монастырь в 1676 году. Теперь не только жившим у Никона старцам, но и ему самому разрешен свободный выход из кельи. Насидевшийся в заключении патриарх спешит теперь воспользоваться предоставленной ему свободой. Он ходит гулять в окрестностях монастыря, удит рыбу на озере. Для разнообразия, а, может быть, и вследствие болезни ног, патриарх нередко совершает свои прогулки не пешком, а верхом на лошади. В июне он потребовал чрез пристава, чтобы ему прислали из Кириллова монастыря лошадь для верховой езды «добрую с ходью ступистую, не шараху, не спотытчиву да седло сафьянное с прибором властелинское доброе на чем ему самому ездить, и сукна на полный снимальник». Из Кириллова прислали Никону мерина серого прозвищем «щеголь», сафьянное седло с уздой и прочие принадлежности. Но патриарху не понравилась «цветная» масть этой лошади: он отоспал ее назад и велел прислать другую лошадь «добрую карюю или гнедую или вороную или бурую изтемна, да конюха, который бы умел стряпать около той лошади». Тогда кирилловские власти прислали «мерина вороно-каряго прозвищем «Москва» и с нею конюха. Никон эту лошадь велел принять³³¹. С того времени окрестным жителям часто приходилось встречать на дорогах, ведущих к Ферапонтову, богатырскую фигуру опального патриарха на вороном коне. Никон, по-видимому, любил верховую езду и в августе того же года вытребовал себе другую верховую лошадь. Не известно, сопровождал ли его конвой стрельцов во время недалеких прогулок, но в более отдаленных поездках, как напр. на реку Шексну для осмотра рыбной ловли, должны были сопровождать его пристав, сотник и стрельцы. Под таким конвоем он еще при

Наумове ездил на богомолье в Нилов скит (в 15 верстах от Ферапонтова монастыря).

При наступившем облегчении своей участи, патриарх Никон имел больше возможности распределять свое время и занятия согласно своему желанию. Бросим теперь общий взгляд на то, как и в чем проводил свое время опальный патриарх.

Рис. 23. Вид с колокольни Ферапонтова монастыря на Бородаевское озеро, где ловил рыбу опальный патриарх Никон.

Первый год своего заточения Никон, как было выше сказано, жил в тесных и закоптелых больничных кельях на северной стороне монастыря, а потом поместился в новых кельях, выстроенных для него в том же месте «подле тех больнишных кельишек». С самого начала заточения ежедневным неопустительным занятием патриарха было исполнение иноческого келейного правила и слушание положенных по уставу служб. Когда Степан Наумов забил железными решетками окна и без того мрачных больничных келий, то келейное правило даже днем приходилось отправлять с лучиной. В новых кельях у Никона была особая крестовая или моленная комната: «а у меня в новой кельише, писал он царю, и трапеза и церковь, в ней отправляем полунощницу, утреню, молебны, часы, вечерню и

повечерню»³³². Для устройства этой крестовой Никон вытребовал себе в феврале 1668 года «крест воздвизальный, шестеры деисусы келейные, чему покланятися братии, паникалио келейное о шести перах, шесть подсвечников, что пред образами свещи ставят, кадильницу медную добрую, ладоницу добрую»³³³. Все нужные богослужебные книги присыпались из Кириллова монастыря по его требованию и переменялись им соответственно церковному кругу времени, откуда можно заключать, что церковные службы совершались у него ежедневно³³⁴. С 1668 года в распоряжение Никона была предоставлена Богоявленская церковь над св. воротами монастыря: в день Пасхи, 22 марта, здесь в первый раз была совершена для него литургия. Все келейные и церковные службы отправлялись для Никона жившими с ним монахами. Но в период тяжкого заключения, когда монахи разошлись, патриарху самому приходилось «церковное правило править», потому что оставшийся у него «черный поп Варлаам ослеп и говорить по книгам не видит». Богослужения в Богоявленской церкви на долгое время прекратились, так как некому стало «церковный обиход править». В монастырские церкви, где совершались службы для братии, Никон считал неудобным ходить по разным причинам: зимой – «за стужей и дализною», а кроме того строго следивший за исправностью богослужения бывший патриарх находил, что служба в Ферапонтове совершается «неисправно, поют не по уставу»³³⁵. Когда патриарх шел в церковь, то его сопровождал караул из 6–8 стрельцов. По рассказу Шушерина, «по обычаю» провожали его при этом архимандрит, пристав и игумен монастыря, которые во время благовеста приходили к нему в келью³³⁶. С 1673 г. Никон стал хлопотать о том, «чтобы ему построили кельи подле Богоявленской церкви, чтобы из тех его келий в ту церковь был ему ход для службы литургии беззазорен». Впоследствии из новых келлий, выстроенных для него в 1674–75 году, был сделан особый ход в Богоявленскую церковь в виде крытой галереи с окнами по обе стороны, тянущейся по монастырской ограде на расстоянии 30 сажен³³⁷. Государь прислал для этой церкви серебряные сосуды, покровы, ризы и полный круг новопечатных

богослужебных книг. Но присланная царем роскошная утварь не соответствовала прочей скучной обстановке церкви: «а в той церкви, писал царю Никон, благодаря его за присылку утвари, срачица на престоле и покров на жертвеннике крашенинныя, а у царских дверей нет завесы, нет у местных икон пелен, а у дьякона стихаря, нет паникадила и колоколов, а царские двери и местные иконы письма самого плохого»³³⁸. Царь в январе 1676 года, уже незадолго до своей смерти, прислал ему недостающую утварь и три небольших колокола (весом все в 2½ пуда)³³⁹. Сам Никон никогда не служил, а только присутствовал при богослужении. Но причащался он в алтаре вместе с служившим иеромонахом³⁴⁰. За богослужением на ектениях и пр. его поминали «святейшим патриархом»³⁴¹. В Богоявленскую церковь, по приказу Никона, не допускался никто из посторонних.

Вынужденный проводить большую часть своего времени в келье, особенно в первые годы своего заточения, патриарх Никон, большой любитель книг, уже раньше известный своей обширной начитанностью, не мог конечно обойтись без книг при томительном однообразии своей затворнической жизни. Чтение книг занимало не последнее место в ряду его обыденных занятий. Книги доставлялись по его требованию из богатой библиотеки Кириллова монастыря; он требовал по несколько книг за раз и часто менял их на новые³⁴². Во время великого поста Никон, по рассказу Шушерина, особенно любил заниматься «почитанием книг святых, яко же бе ему обычай в Воскресенской отхожей пустыне»³⁴³.

Не мало времени уделял патриарх и на хозяйствственные хлопоты. Иногда необходимость заставляла его своими руками исполнять домашние работы: носить дрова и воду, печь хлебы и пр. Все подобные работы хорошо были знакомы Никону еще во времена его отшельнической жизни в Анзерском скиту. В лучшую пору своего заточения патриарх не только не оставлял хозяйственных занятий и хлопот, но с охотой посвящал им свое время. В этих занятиях находила себе исход его энергичная натура, обреченная на вынужденное бездействие. Самым любимым его занятием была рыбная ловля на Бородавском

озере, предоставленном в его распоряжение еще с лета 1667 года. Патриарх часто ходил удить на это живописное озеро, расстилавшееся к западу от монастыря недалеко от его келий. В 1672 году на присланные царем деньги он заказал три невода и ими ловили рыбу для его обихода ловцы Ферапонтова монастыря, а также Кириллова и Троицкого попеременно³⁴⁴. Зимой он требовал не менее 12 ловцов, летом – не менее шести³⁴⁵. Мелкую рыбу Никон отдавал в монастырскую трапезу. Но вообще он был недоволен ферапонтовской рыбой: «а рыбенка когда и уловится на братию, писал он царю, и то самая худая – ершишка да сорожка»³⁴⁶. Ему была дана еще тоня на реке Шексне под селом Бородавой, где под наблюдением доверенного старца ферапонтовские ловцы ловили для патриарха стерлядей, язей, лещей разными способами: переметами (иногда по 600 уд), ботальными сетями, мережами и пр.³⁴⁷. Рыболовные принадлежности большею частью заготовлялись у него в Ферапонтове, материал для них иногда присыпался из Кириллова, иногда покупался им на свой счет³⁴⁸. Для хранения их был устроен особый «онбар неводной и сарай». По описи 1676 года у Никона было несколько неводов, мереж, верш и 11 лодок больших и малых³⁴⁹. Никон устроил также два пруда, в которых он разводил карасей³⁵⁰. Хорошую рыбу – стерлядей, осетров – привозили ему из Шексны и из царских тоней живую в бочках, при чем пристав наказывал провожатым «беречь на крепко, чтобы та рыба у Ферапонтова монастыря не поснула»³⁵¹. Для этой рыбы был устроен особый деревянный садок под монастырской мельницей.

Кроме рыбной ловли Никон любил еще заниматься сельским хозяйством – хлебопашеством и огородничеством недаром он был сын крестьянина-земледельца. В двух верстах от Ферапонтова в монастырской пустоши Лещево он расчистил лес под пашню, поставил там двор и сеял рожь и пшеницу³⁵². Известно также, что он брал у монастыря в аренду пустошь Рогозинино³⁵³. В 1676 году еще до уборки хлеба в житницах Никона оказалось 480 четвертей всякого хлеба, ржи и ярового, сухого и молотого, между прочим ржи 200 четвертей, овса – 113, ячменя – 84, пшеницы – 24 и пр.³⁵⁴. Нельзя впрочем думать,

чтобы весь этот хлеб вырос на полях Никона: большая часть его, вероятно, была доставлена из окрестных монастырей.

Огородничеством Никон занимался в довольно широких размерах. У него было в Ферапонтове три огорода: один находился, как можно думать, на берегу озера, судя потому, что за ним стоял онбар неводной с лодками, сетями и прочими рыболовными принадлежностями, другой – там же «у устья реки», третий – «подле монастыря у полаты» т. е. на южной стороне монастыря. В этом последнем небольшом саду росла только малина да смородина. В двух других огородах посажены были разные овощи в большом количестве: в обоих огородах вместе было, например, 43 гряды капусты, 37 гряд луку, 24 чесноку, были также огурцы и дыни в ящиках и грядах, тыквы, салат, свекла, редька, репа, морковь, а также лекарственные травы: мята, зоря, девяносил. Никон хотел также развести в Ферапонтове яблони, которых здесь прежде не было: после него осталась целая гряда яблочных саженцов³⁵⁵. Когда Никона перевели в Кириллов монастырь, то из собранных в его огородах овощей ему выслали только «небольшое», а именно 101 тыкву, 14 дынь, 1350 огурцов, несколько пудов луку и чесноку, семени макового ведерко и т. п. Уже по этой «небольшой» части всего урожая можно судить о том, как успешно процветала в хозяйственных руках Никона эта отрасль сельского хозяйства, которая и доныне так слабо развита на севере России.

Для успешного занятия хлебопашеством и садоводством патриарх должен был держать лошадей и рогатый скот. В 1676 году у него было 8 лошадей, 9 коров дойных и около 20 «бычков и телушечек», а также козел с 3 козами и 4 маленькими козликами³⁵⁶. У него был за монастырем особый скотный двор, который он задумал строить еще в августе 1672 года. Держал патриарх и домашних птиц. Всех этих животных он частью брал из окрестных монастырей, частью покупал на собственные деньги.³⁵⁷

Хозяйственные заботы и хлопоты чередовались у Никона с занятиями благотворительностью. Благотворительность всегда была отличительным свойством патриарха Никона. Он не любил копить деньги и широко благодетельствовал нуждающемуся

людю, чем приобрел большую любовь к себе в народе. В Воскресенском и других патриарших монастырях, по его приказу, радушно принимали всех прохожих путников и бесплатно содержали по несколько дней³⁵⁸. Живя в заточении и нередко сам испытывая нужду, Никон не мог уже заниматься благотворительностью в прежних широких размерах, тем более что доступ к нему окрестного населения временами был совсем запрещен. С 1672 года, когда он получил больше свободы и материальных средств, он помогает окрестному нуждающемуся населению, раздает деньги из присыпаемой царской милостыни. Многие берут у него деньги в долг³⁵⁹. Нищим, сиротам и всяким скучным людям он раздавал милостыню хлебом и деньгами. Бедным невестам давал на приданое и свадьбу по рублю и по два. Одна бедная девица хотела постричься в монахини и не имела средств уплатить вклад, требовавшийся при поступлении в монастырь: Никон внес за нее этот вклад в размере 17 рублей. Иногда бедные «всяких чинов люди» исправляли у него разные работы по хозяйству, и за это он кормил их обедом особенно на Господские праздники³⁶⁰.

Кроме раздачи денег и хлеба Никон, живя в заточении, обратился к новому способу благотворительности – лечению больных. Приставу Шайсупову, царским послам, а потом на допросе у следователей он рассказывал о следующем бывшем ему видении; «явился ему Христос часто в церкви тем образом как пишется на иконе и подал ему благодать чаши лекарственной. «Отнято у тебя патриаршество, было сказано ему в этом видении, и тебе за то дана чаша лекарственная: лечи болящих»³⁶¹. Никон еще до своего заточения в Ферапонтов интересовался медициной. В 1658 году ученый монах Епифаний Славинецкий перевел для него «дохтурскую книгу» и за это получил от него 10 рублей³⁶². Живя в Воскресенском монастыре, патриарх находился в сношениях с врачами иностранцами – «дохтуром Самойлом и Томасом агличенином» и пользовался их советами³⁶³.

Лечению своему Никон, как «врач духовный», придал религиозный характер. Приезжавших к нему в Ферапонтов больных келейник его дьякон Мардариј проводил в крестовую

келью, куда приносил кадило и свечи. Здесь патриарх читал над болящими молитвы по потребнику, помазывал их освященным маслом, кропил святою водою и давал разные лекарства. Тот же Мардарий, исправлявший у Никона должность казначея, покупал для него в Москве кроме масла деревянного и ладону росного, «скипидар, траву чечью, целибоху, траву зверобойную, ношатырь, квасцы купорос, канфару да камень безуй». Но Мардарий, как он после сам заявил на допросе, «не видал, как Никон те травы спускал» т. е. приготовлял из них лекарства³⁶⁴. В этом деле помогали Никону другие его старцы. Один из таких помощников Никона по лечению – старец Савин, научившийся у Никона, после сам стал заниматься лечением. В 1694 году он был привлечен к допросу в Преображенский приказ по обвинению в чародействе и здесь, оправдываясь от обвинений, дал показания, интересные для нас, поскольку они касаются жизни Никона в Ферапонтове и его лечебной практики.

Родом старец Савин был из костромских мещан, назывался Семеном Галкиным. Однажды, возвращаясь с богомолья из Соловецкого монастыря, он по пути зашел в Ферапонтов, где в то время жил Никон, который знал его раньше в Воскресенском монастыре. «И потому знакомству, рассказывал Савин, будучи в Ферапонтове монастыре, святейший патриарх его постриг для того, что он не был женат, и постригвшись жил он у него, святейшего патриарха, всего 9 лет, да у него же, св. патриарха, с ним же Савиным жили черные дьяконы Питирим да Рувим. И живучи в том Ферапонтове монастыре, он, святейший патриарх, лечивал у многих людей всякие болезни по травнику и по лечебнику, а для того лечения строил из разных трав и из кореня водки, а те травы сбираивал, езя с ним Савиным, и с вышеозначенными дьяконами, с Питиримом и с Рувимом, по рекам, озерам и по лесам, и по полям, и тому леченью он, святейший патриарх, научил и его, Савина, и для того лечения с того лечебника и с травника дал им списывать, а ему, святейшему патриарху, тот лечебник и травник на римском языке вывез из Персиды и перевел на греческий, а с греческого на русский язык, греченин, старец Мелетий». После взятия Никона «под караул» в Кириллов монастырь старец Савин ушел из

Ферапонты и, переходя по разным монастырям, лечил всяких чинов людей от многих болезней «без наговоров и шептаний», а с помощью лекарств и трав, указанных в лечебнике, который списан им у патрарха. На этот-то лечебник старец Савин ссылался в оправдание странного способа лечения падучей болезни у малолетнего сына князя Хилкова посредством закапывания корней молодой берескви в землю, «чтобы та болезнь впредь не отрыгнула». Предусмотрительный старец добавил при этом, что упомянутый лечебник сгорел вместе с его кельей, и он «ныне никого не лечит и от того всего отстал, потому что лечить стало не почему»³⁶⁵.

Старцу Савину удалось прикрыться авторитетом сгоревшего Никонова лечебника. Сомнительно однако, чтобы подобные средства русской народной медицины, как лечение «береской», находились в лечебнике, переведенном с греческого. Сам Никон, по-видимому, был склонен следовать более рациональной медицине. При осмотре его келий в 1676 году в них нашли много лекарств: «коренья и травы и водки и мази в скляницах и в кувшинах и в пузырях и в ставиках и в иных разных судах»³⁶⁶. Некоторых больных Никон оставлял в Ферапонтове на несколько дней и даже на неделю «до исцеления». В 1673 году он просил игумена Афанасия дать особую келью для болящих, «где им пребывать и ему, Никону, к ним приходить», но игумен отказал ему в этой просьбе³⁶⁷.

Между тем слух о том, что опальный патриарх с успехом исцеляет от всех болезней, успел широко распространиться в народе. И вот со всех сторон потянулся в Ферапонтов монастырь бедный страждущий люд, привлеченный мольбой о добром целителе. Приходили и приезжали сюда не только из Белозерского края, но и из других более отдаленных мест: Вологды, Новгорода, Заонежья, Ярославля, Костромы, Твери, Москвы. Патриарха осаждали целые толпы болящих с просьбами о помощи. Под окнами его келий стояло иногда человек сорок и более больных разного возраста и полу. Разнообразны были болезни, на которые жаловались эти больные: одни из них страдали падучей, другие страхованием от демонов, иные расслаблением. Встречались также болезни: «черная,

галическая, волосатик, трясовица и гнетеница», слепота, кровотечения, килы, запоры, зубная боль, «зыбашник» у младенцев и пр. Никон старался помочь каждому, как мог: читал молитвы, мазал священным маслом, давал разные лекарства. «И он потому явлению и по благодати неисчерпаемой чаши лекарства исцелял. И от того ево лекарства Бог от болезни многих людей избавлял», говорил он своим судьям на допросе³⁶⁸.

О своих занятиях лечением Никон писал царю Алексею Михайловичу и даже послал ему «роспись что он излечил мужеска полу и женска и девок многое число». Эта роспись хранится теперь в государственном архиве³⁶⁹. Записи об исцелениях, совершенных Никоном в Ферапонтове монастыре известны в нескольких списках под следующим заглавием: «Дела святейшего Никона патриарха, паче же рещи чудеса врачебная, яже соделающе жив сый, бе во изгнании в Ферапонтове и Кириллове монастырях»³⁷⁰. В этих записях обозначено: откуда происходил исцеленный, какой болезнью страдал и когда исцелился³⁷¹. Записи начинаются с 1673 годом (записано только 4 случая) и оканчиваются 1676. Всех исцеленных записано здесь 132 человека: из них 68 мужчин, 53 женщины и 11 младенцев. Большинство исцеленных принадлежало к крестьянскому сословию, но были между ними лица духовного звания (даже два священника), дворяне и боярские дети, купцы и посадские люди.

Врагам Никона, конечно, не по сердцу была эта деятельность опального патриарха, привлекавшая к нему сочувствие народа, и они, как увидим ниже, при первой же возможности поспешили прекратить ее, не постеснившись прибегнуть к наглой лжи и низкой клевете, чтобы опорочить добroе имя ненавистного им патриарха.

§V

„Приспело, государь, время к его, монаха Никона, древней старости и к скорбям“. Из донесения царю пристава Шайсупова. „Милостивый, милостивый, милостивый, великий государь, сотвори Господа ради со мною милость, не вели Кириллова монастыря старцам меня заморить“. Из письма к царю п. Никона.

Патриарх Никон даже в наиболее суровые времена своего заточения не переставал называть себя патриархом, пострадавшим за Слово Божие и св. Церковь. Со времени же облегчения своей участи в 1672 году и до конца своего пребывания в Ферапонтове он, конечно, еще менее был склонен мириться с положением ссыльного монаха. Он смотрел на себя как на патриарха, жившего на покое, и согласно этому взгляду (которого, по-видимому, держался и сам царь Алексей Михайлович) он хотел создать вокруг себя обстановку, приличную его высокому сану, хотел жить на широкую ногу, как подобало бывшему патриарху, а не простому «старцу». Расширение круга его деятельности, занятия благотворительностью, лечением больных, хозяйством, увеличение числа свиты и рабочих – все это требовало лишних расходов и естественно вызывало с его стороны новые увеличенные запросы на свое содержание. Вот почему, несмотря на облегчение участи патриарха с лета 1672 года, мы видим его в постоянных хлопотах и жалобах на разные нужды и недостатки своего содержания. Но уже во многих его просьбах и жалобных посланиях государю слышится немощь старца, удрученного годами, болезнями и суровыми превратностями судьбы.

Царь Алексей Михайлович, приказав облегчить участь Никона, томившегося в строгом заключении до весны 1672 года, хотел также, чтобы улучшены были обстановка и содержание опального патриарха. Он распорядился, чтобы запасы на содержание Никона, его свиты и стражи доставлялись из пяти

окрестных монастырей. Таким образом, кроме Кириллобелозерского монастыря к расходам на содержание опального патриарха были привлечены еще монастыри Новозерский, Троицкий, что на устье Пексны (упразднен в 1764 г.) вологодских монастыря: Спасокаменный и Прилуцкий. При наступившей тогда скудости и всеобщем обеднении монастыри тяготились этой новой возложенной на них повинностью и иногда даже отказывались высыпать припасы в Ферапонтов, отговариваясь бедностью. Кириллобелозерский монастырь, как самый богатый и притом ближайший к Ферапонтову, чаще других посыпал запасы Никону, но и он доставлял их не всегда своевременно и в достаточном количестве. Вследствие неоднократных жалоб Никона и донесений пристава Шайсупова государь в апреле 1673 года послал в Ферапонтов своего стряпчего Косьму Абрамовича Лопухина для того, чтобы на месте проверить справедливость жалоб патриарха и собрать справки о расходах, какие были сделаны на его содержание. Лопухин исполнил это поручение, причем игумен ферапонтовский Афанасий представил ему счет расходов своего монастыря на содержание Никона с 21 декабря 1666 года. Никон уже только после отъезда Лопухина узнал, какие записи дал ему игумен. Он тотчас заявил приставу, что эти записи совсем неверны, что в них расходы показаны вдвое и втрое больше настоящих. В мае об этом заявлении было доложено государю. Игумен испугался и, чувствуя за собой много других грешков в управлении монастырским хозяйством, отказался от игуменства, а на его место был выбран другой по имени тоже Афанасий. При сдаче ему монастыря была произведена подробная опись всего монастырского имущества, результаты которой оказались не совсем благоприятны для бывшего игумена³⁷². Никон, с своей стороны, возмущенный несправедливым поступком игумена, с неумолимой настойчивостью продолжал раскрывать его злоупотребления. 18 июля он пришел в монастырскую трапезу и здесь в присутствии обоих игуменов, бывшего и настоящего, и всей братии подал приставу челобитную на имя государя, которую тут же велел прочитать. В ней он подробно описывал злоупотребления

бывшего игумена и, ссылаясь на записи пристава доказывал, как много лишнего насчитал на него в своих записях игумен Афанасий. Изобличенный игумен тут же при всех просил прощения у патриарха и во многом винил казначея и прислужников. Пристав начал производить следствие по делу о всех этих злоупотреблениях. Расходившийся патриарх припомнил тут о своих «немальных» запасах, оставленных им в Ферапонтове двадцать лет тому назад, когда он в 1652 году возвращался из Соловков с мощами св. Филиппа. В своей членитной на имя государя Никон не шутя требовал, чтобы допросили бывшего игумена, куда он подевал эти запасы. Не предвидя себе ничего доброго, Афанасий однажды ночью бежал из Ферапонтова, а в следующую ночь его примеру последовал житенный старец Иов, также замеченный в злоупотреблениях. Ферапонтовские монахи подали государю членитную на бежавшего игумена, в которой обвиняли его и келаря Макария Злобина в растрате монастырского имущества и разорении монастыря. Злополучный игумен, скрываясь от розысков пропал без вести.

В это время Никон, положивший начало раскрытию злоупотреблений, продолжал писать государю членитные одну за другою, защищая в них интересы Иверского и Ферапонтова монастыря, писал о разных своих нуждах. «Пришли и яблочков, пишет между прочим старый патриарх царю в одной своей членитной, сколько Господь возвестит тебе, а я того благословения Божия седьмой год не едал, потому что здесь они не рождаются, да и купить негде и не на что: я все прежнее жалованье твое роздал по заповеди Божией неимущим, да и в память царевича Алексея Алексеевича мне милостыни не было, сотвори ее мне»³⁷³.

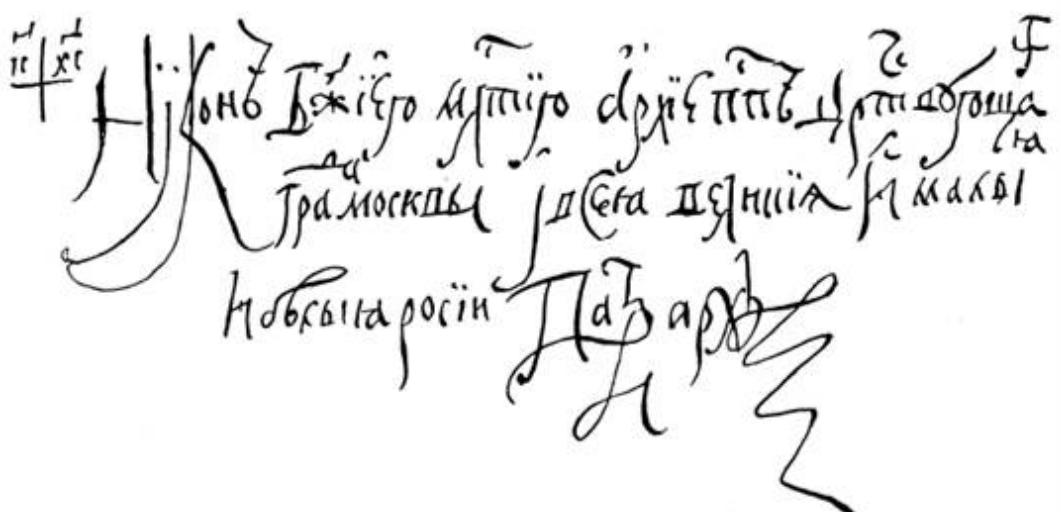

Рис. 24. Подпись патриарха Никона: „Никон Божиею милостию архиепископ царствующаго града Москвы и всея Великия и Малыя и Белыя Росии Патриархъ». Еще полнее Никон подписывался так: „Никон, Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго великаго града Москвы и всеа Великия и Малыя и Белыя России и всеа сиверныя страны и помория и многихъ государствъ патриархъ».

Государь внимательно относился ко всем заявлениям и просьбам Никона и видимо старался удовлетворить нуждам и желаниям престарелого патриарха, хотя некоторые его просьбы должен был оставить без исполнения. 18 ноября 1673 года он снова прислал в Ферапонтов того же Косьму Лопухина. По поручению царя, Лопухин величал Никона «святым и великим отцом», спроворил ему поклон от всех лиц царского семейства поименно и поднес патриарху присланные ими подарки. Царь и царица Наталья Кирилловна послали ему для рождения царевича Петра Алексеевича неприсланные в свое время гостинцы – древо сахарное, ковришку на орел³⁷⁴, хлебец черный а также заупокойную милостыню по царевиче Алексее 200 рублей; от царевны Натальи Алексеевны прислано было: 200 рублей денег, ковришка сахарная, ковришка пряничная, хлебец черный. Не забыты были и яблочки, о которых писал патриарх: царский посол поднес ему от царя и царицы по 10 арбузов тамбовских и белгородских и по 600 яблоков из нежинских и московских садов. Вместе с этими подарками Лопухин привез

Никону роспись запасов, которые по указу государя ежегодно должны были доставляться на содержание Никона и его свиты из белозерских и вологодских монастырей. Годовые запасы были назначены в таком изобилии, что сам Никон нашел, что некоторых запасов «преизлишне написано» и, переговоря с послом, сократил их количество в иных случаях на треть и даже на половину, вставив вместо того в роспись некоторые пропущенные в ней припасы³⁷⁵.

Никон особым письмом благодарил царя за милость. Но зная по опыту неисправность и упорство монастырских властей, он не возлагал больших надежд на присланную царем роспись годовых запасов. «Чаю молва будет велика в монастырях о тех запасах, писал он государю; и в прошлых годах велено давать мне из монастырей, но они давали малые запасы и то с великими брюзгами, а в выписи писали впятеро, вдесятеро во сто и тысячу раз больше, оболгали меня тебе, великому государю». Действительно, новая роспись, хотя и представляла большой шаг вперед в деле обеспечения опального патриарха, но не устранила на деле многих затруднений в его содержании. Натянутые отношения патриарха и монастырских властей уже тогда были на лицо, а при таких отношениях доставка припасов натураой неизбежно давала повод к взаимным недоразумениям и неудовольствиям. Только впоследствии, по обоюдному желанию как патриарха, так и монахов, правительство пришло к мысли обложить монастыри определенным денежным оброком на содержание патриарха. Но плодами этой слишком поздно проведенной меры не пришлось уже воспользоваться Никону. До самого конца пребывания своего в Ферапонтове патриарх вел упорную, иногда мелочную борьбу чаще всего с монахами Кириллова монастыря, обвиняя их в намеренном пренебрежении к его требованиям и неисправной доставке припасов.

Патриарх Никон, как известно, был чрезвычайно взыскателен и не терпел неисправности даже в мелочах – это свойство он сохранил и в заточении. Не понравившиеся ему припасы он без церемонии отсылал назад, жалуясь потом государю, что за непригодностью их он принужден покупать другие на свой счет. Особенно нелегко было угодить

требовательному патриарху в выборе людей для домашних работ, что также лежало на обязанности монастырей. Между тем присылаемые монастырями служки как на зло оказывались или не умеющими или негодными людьми. Вот для примера довольно характерный случай в этом роде. В феврале 1675 года царским указом велено было дать Никону из Спасоприлуцкого монастыря «повара доброго». Оттуда прислали Ваську Ильина, который оказался никуда негодным поваром: «не умеет ничего сварить и даже рыбы чистить». Никон продержал его до 29 марта и отправил назад, требуя прислать нового повара, именно, Ивашку Евтифеева или Ваську Агафонова. Присланный на этот раз повар оказался знающим, но, прожив полгода, был уличен в воровстве, наказан батогами и отправлен обратно в Прилуцкий монастырь с требованием дать нового повара «доброго, а не вора». Монастырские власти прислали известного уже Никону Ваську Ильина. Патриарх, наконец, начал уже сердиться и в январе 1676 года писал в монастырь, чтобы прислали повара «доброго целомудренного, а не безумного». «А будет не пришлете, грозил патриарх, нарошного гонца пошлем к Москве да с ним и повара безумного для ради подлинного свидетельства и в том вам впредь будет каятися». Но угроза, по-видимому, мало действовала: вновь присланный повар Васька Измайлова оказался больным падучей болезнью и Никон, заявив, что такому человеку в поварах быть не пристойно, требовал себе повара доброго здорового, именно Ивашку Евтифеева. Однако монастырские власти прислали в феврале не его, а Моську Семенова, который тоже не мог угодить патриарху и, прожив около двух недель, сбежал из Ферапонтова в свой монастырь. Власти тотчас же вернули его обратно, но патриарх его не принял «за его плутовство и неумевство» и велел учинить ему наказание и отпустить обратно. Таким образом, все четыре повара, присланные монастырем в течении одного года, оказались негодными. Эта история с поварами кончилась тем, что патриарх написал монастырским властям: если они сами не могут нанять повара, который бы умел естествы варить и рыбу чистить, то пусть присыпают вместо того наемные деньги «по полтине на месяц да хлеба, по осмине ржи да по осмине овса».

Власти согласились на это и тотчас прислали в Ферапонтов деньги на наем повара 6 рублей на целый год, обещаясь высыпать и хлебные запасы³⁷⁶. Никон требовал также из монастырей, согласно указу, рабочих для разных работ: для возки бревен, для сенокосу, для отправки судов в Архангельск за покупками и пр. Всех этих людей монастыри должны были нанимать сами и содержать на свой счет.

Неумолимо требовательный к монахам белозерских и вологодских монастырей, которых он постоянно упрекал в неисправности и упорстве, патриарх иначе относился к Ферапонтову монастырю, где он жил. Эта небогатая обитель не в пример прочим монастырям несла неизбежные и обременительные для нее расходы вследствие пребывания в ней опального патриарха со свитой и стрельцами. Но главная тяжесть для нее заключалась в доставке подвод для нужд патриарха и пристава, для отправления в Москву отписок, а иногда арестованных лиц. По словам самого Никона, «на монастырских и крестьянских подводах постоянно гонцы гоняют и по городам для наших покупок и по монастырям для наших запасов на ферапонтовских подводах беспрестанно ездят и для твоей приказной избы и караула и наших келей и пристава и сотника стоялых дворов и стрелецких стоялых изб и монастырского обихода берут всякия подводы»³⁷⁷. Монахи ферапонтовские ворчали: «шестой год их разоряют и им от того разорения придется из монастыря идти вон». Никон замечал эту несправедливость в излишнем обременении монастыря сравнительно с другими более богатыми монастырями и со своей стороны старался облегчить его положение. Так он дал монастырю вклад в 500 рублей на содержание живших у него старцев, отдавал в монастырскую трапезу запасы, остававшиеся у него за обиходом, как заявили потом сами монахи³⁷⁸, ссужал казначея деньгами в трудные времена³⁷⁹. В тоже время он хлопотал пред царем об освобождении монастыря от некоторых государственных повинностей, напр. от доставки 256 подвод для отправления казенного хлеба в Москву, от доставки работников на белозерский рыбный двор, жалуясь при этом на белозерских воевод. Наконец, Никон стал просто запрещать приставу

Шайсупову брать ферапонтовских людей и лошадей для отсылки отписок, приказывая требовать их с других монастырей. В 1675 году с Ферапонта монастыря стали требовать доимочных денег на жалованье ратным людям 283 рубля 23 алтына 2 деньги. Никон тотчас написал государю челобитную о нуждах и бедности монастыря и послал в уплату монастырского долга своих 200 рублей из царской жалованной милости. Но эти деньги тогда же были возвращены Никону обратно³⁸⁰.

Живя в Ферапонте монастыре, патриарх Никон со своими монахами и многочисленным штатом прислуги образовал в нем как бы свой особый монастырь, в котором был полновластным настоятелем. В последние годы его пребывания в Ферапонте у него было не меньше 10 человек братии, а число служек и работников увеличилось до 25–28 человек. Монахи исполняли у него разные должности: иеродиакон Мардарий был казначеем, иеромонах Варлаам – духовником³⁸¹, одни ежедневно отправляли для него богослужение в крестовой келье или Богоявленской церкви, других – он посыпал с разными поручениями. Монахов и служек своих патриарх держал строго и потаки им не давал. Иеромонаха Палладия, как уже выше было сказано, он велел прогнать из монастыря «дубьем» за переговоры и смуту. Строго преследовал он среди своих монахов всякую неисправность и особенно пьянство, неумолимым врагом которого он был и во времена своего патриаршества. В июне 1672 года келейный старец его Яким был послан им под село Бородаву на реку Шексну для наблюдения за работниками, которые ловили там рыбу, красную и белую, на его обиход. Старец Яким, как видно, не прочь был зашибиться хмельным, и эта слабость привела его к беде. Кирилловский служка Тихон Волков, остановившийся здесь проездом, оказался для слабого старца демоном-искусителем. Он «искусом запоил старца вином» до пьяна, а ловцам велел ловить рыбу на себя. Несколько времени пировал он здесь с захмелевшим старцем, при чем «двукратно» приказал про себя «столы готовить» из лучшей рыбы-стерлядей, лещей и язей, а уезжая взял с собою стерлядь в аршин, 8 стерлядей поменьше и 20 язей. Никон, узнав об этом нахальном поступке кирилловского служки, тотчас

приказывал кирилловским властям, чтобы они всю рыбу, взятую Волковым, прислали к нему живою, и дали на него «оборону», чтобы впредь старцам и служкам кирилловским было неповадно брать рыбу из его тоней, в случае же неисполнения своего требования грозил пожаловаться великому государю. Старец Яким также поплатился за свою слабость: строгий патриарх «велел учинить ему за его неистовство жестокое наказание»³⁸². В те суровые времена телесные наказания – смирение плетьями и батогами были самым обыкновенным средством в руках монастырских настоятелей, которые иначе не могли справляться с грубым и невоздержным нравом некоторых пасомых.

Много хлопот причинил Никону тот самый монах серебряк Иона, который вырезывал ему надписи на крестах и утвари. Искусный мастер своего дела, он был в тоже время горьким пьяницей и к тому же отличался сварливым неуживчивым нравом. Строгость патриарха не в силах была обуздать его несчастной привычки к пьянству и сплетням. Тайком от патриарха он часто ходил к приставу, который подпоив его вином, охотно выслушивал от пьяного монаха всякие сплетни о своем патриархе, который подчас был тяжел и для самого пристава. Однажды сильно угостившись у пристава, он вернулся к себе в пьяном виде, здесь нагрубил патриарху и учинил даже буйство, начав колотить окружающих³⁸³. Патриарх хотел за это сослать его на смирение в пекарню, но он совсем ушел из монастыря сначала к приставу, а потом в Москву. Желая отомстить строгому патриарху, Иона дорогою по разным городам и монастырям разглашал всюду о надписях, которые он вырезывал в Ферапонтове по приказанию Никона и одну из них даже захватил с собою. Утверждая, что Никон «самовольно затевает, будто он терпит в заточении за слово Божие», он в черных красках изображал жизнь опального патриарха в заточении. И какого только вздору не болтал мстительный монах о своем бывшем патриархе, благо находились охотники слушать его вздорную болтовню. На воображение суеверных раскольников особенно сильно действовал рассказ Ионы о том, как Никон беседовал с дьяволом на устроенном им каменном острове. Часто вечером по закате солнца, рассказывал Иона,

Никон выезжал на лодке к этому острову. Здесь волшебными заклинаниями он вызывал диавола, который выходил к нему в образе страшного змия. Никон обнимал змия и целовал, потом по обычай спрашивал и узнавал от него, что говорят в народе о нем, Никоне³⁸⁴. Клеветы Ионы, подхваченные врагами Никона, принесли потом большой вред опальному патриарху. Шушерин называет Иону «вторым Иудой» и сообщает, что он погиб ужасной смертью: в городе Переяславле он зашел на винокурню, и напившись здесь до-пьяна, упал в большой котел с кипящей водою и там сварился.

Рис. 25. Оплльный патриах Никон в Воскресенском монастыре. С картины академика Шварца в Третьяковской галлереи в Москве.

С увеличением свиты и штата прислуги прежние кельи Никона стали ему тесны и он еще с весны 1673 года начал хлопотать о постройке ему новых келий подле Богоявленской

церкви. Не один раз повторял он эту просьбу: в одной члобитной он указывал, между прочим, на неприятное соседство его теперешних келий с братской поварней: «а из той поварни зимою и летом всегда помои и всякое скаредие лют к той кельи, и от того зимою и летом великой смрад бывает»³⁸⁵. Наконец в апреле 1674 года Косьма Лопухин привез в Ферапонтов указ о постройке патриарху новых келлий на счет белозерских и вологодских монастырей. Велено было построить для Никона жилые кельи а также «служебную, поваренную и приспешнюю с сеньми на погребах и с сушилом в одной связи, да два хлебные амбара». Ферапонтовский игумен с братией, по желанию Никона, подрядились строить все эти здания, взяв с монастырей подрядной платы 672 рубля 26 алтын 4 деньги³⁸⁶. Бревна для постройки возили из Жалобинского лесу крестьяне Кириллова монастыря³⁸⁷. Плотники работали кирилловские под наблюдением нарядчиков и монастырских слуг и вологодские под наблюдением келаря Спасоприлуцкого монастыря. Патриарх, имевший страсть к постройкам и много на своем веку построивший, сам следил за работой. Заметив что-нибудь неладное, он тотчас же приказывал ломать и делать вновь сообразно своему требовательному вкусу. Эти переделки, конечно, задерживали ход работы и не нравились строившим. Все втайне жаловались и роптали, но никто не смел перечить строгому патриарху. Спасоприлуцкий келарь, живший тогда в Ферапонтове для наблюдения за рабочими, писал своему архимандриту, что он и его люди живут в кручине, а житию своему не ведают конца, что указу от патриарха не могут добиться (т. е. насчет того, как нужно строить), что прилуцким плотникам «отнюдь не управить по его мысле», что Кирилловских плотников забито человек с 60 и они все мученики – пятую неделю делают, а семи рядов не могут сделать: приезжал сам Кирилловский архимандрит Никита и бил челом – ино ничто неизмет»³⁸⁸. Никон жаловался потом государю, что кирилловские плотники не достроив ушли.

Постройка закончилась только к концу следующего года; в сентябре кельи вчерне были готовы – «и кельи ему, Никону монаху, и анбар у келей ево построили, как ему годно». Уже по

сумме денег, собранной с монастырь на постройку этих келий (672 рубля), весьма значительной по тогдашнему времени, когда московский рубль равнялся 17 нынешним рублям, можно судить о величине и просторе новых помещений ферапонтовского заточника. Это были большие хоромы с крыльцами и переходами, резко отличавшиеся от скромных построек монастыря. Внешний вид этих келий пристав Ододуров (в 1676 году) описывал следующим образом: «у Никона монаха построены кельи многие, житей с двадцать пять; а из тех келей поделаны сходы и всходы и окна большие в монастырь и за монастырь. Да у него же сделаны переходы по монастырской стене, через сушилные палаты, к церквам, что на святых воротех, на тридцети саженях; а по тем переходам поделаны окна большие же на монастырь и за монастырь»³⁸⁹. Особенno внушительный вид должна была иметь тридцати саженная галерея с окнами, соединявшая кельи Никона с Богоявленской церковью. Жилые кельи имели 13 окон больших и 10 волоковых.

Внутреннее устройство этих хором также стоило не малых хлопот Никону. В октябре 1675 года он призывал к себе настоятелей четырех окрестных монастырей для доподлинной сметы и досмотру келий, что еще нужно сделать для их окончательного устройства. По смете требовалось еще расходов на 73 р. 12 алт. 4 деньги³⁹⁰. По небрежности монастырей дело и тут замедлилось. Особенno долго почему то не делали в кельях печей. Между тем в старых кельях печи и трубы были разломаны еще весной, и Никон заявлял настоятелям, что он с братией «все на холода и помирают холодною смертью»³⁹¹. О постройке печей он не один раз писал и государю: «Господа ради вели печи сделать, а не велишь, братия разбредутся розно, и я останусь один. Ох, увы мне, что буду»!³⁹²

Таким образом, устройство обстановки и обеспечение своего содержания стоило опальному патриарху больших хлопот. Недостаточно было выхлопотать указ государя об удовлетворении той или другой нужды. И по получении указа часто приходилось бороться с упрямством, косностью, а подчас и недобросовестностью монахов, недовольных излишними расходами, с небрежностью и неумением лиц, исполнявших его

работы. Вообще можно сказать, что опальный патриарх сам завоевал свое обеспеченное положение, будучи обязан им, сколько благосклонности государя, столько же и самому себе, своему неугомонному нраву и неутомимой энергии, с какою он преследовал всякую небрежность и злоупотребление в отношении к себе. В этом отношении Никон заточник напоминает Никона – администратора по настойчивости в достижении целей и неутомимой защите того, что он считал своим законным правом. Эта борьба за свое положение, неизбежно переходившая иногда в мелочные споры и пререкания, вполне соответствовала практическому складу характера Никона. Но она, наконец, стала утомлять его. С летами развились в опальном патриархе старческая мнительность и недовольство окружающим. Старый патриарх испытал на своем веку слишком много тяжелых душевных волнений, которые, быть может, оказались бы даже не под силу иной менее могучей натуре. Беспощадная травля врагов, подстроивших разрыв его с царем, добившихся его низложения и не перестававших вредить ему даже в ссылке, естественно повлияла на его характер неблагоприятным образом, сделала его мнительным и усилила свойственную ему и прежде раздражительность. Столкновения с окружающими становятся чаще и принимают более резкий характер. Еще в первые годы своего заточения Никон, привыкший властвовать, не особенно чинился с своим приставом дворянином Наумовым и не стеснялся при случае честить его нелестными эпитетами – «вора, лихоимца и дневного разбойника». Новый пристав князь Шайсупов не стеснял свободы Никона, исключая первых месяцев по своему приезде, и потому патриарх долгое время не имел повода ссориться с ним. Князь, живший с женою в особом доме, выстроенном для него за монастырем, иногда приглашал к себе патриарха и однажды напр. зазвал его к себе, когда тот шел на озеро ловить рыбу. Но поводы к взаимному неудовольствию не замедлили явиться, так как Никон посыпал свои требования монастырям чрез пристава, и приставу первому приходилось выслушивать претензии и гневные жалобы требовательного патриарха.

В начале 1674 года бывший патриарх уже решительно поссорился с своим приставом, так что последний счел нужным донести об этом государю. Повод к ссоре, по словам пристава, был следующий. 16 апреля в великий четверг Никон пошел было к обедне в соборную монастырскую церковь Рождества Богородицы. По обычаю пошли провожать его стрельцы. Стрелецкий караул, как сами царские послы объяснили Никону, был дан ему «не для утесненья, а для береженья», а потому патриарх имел некоторое основание смотреть на него как на свой почетный караул. Сопровождая Никона как бы для почета, стрельцы обыкновенно ходили впереди патриарха, а не позади его³⁹³. На этот раз они почему-то (и, можно думать, не случайно), изменили своему обыкновению: только двое стрельцов пошли впереди патриарха, а другие шестеро с сотником пошли сзади. Патриарх тотчас же заметил изменение обычного порядка и заключил, что это сделано не спроста. В тогдашнее время всем мелочам этикета, которые теперь кажутся нам странными, придавалось большое значение. Нервный патриарх тотчас обиделся, совсем расстроился и «не дойдя до папертного рундука», вернулся к себе в келью, заявив, что он «за приставством в церковь идти не хочет». В случившейся неприятности он винил пристава, хотя его и не было на лицо во время этой сцены. Когда князь Шайсупов в день Пасхи пришел поздравить патриарха с праздником и похристосоваться с ним, то Никон его не принял и выслал к нему своего иеродьякона Мардария сказать, зачем он его, Никона, в великий четверг от причастья отлучил. Пристав объяснял Мардарию, что неприятность патриарху случилась без его ведома, что о выходе патриарха к обедне он не был извещен и находился в то время у обедни в Благовещенской церкви, где приобщался. Но патриарх не удовлетворился этими объяснениями «и с того времени, писал пристав, Никон, яко от огня с кручиной разгорелся и видеться со мною и христосоваться не похотел» и не пускал к себе две недели³⁹⁴. Все чаще и чаще повторяются недоразумения Никона с приставом, который со своей стороны жаловался на него государю, стал держать сторону кирилловских монахов в их пререканиях с Никоном, принимал у

себя и подпаивал Никонова монаха Иону, выслушивая у него разные сплетни о тяжелом и непокладистом патриархе. Никон сердился на пристава и иногда не видался с ним по целому году «за напрасным гневом и за ссорами», как доносил пристав государю, а сношения с ним вел через келейных своих людей и монастырских служек. Недовольный неприятностями своей службы в Ферапонтове пристав просил государя уволить его оттуда, потому что ему здесь «для береженья Никона быть не мочено». Никон с своей стороны тоже писал царю о перемене пристава: «умилосердись надо мною грешным и над приставом Самойлом, вели переменить его; он со всякия нужды помирает да и меня уморил, потому что никто ни в чем его не слушает»³⁹⁵.

Кроме недоразумений и столкновений, происходивших у старого патриарха с окружавшими его лицами, были и другие причины, поддерживавшие в нем тревожное настроение. До него время от времени доходили слухи о торжестве враждебной ему партии, его бывшие противники и недоброжелатели один за другим возводились на патриарший престол. Так после смерти патриарха Иоасафа на его место в июле 1672 года возведен был Питирим, один из деятельных виновников низложения Никона. Впрочем, он пробыл на кафедре менее года († 19 апр. 1673). После его смерти патриарший престол по невыясненным доселе причинам оставался не занятым более года. В конце июля 1674 года патриархом московским сделан был новгородский митрополит Иоаким. Старый патриарх имел причины встревожиться этим известием. Иоаким принадлежал к числу давних недоброжелателей патриарха Никона, хотя ему именно обязан был началом своей карьеры. Поставленный Никоном в строители Валдайского Иверского монастыря, он после удаления Никона с патриаршего престола, примкнул к партии его врагов, сделан был чудовским архимандритом и был деятельным пособником царя и бояр в деле низложения Никона³⁹⁶. От нового патриарха Никон не мог ожидать себе добра. Действительно, с вступлением Иоакима на патриарший престол началась перемена в отношениях правительства к ферапонтовскому заточнику, который в ответ на свои просьбы и жалобы не редко получает теперь выговоры. Так в январе 1675 года был послан в

Ферапонтов тот же Лопухин с выговорами Никону, зачем он держит у себя лишних людей в кельях и на службах, от того рождается молва и разные переговоры, и с упреками за излишнюю требовательность к кирилловским монахам, согласно их жалобам. Лопухину кроме того, поручено было „тайно осмотреть и на чертеж начертить“ строение, начатое Никоном³⁹⁷. Никону, конечно, было неприятно выслушивать выговоры и замечания, хотя царь со своей стороны смягчил их присылкою ему денежной милостыни, церковной утвари и поручением Лопухину составить новую роспись некоторых запасов и служебных людей, которых должны были доставлять патриарху окрестные монастыри.

Рис. 26. Кирилло-Белозерский монастырь (вид с Сиверского озера).

Уже в этих выговорах Никон мог чувствовать неблагоприятное влияние на свою судьбу враждебной ему партии во главе с новым патриархом. Но патриарх Иоаким тогда же прямо обнаружил свое неблагосклонное отношение к опальному патриарху. В это же время Лопухин привез от него наказ кирилловскому архимандриту Никите вызвать в Кириллов из Ферапонтова монастыря игумена, келаря, казначея, конюшего и нарочитых первых старцев человек с 10 и подвергнуть их строгому допросу, зачем они монаха Никона в разговорах и отписках называют святейшим патриархом. Архимандрит Никита, получив этот наказ, послал в Ферапонтов служку Андрея Гостинщика с отпискою к властям, в которой вызывал их к себе на допрос. Игумен ферапонтовский с казначеем и конюшим испугались и не зная, что делать, пришли с этой отпиской к Никону. Узнав в чем дело, опальный патриарх закипел негодованием; при заведомо милостивом отношении к себе государя, который приказывал послам величать Никона святым и великим отцем, он не мог объяснить приказа патриарха Иоакима

иначе как личной враждой к себе. Горькое чувство обиды с новой силой подступило к его наболевшему сердцу. В раздражении он послал сказать приставу, чтобы не пускал игумена с братией в Кириллов для допросу. Подозвав за тем под окно своей кельи Андрюшку Гостинщикова, расходившийся патриарх жестоко разбранил неповинного служку, грамоту Иоакима назвал «воровскою», потому что Ферапонтов монастырь приказано ведать в приказе великого государя тайных дел, а не патриарху, а самого Иоакима называл «патриаршишком и своим чернецом и чернонедужным». В заключение разгневанный Никон приказал стрельцам, стоявшим у окна с дубинами, бить Андрюшку. Тот хотел было записать в свидетели бывших тут лиц, но стрельцы отбили его от келий Никона. Вся эта сцена разыгралась в присутствии толпы больных (не менее 40 человек), собравшихся к Никону из разных волостей для лечения.

Но ферапонтовские монахи все таки, хотя и не в тот же день, явились в Кириллов, были подвергнуты здесь допросу порознь и «со всяkim пристрастием» и наконец выслушали строгий указ Иоакима, запрещавший впредь называть Никона патриархом³⁹⁸. Ответы допрошенных лиц за их подписью были отправлены в Москву к патриарху, причем кирилловские власти донесли Иоакиму и о том, что монах Никон говорил про него «неистовыя слова» и даже прислали к нему упомянутого служку Гостинщикова³⁹⁹. Патриарх Иоаким сам по себе, конечно, не простил бы опальному патриарху его раздражительной выходки. Но Алексей Михайлович заступился за своего бывшего друга, и дело, грозившее неприятными последствиями для Никона, было замято. Царь Алексей Михайлович до конца своей жизни был добрым покровителем старого патриарха, сдерживавшим намерения его врагов, которым хотелось построже расправиться с Никоном. Напротив, он старается успокоить расстроенного патриарха и устраниТЬ в окружающей его обстановке поводы к его волнениям и раздражительности. В марте того же 1675 года была послана в Ферапонтов особая комиссия, состоявшая из думного дьяка и трех подьячих, для собрания новых справок по вопросу о содержании опального патриарха. Предполагалось перевести его содержание на деньги и нужное количество денег

разложить на окрестные монастыри соответственно числу крестьянских дворов каждого. Эта мера одинаково была желательна как для Никона, так и для монахов и, если бы она была применена с самого начала, то это устранило бы повод к взаимным пререканиям. Но еще прошел почти целый год, пока в Москве разрабатывали и рассматривали новую смету на содержание патриарха. За это время пререкания между Никоном и Кирилловым монастырем не только не прекратились, но даже усилились. После того, как Иоаким сделался патриархом, кирилловские монахи, по-видимому, стали более смелы в борьбе с Никоном и не стеснялись при случае отвечать на его требования дерзостями. Так в ответ на требования Никона относительно начатой им постройки дворецкий Кириллова монастыря отпустил такую фразу: „что он с Кирилловым монастырем заедается? Кому он хоромы строит? чертям что-ли в них жить? Впечатлительный Никон был глубоко оскорблен этой грубостью и пожаловался на нее государю. «Не вели, государь, Кирилловскому архимандриту с братьею в мою кельишку чертей напускать! Того же вечера (когда дворецкий сказал неосторожное слово) птица, неведомо откуда взявшись, яко вран черна пролетела сквозь кельи во все двери и исчезла, неведомо куда, и в ту ночь демоны не дали мне уснуть, одеялишко с меня дважды сволочили долой и беды всякие неподобные многие творили»⁴⁰⁰. До Никона доходили иногда насмешки и пересуды о нем кириловских монахов. «Купает ваш батька нас», говорили кирилловские монахи ферапонтовским. «Я благодатию Божиего не человекоядец», пишет обиженный Никон царю. В другой раз он жалуется царю на насмешки кирилловских монахов, будто он у них в монастыре всех коров приел⁴⁰¹. При своей старческой мнительности, Никон, наконец, не мог равнодушно видеть опротивевших ему кирилловских монахов и служек: они стали казаться ему бесовским наваждением. «По многие дни, пишет он царю, великия беды бесы мне творили, являясь овогда служками кирилловскими, овогда старцами, грозяся всякими злобами и в окна теперь пакостят, овогда зверьми страшными являются грозяся, овогда птицами нечистыми».

В последний год своего пребывания в Ферапонтове Никон усиленно жалуется государю на неисправность Кириллова монастыря в доставке ему припасов. «Кириллов монастырь, богат, пишет он царю в апреле 1675 года, а столовых запасов не посыпает, грибов и прислали, только таких сквердных и с мухоморами, что и свиньи их не станут есть, вместо осетров прислали чалбыши и то сухой, только голова да хвост, хмель с листом, что и в квас класть не годится»⁴⁰². Отделивши небольшую часть присланных запасов, Никон тут же их запечатал и отправил в Москву с черным дьяконом Мардарием для подлинного свидетельства. В июне он снова пишет челобитную государю, что ему из Кириллова десятый месяц столовых запасов не присыпают: «помилуй меня богомольца своего не вели, государь, меня гладною смертью уморить, вели, государь, свой милостивый указ учинить, чем мне бедному безмятежно питатися; десятый месяц гладною смертию помираем: купить ненашто, а взять негде, и чтоб мне богомольцу твоему для ради моей бедности к Господу Богу моления на тя не сотворить»⁴⁰³.

Кирилловские власти старались оправдаться перед государем, обвиняя Никона в чрезмерной требовательности. Никон опровергает челобитные Кирилловских властей, заявляя, что за не присылкою припасов ему приходится покупать их на государево жалованье. «Быют тебе челом Кириллова монастыря старцы, будто посыпают они на Украину покупать для меня вишни и то тебе буди ведомо, что ни единна мне от них по се число не бывала вишня... Они быют тебе челом, что от меня Кириллов монастырь разоряется, но мне разорять его нечем: я мало могу и ходить от старости»⁴⁰⁴. В декабре Никон снова доносил государю об упорстве Кирилловских властей, которые будто бы заявили его старцам, что «без братского приговора они не смеют давать ему, Никону, никаких запасов, а братия давать не велят». Среди Кирилловских монахов Никон указывал на двух зачинщиков: Корнилия Затворникова и Иосифа Собакина: «они то и бунтуют»⁴⁰⁵.

Рис. 27. Кузнечная башня южная часть стены Кирилло-Белозерского монастыря.

Государь по-прежнему снисходительно относился ко всем жалобам престарелого патриарха, стараясь успокоить его болезненную раздражительность. Между тем смета на содержание Никона была рассмотрена и утверждена правительством. 26 января 1676 года государь послал к Никону Косьму Лопухина с милостивым указом, которым повелевалось брать на его содержание вместо столовых запасов, – сена и дров, деньгами ежегодно 839 рублей с девяти монастырей⁴⁰⁶. Государь велел при этом сказать, что если положенных денег окажется мало, то он будет присыпать по 100 рублей, из своей казны, только-б у него с монастырей запросов больше того не было. Лопухин поднес Никону милостыню и подарки от царя и царского семейства. Царь послал 100 рублей денег, царица – мех соболий и мех беличий хребтовый, 10 полотен, 15 полотенец, царевичи – 100 рублей денег. Послано было также рыбы, икры и разных сластей.

Никон мог теперь спокойно жить в Ферапонтове, обнадеженный милостью к нему царя, при полном и даже роскошном материальном обеспечении. Но вслед за минутной радостью беспощадная судьба готовила опальному патриарху новый жестокий удар.

§VI

„На блаженного Никона паки диавол бурю возставляет через свое орудие – злых человек“.

Шушерин.

Старый патриарх находился под радостным впечатлением от только что объявленной ему царской милости. Но не успел еще уехать из Ферапонтова царский посол Косьма Лопухин, как туда прибыл другой посол из Москвы – брат Косьмы Феодор Абрамович Лопухин⁴⁰⁷. Печальную новость сообщил патриарху этот вестник: «благочестивейший царь Алексей Михайлович преставися от сего света к вечному блаженству» († 29 января 1676 года)⁴⁰⁸. Заплакал старый патриарх при неожиданном известии о смерти царя, много чувств и воспоминаний пробудило оно в его душе; но вскоре он поборол смущение и, глубоко вздохнув, сказал: «да будет воля Господня! хотя царь здесь (на земле) не получил прощения с нами, но мы будем судиться с ним в страшное пришествие Господне». Посол, согласно данному поручению, стал просить Никона дать письменное разрешение почившему государю. Но Никон, отожествлявший свое дело с интересами церкви, не мог простить своего унижения, которое, действительно, причинило большой вред русской церкви. Своим отказом дать прощение покойному государю Никон, очевидно, рисковал навлечь на себя новые беды, но он и тут не хотел поступиться своими убеждениями. «Подражая учителю своему Христу, твердо отвечал Никон на просьбы посла, по сказанному в св. Евангелии: оставляйте и оставится вам, и я говорю: Бог его простит, а на письме прощения не учиню, так как он при жизни своей не освободил нас из заточения». Молиться о душе покойного государя Никон, конечно, не отказался и милостыню на помин его души (100 рублей денег и мех песцовый черный) от посла принял⁴⁰⁹.

Царь Алексей Михайлович, в глубине души сознававший себя отчасти виновным в падении Никона, до конца своей жизни покровительствовал опальному патриарху и не любил даже, когда в его присутствии вспоминали о проступках, за которые

Никон подвергся соборному низложению⁴¹⁰. Со смертью его обстоятельства для Никона изменились к худшему. На престол вступил двадцатилетний сын царя Алексея – Федор Алексеевич, от природы слабый и болезненный. При нем тотчас забрали силу его родственники по матери Милославские и с ними боярин Хитрово – злейшие враги Никона. Нарышкины и боярин Матвеев, давний друг Никона, были удалены от двора и отправлены в ссылку. Смерть царя Алексея Михайловича развязала руки и патриарху Иоакиму, давно ожидавшему случая расправиться с нелюбимыми им духовными особами, которым покровительствовал покойный царь. Прежде всего пострадал царский духовник протопоп Андрей Савинов, который принадлежал к сторонникам опального Никона и служил посредником при передаче царю его писем и челобитных, привозимых из Ферапонтова дьяконом Мардарием. С патриархом Иоакимом он находился в неприязненных отношениях. Иоаким еще при жизни царя хотел погубить ненавистного протопопа, обвиняя его в безнравственной жизни и неуважении к нему, патриарху, но не имел успеха. На похоронах царя между ними произошло новое столкновение, но защищать духовника теперь было некому. 14 марта 1676 года патриарх созвал собор и осудил протопопа за разные вины к лишению сана и ссылке в Кожеезерский монастырь.

Любопытно, что Иоаким, между прочим, обвинял духовника в том, что он «вражду положил между ним, патриархом, и царем и привел царя на то, что не хотел ходить в соборную церковь и к нашему благословению»⁴¹¹. Это заявление Иоакима имеет значение для характеристики отношений его к опальному патриарху Никону. Замечая в царе явное нерасположение к себе на ряду с милостивым отношением к прежнему «собинному» другу – опальному Никону, Иоаким, ревниво оберегавший свою власть, естественно должен был встревожиться и смотреть на Никона, как на соперника, который при случае может быть опасным. Ему памятно было, как упрямый Никон отнесся к его запрещению называться патриархом и уже за одно это он не мог оставить его в покое.

И действительно, в то время как восторжествовавшая придворная партия по своему разделялась с нелюбыми ей лицами, скоро дошла очередь и до старого патриарха, жившего в своем заточении. Прежде всего нашли нужным сменить прежнего пристава Шайсупова. 29 марта 1676 года на его место был послан новый пристав Иван Иванов Ододуров, которому дан был наказ строже наблюдать за Никоном. Ододуров сразу же стеснил свободу Никона, запретил ему и его монахам свободный выход из келлий, поставив кругом караул из стрельцов. В донесении своем в Москву (18 апреля) он описывал внешний вид келлий Никона, совсем не похожих на кельи ссыльного монаха, и говорил, что «стрельцов с ним послано мало и в таком великом месте караулов теми стрельцы обнять невозможно». Посторонним лицам был снова запрещен доступ к Никону, и он должен был теперь прекратить свои занятия лечением больных. Словом, для Никона, как бы вернулись первые годы сурового заточения⁴¹².

Рис. 28. Вид галереи во втором ярусе крепостной стены Кирилло-Белозерского монастыря.

Но его ожидали еще новые неприятности. Еще до приезда Ододурова, возмущенный грязными сплетнями по поводу своей благотворительности, он подал Шайсупову челобитную на распространявшего эти сплетни служку Игнатья Башковского и заявляя, что знает за ним слово и дело государево, требовал,

чтобы взяли Игнатия на допрос в Москву вместе с его дворовой женщины Киликейкой. В своей чelобитной Никон по обыкновению подписался патриархом. 13 апреля эта чelобитная была доложена молодому государю с его советниками боярами, а потом сообщена Иоакиму, которому было особенно неприятно, что Никон не смотря на его запрещение, по прежнему продолжает писаться патриархом. Требуя вызова Башковского в Москву, Никон надеялся, что нелепость его сплетен обнаружится на допросе. Но он весьма ошибался в этом случае и поступил довольно опрометчиво. Дело попало в руки его недоброжелателей, которым не было расчета заботиться о его добром имени. Напротив, они рады были слушать всякие сплетни о Никоне и старались не подавить, а еще более раздуть их. Башковский на допросе рассказывал, будто один крестьянин умер от лекарства Никона (добавив потом, что от его лекарства «помирали многие, а никого не объявилось, чтобы излечились») доносил также, что Никон стреляет из пищали и из кельи застрелил птицу баклана, что к нему приезжали в гости родственники из Курмыша⁴¹³.

Все эти показания давали врагам Никона повод возбудить дело о его жизни в заточении. Осудить его им теперь было не трудно, стоило только побольше собрать всяких слухов и сплетен о жизни Никона в Ферапонтове. За этим дело не стало: Никон и в заточении за свой строгий и тяжелый характер приобрел себе недоброжелателей, которые при возникшей надобности могли доставить целый ворох всяких былей и небылиц о жизни опального патриарха в Ферапонтове. Притянули к допросу бывшего тогда в Москве пристава Шайсупова: «зачем он ево, Никона монаха, попустил такия вольности чинить», о которых рассказывал Игнатий. Шайсупов дал письменное показание за своею подписью. Мы уже видели, что отношения между ним и опальным патриархом стали под конец далеко не дружелюбными. Вызванный к допросу хитрый князек татарского рода смекнул, куда дует ветер, и в своих показаниях черными красками изобразил жизнь Никона в заточении. Он объяснил, что Никон его ни в чем не слушал и никому слушать его, князь Самойла, не велел, приказывал

называть себя патриархом, ставил кресты с надписями о своем заточении. Ссылаясь на слова сотника Андрея Есипова, бывший пристав рассказывал, что Никон, действительно, стрелял в птицу баклана из своей кельи «и тое птицу обранил и велел у нее крылье и голову и ноги обсечь за то что она поедала у него рыбу», что осердясь приказывал бить провинившихся людей палками и плетьями. Шайсупов рассказывал также о лечении Никоном больных, о раздаче бедным милостыни, но при этом не удержался от гнусных клевет на престарелого патриарха, обвиняя его на основании слышанных сплетен в нетрезвой и нечистой жизни⁴¹⁴.

Между тем и в Ферапонтове стало всем ясно, что отношение правительства к Никону круто изменилось и что на Москве теперь охотно поверят всем обвинениям на Никона. Люди, желавшие отомстить Никону, не замедлили воспользоваться благоприятным случаем. Ферапонтовский служка Ивашко Кривозуб, незадолго перед тем жестоко наказанный «за воровство» по приказу Никона и общему приговору монастырских властей, явился теперь в Москву с изветом на Никона. Он доносил, что Никон однажды в монастырский праздник Рождества Богородицы не принял к себе в келью иконы, где на полях были написаны пр. Ферапонт и Мартиниан, говоря, «что за мужики написаны» и приказывая их сскресть»; что по смерти государя он напивался пьян и приказывал бить служек и крестьян, причем сильно пострадал и сам изветчик, будто бы избитый стрельцами и келейниками замертво; что в Пасху и другие праздники игумен со всеми монахами и служками приходят к нему на поклон и он дает им целовать руку; что, распоряжаясь всем самовластно, он учинил у себя приказ и губу; что, наконец, от его лекарства умерла крестьянская девица.

В это же время известный уже нам Иона Серебряк, неоднократно подвергавшийся от Никона «смирению» за пьянство, объявил за собою дело государево и был отправлен приставом в Москву. На допросе он обвинил бывшего патриарха в том, что тот живет не по-монашески, в церковь ходит мало, за государя и патриарха Бога не молит и своим священникам не велит, а себя велит поминать патриархом московским,

«государево жалованье, присланное к нему, ни во что ставит и ногами топчет и всякими неистовыми словами великого государя злословит, о чем и помыслить страшно». Последнее обвинение было явным преувеличением: известно, что Никон только в начале заточения резко обнаруживал свое недовольство царем Алексеем Михайловичем, потом же отчасти примирился с ним и стал принимать его присылки.

Но всего этого показалось мало. Из приказа тайных дел извлечено было прежнее, казалось бы, уже оконченное дело по обвинению Никона в сношениях с казаками и Стенькою Разиным. Врагам Никона было понятно, что политическое обвинение, хотя бы и не доказанное, скорее всего может отягчить судьбу Никона.

Таким образом материал для обвинения Никона был набран в достаточном количестве. Правда материал этот был ненадежный и непроверенный, но об этом немного заботились. Патриарх Иоаким приказал на основании собранных обвинений составить доклад по делу о Никоне и представил его на собор, состоявшийся в Духов день 14 мая 1676 года в присутствии царя и бояр⁴¹⁵. На соборе этом без суда и следствия порешили перевести Никона из Ферапонтова монастыря в Кириллов и держать его там под строгим надзором «для того что он жил в Ферапонтове монастыре своевольно в небрежении о душе своей». Для исполнения этого приговора решено было послать в Ферапонтов чудовского архимандрита Павла и думного дворянина Ивана Желябужского с дьяком Семеном Румянцевым. Им дан был подробный наказ, точно определявший, что они должны были говорить Никону и как поступить с ним и его имуществом. В наказе все до мелочей предусмотрено было заранее даже то напр., в каких кельях поместить Никона в Кириллове монастыре. Следователям велено было допросить Никона по всем пунктам взведенных на него обвинений, но этот допрос должен был остаться пустой формальностью, потому что судьба опального патриарха была уже заранее предрешена в наказе. В случае, если Никон обнаружит упорство и неповинование присланным следователям, наказ предписывал им сначала увещевать его, а если не послушает, взять из кельи силой «как можно»⁴¹⁶. Одновременно патриарх Иоаким послал

указы властям Кириллова и Ферапонтова монастыря о переводе Никона в Кириллов⁴¹⁷.

Следователи прибыли в Ферапонтов 5 июня утром. С ними приехали из Кириллова архимандрит Никита и келарь Гедеон. В монастыре еще не кончилась обедня. Прибывшие тотчас послали к Никону пристава и сотника с приказом явиться в соборную церковь для выслушания указа от царя и патриарха. Напрасно опасались упорства со стороны Никона: он беспрекословно выслушал приказ и только спросил, когда именно нужно идти. По окончании обедни архимандрит Павел послал за Никоном кирилловского архимандрита с келарем, ферапонтовского игумена и сотника. Никон тотчас же отправился с ними в соборную церковь. Он без сомнения предвидел, какого рода указ ему придется выслушать в церкви, догадывался также, чьими клеветами воспользовались его враги. Отправляясь в церковь, он захватил с собою сыскное дело про Ивашку Кривозуба – одного из наиболее злобных своих клеветников.

Когда он пришел в церковь, следователи объявили ему, с какою целью они посланы в Ферапонтов монастырь. «Не убоуся от тем людей, окрест нападающих на мя, отвечал им Никон, аще что и смертное пострадати готов есмъ». Желябужский грубо прикрикнул на опального патриарха, но последний не захотел с ним говорить, а заявил архимандриту Павлу: «хотя и ты (будучи архимандритом) послан к нам (патриарху) вопреки св. канонам, но все таки лучше ты говори с нами, а этому прикажи замолчать»⁴¹⁸. Дьяк Румянцев начал читать наказ и обвинительный акт, состоявший из многих пунктов. Во все это время Никон держал себя спокойно и с достоинством, что было засвидетельствовано архимандритом Павлом в донесении патриарху Иоакиму: «Никон монах указ слушал со смирением, безо всякого прекословия». По выслушании указа он также спокойно и твердо давал ответы и объяснения на предложенные ему обвинительные пункты. Его ответы тут же записывались дьяком и известны нам из донесения архимандрита Павла⁴¹⁹. «Хотя в письменной передаче, эти ответы, замечает по поводу их проф. П. Ф. Николаевский, и должны были утратить несколько из своих первобытных черт, но они не утратили своей

внутренней силы, поразительной простоты и убедительности, которыми отличались все речи, письма и сочинения патриарха Никона. В этих ответах мы видим того же великого Никона, хотя и много испытавшего в жизни, исстрадавшегося в заключении, но не утратившего своей энергии. В своих ответах он победоносно опроверг все злобно направленные против него клеветы и обвинения»⁴²⁰.

На старое обвинение в мятежных замыслах и сношениях с Разиным, обвинение, еще при покойном государе, так сказать, сданное в архив и теперь вновь выдвинутое врагами, он отвечал решительным заявлением, что казаки приходили к нему с ведома пристава Наумова, а с Разиным он никаких сношений не имел. Вселенских патриархов он не бранивал и в Царьград денег и писем не посыпал. О лечении своем он снова подтвердил, что начал лечить вследствие бывшего ему видения, что он помазывал болящих маслом и читал над ними молитвы, и «от тово ево лекарства милость Божия и исцеление многим людям бывало. А про то он не слыхал, чтобы от ево лекарства которые люди помирали». Девка из вотчины Кириллова монастыря, о которой говорил изветчик Ивашко, умерла от своей болезни, а не от его лекарства: он ей никаких лекарств не давал, а только читал молитвы, так как она была одержима нечистым духом. Изветчик Ивашко и сам обращался к нему за помощью, «сказывал на себе болезнь, что приходят к нему беси», он помазывал его маслом, и Ивашко сам же говорил, что после помазыванья болезнь миновала»⁴²¹.

Ивашко извещал также на Никона, что крестьянин Фома умер от его побоев, а конюшенный старец Лаврентий был запоен им вином до смерти. Никон в ответ на это сказал, что Фому он не бивал, умер он своей смертью: «остались после него жена и дети, и они ведают, как он умер». Старец Лаврентий «умер не от ево питья, а был пьяница ведомой». Сам изветчик Ивашко был бит за воровство по общему приговору игумена и священников. Никон тут же подал архимандриту Павлу сыскное дело про Ивашку, сказав: «все Ивашкино воровство в этом деле объявится».

Никон опроверг также все клеветы и сплетни, сочиненные его врагами по поводу его широкой благотворительности и лечения больных. В числе больных и бедных, постоянно обращавшихся к Никону за лекарством и милостыней, было много женщин, и этого было достаточно врагам Никона, чтобы пустить нелепую чудовищную сплетню о нечистой жизни его, семидесятилетнего старца, с ранних лет известного своею строгою подвижническою жизнью. Враги совсем хотели втоптать в грязь того самого Никона, который с такой ревностью, казавшейся многим неумеренной, стремился исправить грубые и распущенныя нравы своих пасомых. В ответ на низкую клевету, позорившую его честь и доброе имя, Никон заявил, что эти обвинения прямая ложь, что женщины для лечения и для милостыни всегда приходили к нему или с мужьями или с другими женщинами и детьми, а наедине он никогда их не принимал; даже милостыню нищим женщинам он давал в присутствии стрельцов. Никаких пирам и угощений он у себя не устраивал, а кормил иногда бедный люд в праздники за работы их. В гости из монастыря никуда не ездил, как его в этом обвиняли, а князь Шайсупов, у которого он раз был, сам же зазвал его к себе, когда он шел рыбу ловить, и он к нему не надолго зашел, а ничего у него не пил. «Угодников Божиих он мужиками не называл, а который образ он не принял и он говорил, для чего Ферапонта и Мартиниана пишут на иконах, а они де не свидетельствованы»⁴²².

Никону было поставлено в вину и то, зачем у него такие большие кельи с переходами, и ему пришлось в свое оправдание сослаться на указ покойного государя о постройке этих келий. Государя он ничем не злословил и поносных слов никаких не говорил, а всякую присылку от него принимал с благодарением. За великого государя и за вселенских патриархов в церкви и в келейном правиле он повсечастно Бога молит, а за Иоакима патриарха он Бога не молит. Открыто заявляя об этом, Никон сослался даже на архиепископа вологодского Симона, который «писал в Кириллов монастырь и велел Бога молить за себя, а не за патриарха, потому что от него Иоакима всякое зло учинилось, и ныне ево губит».

На запрос, почему он в отписках и челобитных писался патриархом, Никон объяснил, что запрещения ему от покойного государя в том не бывало, сами царские послы называли его «великим святым отцом» и говорили (он не помнит точно, кто из них), что государь не запрещает его называть патриархом. Надписи на крестах и сосудах он приказывал делать потому, что «было ему от пристава Наумова утеснение великое».

Но все эти объяснения Никона, данные им со свойственной ему прямотой и твердостью, не могли изменить заранее назначенной ему участи. Все равно ему пришлось выслушать уже стоявший в наказе строгий приговор: «и по тем твоим вымыщленным и непристойным и не во славу Московскому государству мятежным делам в Ферапонтове жить тебе по своей воле неудобно. А указали великий государь и святейший патриарх и весь освященный собор жить тебе в Кириллове монастыре в келье по иноческому чину, и о тех своих злых делах прити в совершенное покаяние»⁴²³.

В заключение присланные судьи увещевали Никона «всякими мерами» чтобы он покорился патриарху Иоакиму – «за него Бога молил и никаких непристойных слов не испущал». Но Никон оставался непреклонен. «За великого государя и вселенских патриархов я стану Бога молить, а за Иоакима Бога молить и патриархом его называть не стану», говорил он, выходя из соборной церкви. Ему уже не позволили вернуться в свои кельи, а прямо из церкви повезли в Кириллов в сопровождении стражи⁴²⁴. Живших у него монахов в наказе также велено было взять в Кириллов и вести туда порознь. Таким образом, беспощадная судьба в конце-концов привела Никона в тот самый монастырь, с монахами которого он еще так недавно вел ожесточенную борьбу. Недоброжелательство Кирилловских монахов к Никону хорошо было известно и в Москве, так что даже Иоаким счел нужным упомянуть в своем указе Кирилловским властям, чтобы они «злобы своей к Никону за его прежние к ним досады не мстили некоторыми дельы»⁴²⁵.

Рис. 29. Вид на Кирилло-Белозерский монастырь с «Вологодской башни». (Слева «Ивановский или Малый» монастырь, справа «Большой» монастырь, посредине между ними больничная церковь св. Евфимия, подле которой находились кельи Никона).

Перемена обстановки сильно подействовала на престарелого патриарха. Увидев себя в тесных угарных кельях, окруженный чужими ему кирилловскими монахами и служками, Никон с ужасом почувствовал себя как бы заживо похороненным в крепких стенах Кириллова монастыря – и упал духом. В глубоком унынии он послал за своими судьями, которые собирались ехать обратно в Ферапонтов для исполнения дальнейших статей наказа. Те, пользуясь его настроением, снова стали убеждать его покориться Иоакиму и признать его патриархом. Сломленный в неравной борьбе старый и больной патриарх наконец уступил. «И монах Никон, доносил потом архимандрит Павел, по многим разговорам от злой своей мысли уклонился и говорил, чтобы де святейший патриарх к нему был милостив, и не велел бы ево здесь напрасною смертью от тесноты уморить; а он де за него Бога молит и патриархом именовать учнет»⁴²⁶. Чтобы смягчить гнев Иоакима, Никон напомнил теперь о том, что по оставлении им патриаршества, он указывал государю на Иоакима как на своего преемника, говоря, что ему можно быть в патриархах «за смирение».

Особенно тяжело было Никону расстаться с двумя своими келейными старцами – иеромонахом Варлаамом и иеродьяконом Мардарием, которых, как он узнал, велено было сослать в Крестный монастырь. Со слезами просил старый патриарх, чтобы оставили при нем этих двух преданных ему лиц, потому что «они к нему прибытчились, а он к ним», но его просьба не была исполнена.

Оставив Никона в Кириллове, архимандрит Павел с другими следователями поехали опять в Ферапонтов монастырь. В наказе предписано было взять туда с собою и келейных старцев Никона. Кельи Никона подвергнуты были тщательному обыску, все имущество и утварь в них были переписаны. Наказ предписывал «прелестные ево Никоновы лекарства все, что ни есть, коренья и травы и водки и мази всенародно сжечь на огне, чтоб от нево и ничего не осталось». Архимандрит Павел доносил, что учинил с ними по наказу. С крестами, на которых была известная надпись, велено было из опасения соблазна поступить с осторожностью. Архимандрит с властями Ферапонтова монастыря, с священниками и диаконами должны были снять кресты со всех мест, где они обявляются, честно внести в монастырь и «с искусством» срезав надписи, положить кресты «в сокровенное место, где никому бы было входно». Их положили «под церковь в непроходное место».

Келейных старцев Никона, согласно наказу, допрашивали, с великим пристрастием», не спрятано ли у него каких-либо писем в земле или в другом тайном месте, и не отсыпал ли он кому-либо писем. Иеромонах Варлаам и старец Кузьма показали, что никаких писем Никон не отсыпал и не спрятывал, что больные к Никону приезжали для лечения, но «никаких зазорных лиц для напивков, у него в кельях не бывало». Мардай сказал, что он не раз ездил в Москву по поручению Никона, возил туда отписки и челобитные и подавал царскому духовнику и дьяку приказа тайных дел Полянскому, а они передавали их государю. При этом Никон посыпал с ним духовнику подарки – «всякие посудцы деревянные, братины и стаканы и ложки и рыбу», а Полянскому – одну рыбу. Но никаких писем из Москвы он Никону не привозил. Относительно лечения Никоном больных Мардай

заявил, что по приказу Никона он приводил к нему в крестовую келью приезжавших больных, приносил туда кадило и свечи и много раз видел, как Никон говорил над болящими молитвы по потребнику, а дурна никакова и безчиния он не видал»⁴²⁷. Варлаам и Мардарий были затем отправлены в Крестный монастырь, где приказано было держать их под крепким началом; старец Козьма за болезнью оставлен был в Ферапонтове, где скоро и умер.

Согласно данному наказу следователи составили подробную опись всего имущества, оставшегося после Никона в Ферапонтове. Были переписаны хлеб в житницах, запасы в погребах и сушилах, овощи в огородах, лодки и сети, рыба в садках, дрова и бревна, и пр. Все это было сдано под росписку игумену Афанасию с братией. Ему же сданы были под росписку облачения и утварь Богоявленской церкви. Келейная утварь Никона: образа, книги, келейная казна, разного рода посуда, обувь, одежда, всевозможная рухлясть, разные запасы, большое количество разного рода пива, медов и вин – все это до последней мелочи было внесено в опись, свезено в Кириллов и сдано казначею под росписку⁴²⁸. Туда же отправлены были лошади, коровы, куры и пр., купленные Никоном на свой счет. Опустевшие кельи Никона были заперты и окна в них запечатаны. Ключи от келий, погребов, амбаров и житниц были отданы игумену Афанасию. Ферапонтов монастырь, которому присутствие знаменитого заточника придавало особое оживление, снова замер и погрузился в однообразную будничную тишину.

Ферапонтовские монахи сряду же после переведения Никона из их монастыря в Кириллов стали думать о том, нельзя ли воспользоваться для нужд монастыря имуществом патриарха, которое только что было осмотрено и переписано архимандритом Павлом с его помощниками. Они послали к патриарху Иоакиму челобитную, в которой указывали на многие расходы и тягости, понесенные монастырем за все время пребывания в нем Никона, жаловались даже на то, будто Никон не додал им 631 рубль 7 алтын из подрядной суммы на постройку келий, обещаясь на те деньги купить в монастыре

колокол, а также белого железа и олова на починку церковных глав – покупок не купил и денег не отдал⁴²⁹. В восполнение всех этих расходов монахи просили выдать из денег Никона 631 рубль 7 алтын, а также обратить в их пользу хлеб Никона как посейный в полях, так и запечатанный в житницах⁴³⁰.

В августе для поправления расстроенного хозяйства монастыря по указу патриарха и вологодского архиепископа был послан в монастырь кирилловский строитель Исаия, который в донесении патриарху описывал плачевное состояние монастыря и тоже хлопотал об отдаче монастырю 480 четвертей хлеба, оставшегося после Никона⁴³¹. Но Иоаким был не особенно податлив на эти просьбы монахов. Он разрешил им воспользоваться только тем хлебом Никона, который посейн в поле, и овощами в его огородах. При том часть этих овощей, а также рыбу из его садков он велел отсыпать в Кириллов на нужды Никона. О хлебе, запечатанном в амбараах, он обещал дать указ потом⁴³².

В октябре игумен с братией прислали патриарху отписку и новую челобитную. В них они доносили, что рыба в садках Никона «вся поснула», что часть овощей из его огородов они послали ему в Кириллов, а посейный им хлеб сжали и измолотили, получив в умолоте 7 четв. с осьминой ржи и 8 чт. пшеницы. Жалуясь на скучность монастыря, они обращались к Иоакиму с новой просьбой. «Призри, государь, на дом Пр. Богородицы на пустое и разоренное место! Вели, государь, церковную утварь, что описана в церкви святых Богоявлений, после Никона монаха отдать нам, богомольцам твоим, в Ферапонтов монастырь». Кроме того они снова просили отдать им хлебные запасы Никона и дозволить разобрать кельи Никона на монастырское строение на братские кельи⁴³³. Мы так и не знаем, имели-ли, наконец, успех просьбы ферапонтовских монахов о хлебе Никона и его кельях, но утварью Богоявленской церкви им не удалось воспользоваться: в 1683 году уже по смерти Никона, она была перевезена в Воскресенский монастырь по указу царей Иоанна и Петра Алексеевичей⁴³⁴.

В то время как ферапонтовские монахи хлопотали об имуществе Никона, сам владелец его жил в Кириллове в строгом

заключении. Кириллов монастырь издавна служил местом ссылки для провинившихся перед правительством лиц. Успешно выдержав осаду со стороны литовских шаек, Кириллов монастырь получил в глазах московского правительства значение важного стратегического пункта на севере Руси. В царствование Алексея Михайловича правительство решило обнести Кириллов новой большой каменной стеной по образцу Сергиева монастыря⁴³⁵. В 1661 г. царь пожаловал из казны 45000 рублей на тогдашние деньги на производство работ⁴³⁶, а в 1667 году прислал указ спешить городовым делом⁴³⁷. Таким образом ко времени перевода Никона в Кириллов монастырь постройка его стен была уже закончена, и Кириллова обитель стояла в полном величии своих грозных твердынь, на которые и теперь не без удивления смотрит заезжий путник. Колossalная стена тянется вокруг монастыря на расстоянии 1½, верст и имеет три этажа. В нижнем этаже множество келий, предназначавшихся, вероятно, для ратников, второй и третий ярусы представляют из себя длинные галереи с бойницами для пушек и пищалей. Галереи эти так широки, что по ним свободно можно было бы прокатиться на тройке лошадей. Помещаемый здесь вид одной из таких галерей с перспективою уходящих вдаль сводов и арок может дать читателю некоторое представление о величине Кирилловских твердынь. Новой крепости, стоявшей больших издержек и монастырю и правительству, не пришлось однако испытать вражеской осады. Она служила для правительства другую службу, являясь вполне безопасным и надежным местом для пребывания ссыльных им лиц. Между прочим дело патриарха Никона дало Кирилловским тюрьмам, несколько ссыльных лиц. Так в 1663 году был сослан сюда из Москвы поп церкви Введения, что в Барашах, Иван Фокин и сидел «в цепи и железах» за то, что по удалении Никона из Москвы в Воскресенский монастырь продолжал поминать его московским патриархом⁴³⁸. В то время, когда Никон жил в Ферапонтове, пристав Наумов часто отсылал в Кириллов разных оговоренных по розыску лиц на сбережение (иеродьякона Ферапонта, служку Михайлова и др.)⁴³⁹. Пришлось наконец и самому Никону, бывшему «собинному» другу царя и великому государю,

увеличить собою длинный ряд кирилловских заточников, в разное время томившихся в крепких стенах обители.

В Кириллове Никона поместили в тех кельях, где живал прежде строитель старец Матвей. Эти кельи находились в «Большом монастыре» на западной его стороне в 2 саженях от городовой стены, которая проходит здесь по самому берегу Сиверского озера. В соседстве с ними на расстоянии 4 сажен находились каменные больничные кельи⁴⁴⁰, обращенные потом в кладовую и существующие доселе. Таким образом, Никоновы кельи были на том месте, где ныне стоит старинный двухэтажный каменный корпус, ныне почти пустой, а прежде служивший помещением для духовного училища⁴⁴¹. Рядом стоит больничная церковь св. Евфимии, построенная в 1653 году; полагают, что в эту именно церковь, как самую ближайшую, ходил молиться патриарх Никон. Кельи его были деревянные двухэтажные. Нижний этаж состоял из двух помещений, соединявшихся теплыми сенями, за теплыми сенями находились холодные сени с чуланами. В этих сенях было восемь больших окон. В верхнем этаже были две теплых вышки, холодные сени с 6 окнами и три чулана. Шушерин называет эти кельи «вельми неугожими». Печи в них были кирпичные и плохого устройства; при первой же топке они издали такой страшный угар, что новый жилец их, и без того после известного ушиба страдавший головною болью, почувствовал себя совсем плохо и чуть не умер. Поварни особой не было, кушанья готовили тут же в келье, что еще более увеличивало в ней жар и духоту. Архимандрит Павел по возвращении в Москву счел нужным доложить патриарху Иоакиму об этом неудобстве келий Никона, вредном для здоровья заточника. Шушерин говорит, что патриарх Иоаким «положи сия глаголы в забвении».

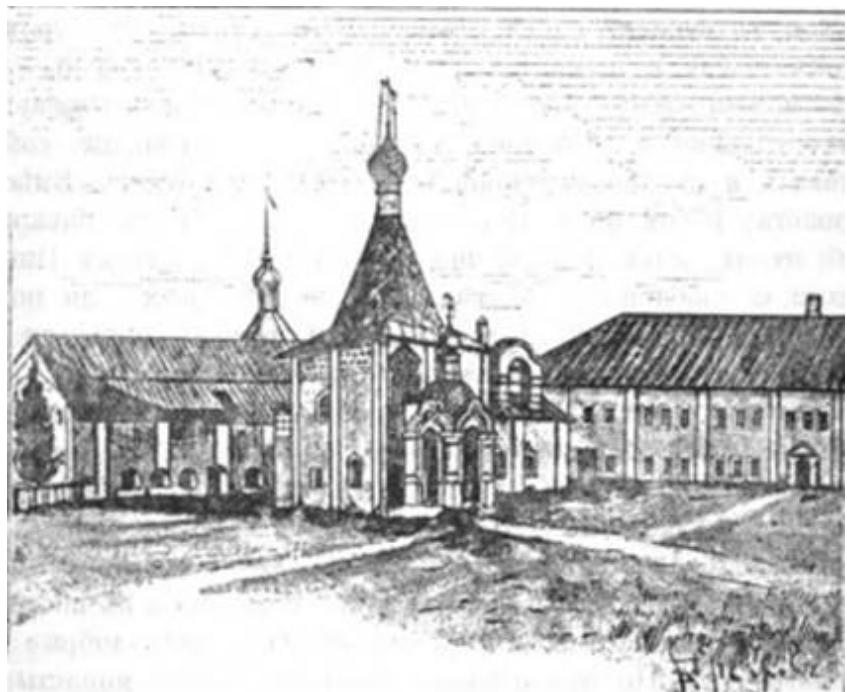

Рис. 30. Больничная церковь св. Евфимия и старый каменный корпус на месте которого стояли кельи Никона.

В июле Иоаким послал в Кириллов своего ризничего дьякона Иакинфа. Иакинф приезжал и Ферапонтов, вероятно, для осмотра Никонова имущества⁴⁴², но главной целью его прибытия было отобрание у Никона панагии и двух серебряных патриарших печатей. Никон, в Ферапонтове носивший панагию, а, быть может, пользовавшийся и печатями, теперь беспрекословно возвратил эти последние знаки патриаршего достоинства⁴⁴³. Но за то Иакинф привез в Кириллов указ Иоакима о том, чтобы «в кельях монаха Никона вместо кирпичных печей сделать образчатые ценинныя, чтобы угару отнюдь не было», а позади келий выстроить особую каменную поварню, высмотря место для нее с ним, Никоном, а если будет тут какое-либо ненужное строение, то его отставить. При этом патриарх требовал, чтобы прислали к нему чертеж келий Никона – всему старому и новому строению⁴⁴⁴.

Вследствие этого указа Кирилловские власти произвели ремонт в кельях Никона: поставили печь обращатую ценинную, поновили стены и сделали вновь подволоку и окна красные, двери и переходы в вышку, «как ему угодно». Но строить особую поварню позади келий они не нашли удобным и в отписке своей

объясняли патриарху, что промежуток между кельями Никона и монастырской стеной занят монастырскими дровами, а если поставить поварню между кельями и больницей, то придется у больницы свет заставить и с дровами проезду за кельи не будет. Вместо устройства новой поварни они предлагали устроить поварню в братской келье, находившейся в одном ряду с Никоновыми, и просили на то указа⁴⁴⁵. Таким образом, до поры до времени Никону приходилось волей неволей мириться с важным неудобством его келий.

Согласно наказу Иоакима с Никоном в его кельях поселены были два старца добрых и искусных, «кому мочно верить». Кроме этих двух старцев, Авраамия и Иринарха, в кельях Никона жили трое служек, повар и приспешник⁴⁴⁶. Стол для него велено было готовить лучший, чем для братии, не только в разрешенные, но и в постные дни, также велено было давать ему «пиво и мед добрые по его потребе»⁴⁴⁷. Но из приходо-расходных книг монастыря, сохранившихся за это время, видно, что денежных затрат со стороны монастыря на содержание Никона почти не было, и по отпускам имевшимся на него запасам можно заключать, что ежедневный обиход его был весьма скромен и на него шло тоже, что употреблялось на содержание братии⁴⁴⁸. Впрочем запасы, привезенные из Ферапонтова, шли на его обиход и в первое время могли значительно сократить расходы Кириллова монастыря на содержание Никона.

Из многочисленных вещей и утвари, которыми Никон обставил себя под конец ферапонтовского заточения, ему дали теперь очень немногое⁴⁴⁹. Его личная свобода также была значительно стеснена. Поселенные с ним старцы должны были иметь над ним строгий надзор, не пускать к нему в келью никого, ни монахов, ни мирян, наблюдать, чтобы он никому не писал писем и для того не давать ему ни чернил, ни бумаги. Ему запрещено было получать от кого-либо посылки и приношения и даже выходить за монастырскую ограду. О суровости заключения Никона в Кириллове Шушерин вообще замечает, что Никон терпел здесь «всякие нужды и озлобления» не менее, чем в Ферапонтове монастыре, «в кельи бо пребыть, неисходно кроме церковные службы»⁴⁵⁰. В церковь ему позволено было

ходить (вероятно, в ближайшую Евфимьевскую), но и тут велено было следить за ним, чтобы он «стоял с молчанием и чтобы мятежу церковного от него не было»⁴⁵¹. Так опасным казался своим врагам Никон – теперь уже больной разбитый жизнью старец.

Уныло и однообразно текла жизнь Никона в кирилловском заточении. Отрешенный от мира, лишенный возможности сноситься с преданными ему людьми, старый патриарх должен был переносить свои страдания «уединенно, молчаливо, при полном безучастии окружавших его лиц и в полной безвестности для общества»⁴⁵². Мало сохранилось сведений о жизни его в это злополучное время. Тем любопытнее для нас те немногие сведения о жизни знаменитого заточника, которые случайно попали на страницы монастырских приходо-расходных книг. Из книг этих видно напр., что кирилловский заточник позволял себе невинные развлечения, вносиившие некоторое разнообразие в его монотонную затворническую жизнь. Он держал ручных птиц лебедей и голубей и, по-видимому, сам занимался их кормлением. Начальство монастыря ничего не имело против этой невинной забавы своего заточника, который, будучи патриархом держал у себя певчих птиц и попугая, и приказывало выдавать из монастырской житницы потребное количество овса и пшеницы на корм пернатых друзей опального патриарха.⁴⁵³

Шел год за годом. Патриарх Никон продолжал сидеть в своем заключении, без надежды на освобождение, ни откуда не получая себе ни утешения, ни тем более помощи. Царь Федор Алексеевич был молод и находился под влиянием враждебной Никону партии, сторонники Никона стояли вдали от царя. Но вот произошла перемена в придворном кругу, влияние Милославского и Хитрово ослабело, и для Никона блеснул луч надежды. Тетке царя царевне Татьяне Михайловне, которая с детства была почитательницей великой личности Никона, удалось теперь приобрести влияние на своего царственного племянника. Она своими рассказами о Никоне и о его заслугах государству и царскому семейству и о теперешней его участии заинтересовала молодого царя. По ее внушению царь в сентябре 1678 года предпринял со всей (?) поездку на

богомолье в Никонов Воскресенский монастырь. Здесь все напоминало о Никоне: и начатые им величественные постройки, и сонм преданных ему монахов. (?) Никона старались отклонять молодого царя от поездок туда несколько раз, дал монастырю жалованную грамоту, издал указ об окончании начатой Никоном постройки и сделал монастырь своим царским богомольем.⁴⁵⁴ Под влиянием этих посещений, речей Татьяны Михайловны, (?)сенских монахов, и вероятно, также своего учителя Симеона Полоцкого, в душе молодого царя возникал величавый образ знаменитого патриарха, который теперь забыт всеми и томится в заточении. И вот молодой царь хочет оказать внимание к злополучной доле Никона. Пред Пасхою 12 марта 1679 из Москвы послан был «к монаху Никону для государева дела» стольник Мартюхин, вероятно, с денежной милостыней⁴⁵⁵. В январе 1680 года кирилловский архимандрит, будучи в Москве, получил от государя 200 рублей милостыни: из них 100 рублей государь поручил передать Никону. В конце августа царь послал к Никону стольника Федора Абрамовича Лопухина со своей государевой милостыней⁴⁵⁶. Понятно, что милостивое внимание царя должно было утешить томившегося в заключении патриарха и снова внушить уважение к нему в глазах кирилловских монахов. Благодаря не раз присылавшейся царем милостыне, кирилловский заточник имеет деньги в избытке, и монастырское начальство само обращается к нему с просьбой дать денег в долг, как напр. в 1680 году, когда оно заняло у Никона 149 р. 12 алт. 2 д. на уплату государственного сбора на жалованье ратным людям во время турецкой войны⁴⁵⁷. В 1680 году царь освободил из ссылки келейных старцев Никона, Варлаама и Мардания, и позволил им вернуться в Воскресенский монастырь.

Рис. 31. Кончина патриарха Никона на реке Которосли в городе Ярославле. Рисунок Дмитриева Оренбургского (из «Нивы» за 1892 г.)

Однажды, посетив Воскресенский монастырь по случаю смерти его настоятеля, царь сам внушил братии мысль, хлопотать о возвращении к ним Никона из ссылки.

Обрадованные царским словом монахи не заставили себя ждать. Тотчас же была написана витиеватая члобитная, в которой, указывая на пример израильтян, перенесших кости Иосифа из Египта в обетованную землю, Иоанна Златоуста и Игнения патриарха константинопольского, некогда возвращенных из своего заточения, монахи умоляли царя возвратить пастыря стаду, главу – телу христоподражательного наставника святейшего Никона, извести из темницы душу его, освободить его из заточения, дать ему покой и отраду в его старости⁴⁵⁸. К прошению подписалось около 60 монахов, и оно тут же было подано царю.

Но желание царя вернуть Никона из ссылки встретило сильное противодействие со стороны патриарха Иоакима, который решительно заявил царю, что без согласия вселенских патриархов сделать этого никак нельзя. Царь несколько раз просил об этом Иоакима, но получал решительный отказ. Тогда царь собрал собор архиереев, на котором присутствовал и сам с боярами, заявил о своем желании возвратить Никона из ссылки и представил собору члобитную воскресенских монахов. Многие архиереи соглашались с царем и говорили, что Никона нужно освободить из заточения, но патриарх Иоаким был против этого, и собор кончился ничем. Спустя несколько времени царь призвал патриарха к себе во дворец и вместе с Татьяной Михайловной усиленно убеждал его согласиться на освобождение Никона. Иоаким по-прежнему оставался непреклонным, ссылаясь на постановление вселенских патриархов. В своих отказах согласиться на просьбу царя Иоаким стоял, конечно, на законной почве, но в его нежелании облегчить участь Никона нельзя не видеть личного нерасположения к последнему. Не без основания можно думать, что он все еще боялся встретить в освобожденном Никоне опасного соперника, который легко подчинит своему влиянию молодого царя. У Иоакима и то уже был сильный противник при дворе в лице бывшего учителя царя монаха Симеона Полоцкого, с которым он при всем желании не мог справиться и который был сторонником Никона. Татищев сообщает неизвестно откуда им взятое известие о том, что Симеон Полоцкий, «который с

Иоакимом великую вражду имел», убедил Федора Алексеевича учинить в России папу и четырех патриархов, причем папою сделать Никона, а Иоакима оставить патриархом новгородским. Но Иоаким всеми силами восстал против этого плана, склонил на свою сторону приближенных бояр и велел Андрею Лызлову сочинить представление «со многими обстоятельствы, показующими немалый вред от сего плана для государства», – хотя замечает Татищев, без сомнения не воспротивился бы сему, если бы сам был назначен папою⁴⁵⁹.

Как бы то ни было, но Федор Алексеевич, не смотря на противодействие Иоакима, надеялся непременно увидеть Никона освобожденным из ссылки. Чтобы утешить и ободрить старца, томившегося в заключении, царь написал ему в Кириллов собственноручное письмо. Это была большая честь для Никона, который в своем заключении еще ни разу не получал царских писем: как известно, царь Алексей Михайлович не писал ему в Ферапонтов, а всегда отвечал ему через послов. В своем письме Федор Алексеевич называет Никона патриархом, вопреки соборному определению, просит у него благословения и прямо обещает ему скорое освобождение из ссылки. Вот это замечательное письмо: «О Святом Дусе отцу нашему Никону патриарху грешный царь Феодор и с супругою своею поклон сотворяем, и чести твоей возвещаю, аще Бог повелит сему писанию вручитися тебе, и ваша честность да весть, что, надеяся на Бога, преведение твое не умудлит быти, и имаши обитати сам в Новом Иерусалиме, и иметь совершенство свое восприяти. И посем я грешный царь Феодор и с женою своею благословения вашего при свидании вашем с нами и чрез писание желаем. Аминь»⁴⁶⁰. Внимательность государя к опальному патриарху станет еще яснее, если добавить, что это милостивое письмо было отправлено к Никону с его келейным дьяконом Мардарием, который после долгой разлуки снова мог служить своему патриарху. Велика была радость старого патриарха, когда он прочитал царское письмо и узнал, что скоро согласно царскому слову должна исполниться его заветная мечта о возвращении в любимый монастырь.

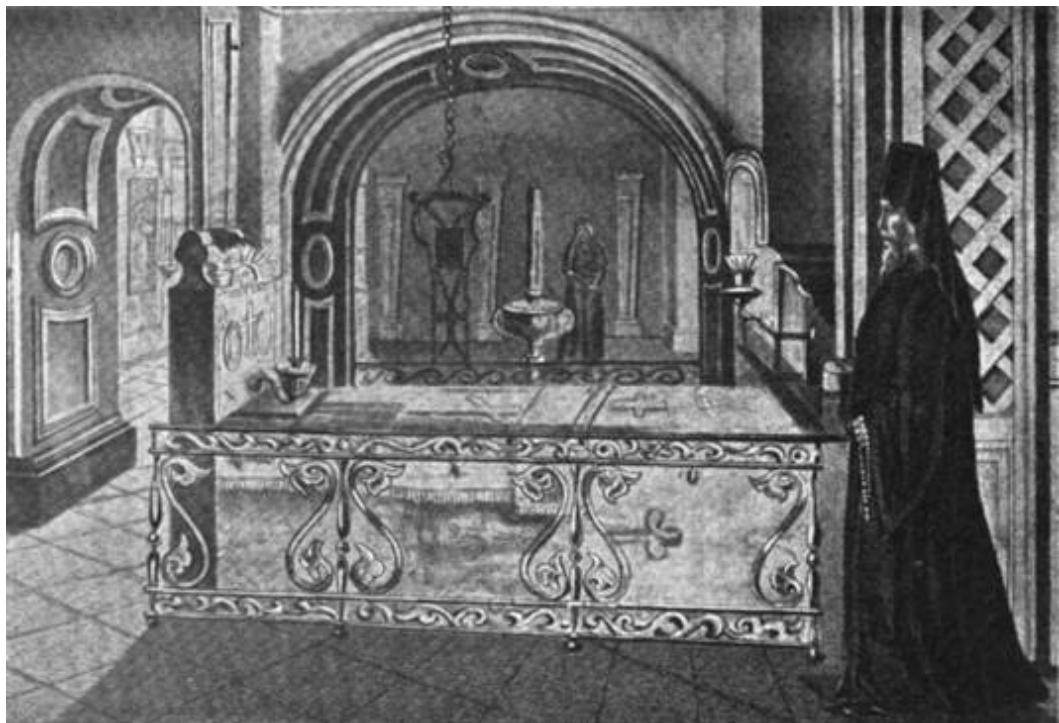

Рис. 32. Гробница патриарха Никона в Новом Иерусалиме под Голгофой в приделе Иоанна Предтечи.

Царь, не смотря на свою болезненность, с настойчивостью продолжал действовать в пользу Никона. Так как Иоаким ссыпался на восточных патриархов, то царь решил обратиться к ним от своего имени. В конце июня собирались в Турцию послы Илья Чириков и Прокофий Возницын. Царь воспользовался этим случаем и отправил с ними особые грамоты к восточным патриархам по делу о Никоне. В них он указывал на то, что Никон осужден не за нарушение догматов и правил благочестия, а за другие известные прощения достойные вины; хотя он как человек по малодушию поддался гневу и унынию, оставил патриаршество и тем произвел смуту в церкви и государстве, но он искупил свои вины своими страданиями в заточении и теперь, находясь в глубокой старости, только о том и помышляет, как бы вернуться в свой Воскресенский монастырь, чтобы там умереть спокойно. В виду близкой кончины Никона государь просил патриархов дать ему прощение и разрешение и восстановить его в патриаршеском сане за его великое смирение, страдания в заключении и за его покаяние⁴⁶¹. Эти грамоты к патриархам были подписаны 26 июня 1681 года.

Между тем Никон слабел и таял с каждым днем. Он уже стал готовиться к смерти, особоровался и принял великую схиму. Схимники обыкновенно меняют свое иноческое имя на другое или снова получают прежнее мирское имя. Замечательно, что Никон не пожелал переменить своего имени, которое, благодаря ему, стало историческим. Видя безнадежное состояние Никона, архимандрит Никита доносил патриарху Иоакиму, что Никон близок к смерти, и спрашивал, где и как его похоронить. Иоаким поспешил распорядиться, чтобы Никона отпевали как простого монаха и похоронили в церковной паперти. Царь уже после узнал о таком распоряжении патриарха, требовал вернуть грамоту назад, но было уже поздно.

Дни Никона были сочтены. Чувствуя себя на краю могилы, он ждал обещанной царем свободы только для того, чтобы умереть и быть похороненным в своем Воскресенском монастыре. И вот боясь не дожить до желанного дня, он в последних числах июля написал к братии Воскресенского монастыря краткое трогательное письмо, которое было последним в его жизни. «Благословение Никона Патриарха, писал Никон, и на смертном одре продолжавший называть себя патриархом, архимандриту Герману, иеромонаху Варлааму.... и всей братии. Ведомо вам буди, яко болен есмь болезнью великою вставать не могу, на двор выйти не могу ж, лежу в гноищи...; а милость Великого Государя была, что хотел меня взять по вашему челобитью, и писав жаловал своею рукою, а ныне то время совершилось, а его милостивого указу несть; – умереть мне будет внезапу; пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости, побейте челом о мне еще Великому Государю, не дайте мне напрасною смертью погибнуть, уже бо моего жития конец приходит, а каков я, и то вам про меня подробно скажет Иван, который от вас живет на приказе в (селе) Богословском»⁴⁶².

Архимандрит с братией, получив это письмо умирающего патриарха, тотчас показали его царю и со слезами умоляли возвратить Никона из ссылки, пока он не умер. Государь снова обратился к патриарху Иоакиму и архиереям с просьбой освободить Никона в виду его близкой смерти. Все согласились,

и сам Иоаким не стал теперь перечить царю. Царь немедленно отправил в Кириллов дьяка конюшеннаго приказу Ивана Чепелева с наказом взять оттуда Никона и живого или мертвого перевезти в Воскресенский монастырь. Чепелев поспешно отправился в путь. В Кириллове еще никто не знал о так быстро состоявшемся решении московского правительства освободить Никона. Но сам Никон в своей чуткой душе, готовившейся отрешиться от земных уз, как бы прозрел свое близкое освобождение. Еще за день и больше до приезда царского дьяка в Кириллов Никон, не смотря на сильную болезнь и изнеможение, несколько раз начинал собираться в путь. В самый день приезда посла Никон еще с утра стал одеваться в дорогу и торопил своих сожителей, говоря: «я уже готов, а вы что не собираетесь, смотрите скоро приедут за нами». В нетерпеливом ожидании он приказал даже вынести себя на крыльце и сел там в креслах. Окружавшие, исполняя волю больного патриарха, думали однако, что он начал уже впадать в беспамятство от болезни и старости. Но вдруг к всеобщему удивлению к крыльцу кельи подошел только что прибывший в Кириллов дьяк Чепелев и тут же объявил патриарху царскую милость. Обрадовался старый патриарх и, не смотря на крайнюю слабость, поднялся с кресел, чтобы оказать почтение послу, говорившему от имени царя.

Медлить было нельзя. Ослабевшего патриарха бережно посадили в сани, не смотря на летнее время года (чтобы избавить его от толчков и тряски), и повезли к пристани на реке Шексне в 6 верстах от монастыря. Здесь уже заранее были приготовлены струги (барки) для отправления патриарха. С большим трудом перенесли больного старца на струг и поплыли вниз по Шексне. С ним поехал и кирилловский архимандрит Никита. За двадцать верст до впадения Шексны в Волгу их встретил бывший келейный иеромонах Никона Варлаам, живший с ним в Ферапонтове. Его нарочно послал воскресенский архимандрит для встречи Никона. Доехав до Волги, Чепелев хотел было следовать дальше вверх по течению Волги, но Никон пожелал, чтобы его везли вниз по Волге к Ярославлю, тем самым путем, которым он когда-то вез моши св. Филиппа.

Жители сел и городов, расположенных по Шексне и Волге, узнав о возвращении Никона из ссылки, выбегали навстречу плывущим стругам и готовы были оказать патриарху и его спутникам всевозможные услуги. Рано утром 16 августа, когда струги плыли около Толгского монастыря недалеко от Ярославля Никон почувствовал себя плохо и велел пристать к берегу. Архимандрит Никита, имевший при себе запасные Дары, причастил умирающего Никона Св. Таин. Отплыли еще полверсты и остановились против Толгского монастыря. Игумен Толгского монастыря в сопровождении всех монахов вышел на берег встречать патриарха и здесь произошла трогательная сцена. В числе братии оказался живший здесь под началом бывший игумен Спасского монастыря Сергий, который так много досаждал Никону в тягостные минуты после его низложения. Теперь Сергий, видя возвращающегося изгнанника при смерти, припал к его ногам и со слезами просил прощения, называя его «святителем Божиим и владыкой». Тут же он рассказал всем о бывшем ему видении, которое и побудило его теперь прийти сюда проститься с Никоном. Умирающий патриарх тотчас же простил своего бывшего врага.

Струг медленно поплыл далее и на другой день, 17 августа, остановился в Ярославле. Жители во множестве сбежались на берег, толпами теснились на барку, стремясь получить от него благословение, целовали ему руки и ноги. Здесь то сказалась вполне преданность народа к возвращающемуся из долгой ссылки патриарху. Струг нужно было провести в реку Которосль: народ усердно начал помогать гребцам, многие тащили барку, бредя по пояс в воде, и таким образом довели ее до Спасского монастыря. Здесь вышли на встречу патриарху монахи этого монастыря во главе с архимандритом. Между тем весть о приезде патриарха Никона разнеслась по городу, народ толпами валил к нему, чтобы получить благословение. Умирающий Никон был утешен теперь любовью и вниманием к нему народа, но уже настолько изнемог, что не мог говорить, и только давал приходящим целовать руку. Архимандрит Никита и дьяк Чепелев, замечая, что Никону становится хуже, решили прекратить народу

доступ на барку и с этой целью приказали перевести ее на другой берег реки.

День склонялся уже к вечеру, в церквях города заблаговестили к вечерне. Услышав звон, изнемогавший Никон вдруг оживился, начал осматриваться вокруг, поправлять на себе руками волосы, бороду, одежду. Наступил его смертный час. Архимандрит с бывшими тут монахами и дьяком начали петь последование на исход души. Никон спокойно служил руки на груди и издал свой последний вздох на 77 году жизни. При такой необычной обстановке завершил свое многотрудное житейское поприще этот замечательнейший из русских патриархов. После пятнадцатилетнего заточения судьба, наконец, сжалась над ним, дозволив ему умереть не под тесными сводами кирилловских келий, а на свободе, под открытым небом, на берегах родной ему реки Волги, в присутствии многочисленной толпы народа, трогательно заявившего свое сочувствие к нему, как своему любимому пастырю.

Архимандрит Спасского монастыря с собором монахов отслужил литию над телом усопшего патриарха в присутствии городского воеводы и множества народа. Дьяк Чепелев тотчас же поскакал в Москву с вестью к государю о смерти Никона. Царь надеялся видеть Никона живым и послал было за ним свою карету с лучшими конями, но ехать в ней, не пришлось Никону. Тело его положили в дубовый гроб и на особо устроенных дорогах («возилах») повезли по дороге в Москву. На пути в городах и селах духовенство с народом выходило на встречу, служило литии. Близ слободы Александровской игуменья тамошнего монастыря со своими 200 монахинями устроила торжественную встречу телу почившего патриарха. В Троице-Сergиевой лавре вышли навстречу гробу Никона все монахи во главе с архимандритом Викентием, который пошел потом провожать тело патриарха взамен кирилловского архимандрита Никиты, вызванного царем в Москву.

Государь, получивший от дьяка известие о смерти Никона, с интересом расспрашивал его о последних днях жизни Никона и обстоятельствах его смерти. Дьяк подробно рассказал царю о

кончине Никона. На вопрос царя, не оставил ли Никон духовной, дьяк отвечал: «я напоминал блаженному Никону о духовной, но он сказал мне: не хочу я писать духовной, но скажу одно вместо моей духовной: да будет мир и благословение благочестивейшему государю Феодору Алексеевичу и всему его царскому дому, а о душе моей и о грешном теле, о погребении и поминовении пусть царь распорядится, как ему угодно»⁴⁶³.

Растроганный царь с охотой взял на себя обязанности душеприказчика покойного патриарха и задумал устроить ему торжественные похороны. Он хотел было сначала, чтобы сам патриарх Иоаким совершил погребение Никона, но Иоаким соглашался на это только под тем условием, чтобы поминать Никона на погребении не патриархом, а простым монахом. Напрасно царь убеждал Иоакима, брал на себя всю ответственность перед восточными патриархами, на которых опять ссыпался Иоаким, обещал снова писать им от своего имени – Иоаким оставался непреклонен. Он отпустил вместо себя новгородского митрополита Корнилия, дав ему уклончивое распоряжение поступать так, как велит царь.

25 августа накануне прибытия тела Никона в Воскресенский монастырь, царь приехал туда из Москвы с боярами и всеми многочисленными членами царской семьи. Митрополит Корнилий служил заупокойную всенощную. Рано утром 26 августа процесия с гробом Никона приближалась к Воскресенскому монастырю. За версту от монастыря на монастырском мельничном дворе тело Никона внесли в келью и одели в особую одежду, еще при жизни заготовленную им для своего погребения и хранившуюся в Воскресенском монастыре; сверх ее одели бархатную рясу, архиерейскую мантию с панагией и схиму. Шушерин сообщает, что при облачении тела Никона не было заметно на нем ни малейших признаков разложения, несмотря на теплое время года и на то, что уже шел десятый день со времени его смерти⁴⁶⁴. При колокольном звоне митрополит вышел из монастыря с крестным ходом и встретил гроб патриарха у часовни. В процесии принимали участие и сам царь с боярами. Всем разданы были особые заготовленные на царский счет свечи черного цвета от

полуаршина до сажени длиной. Священники подняли гроб патриарха и крестный ход двинулся обратно в монастырь. Царские певчие пели стихиры, благочестивый царь сам подпевал им.

Началась заупокойная обедня. По приказу царя Никона поминали патриархом. Во время пения «приидите поклонимся» гроб с телом патриарха, согласно тогдашним церковным обычаям был внесен в алтарь. На отпевании сам царь читал кафизмы и апостол и пел со своими певчими. Когда настало время «последнего целования», царь взял из под схимы руку покойного патриарха и поцеловал ее, его примеру последовали члены царской семьи, бояре и все присутствовавшие. Дубовый гроб с телом Никона, вложен был в другой – мраморный гроб и похоронен в приделе Иоанна Предтечи под Голгофой на месте, которое патриарх сам указал еще задолго до своей смерти. Вся церемония погребения тела Никона, включая сюда крестный ход, литургию и отпевание, продолжалась 10½ часов.

После погребения царь одарил участвовавших в нем духовных лиц деньгами и вещами из ризницы Никона и его имущества, привезенного за ним из Кириллова монастыря. Он рассыпал потом архиереям на помин души Никона разные вещи из его архиерейской ризницы. Патриарху Иоакиму он послал митру Никона, но тот ее не принял и отоспал обратно, желая этим показать, что он по прежнему признает Никона простым монахом. Но вот спустя год после похорон Никона получены были в ответ на просьбу царя разрешительные грамоты от восточных патриархов, которые снимали с Никона соборное запрещение, восстановляли его в прежнем сане и повелевали поминать его отныне на ряду с прочими московскими патриархами. Федора Алексеевича тогда уже не было в живых († 27 апреля 1682 г.). Иоаким и тут было усумнился в подлинности присланных грамот, но должен был подчиниться определению вселенских патриархов, стал поминать Никона патриархом и даже служить по нем панихиды в Воскресенском монастыре. Честь многострадального Никона была, наконец, восстановлена, и с того времени вся русская церковь поминает Никона в числе московских патриархов.

В Воскресенском монастыре доныне свято чтится память Никона; народ почитает Никона чудотворцем, рассказывает о его чудесах⁴⁶⁵ и постоянно служит панихиды у его гробницы. Здесь висят его вериги (весом в 15 фунтов), которые он носил на себе во всю жизнь. И простолюдин и интеллигент в раздумье останавливаются пред гробницей этого необыкновенного человека, сделавшегося из нижегородского крестьянина всероссийским патриархом, и с восторгом любуются «на дивный не имеющий себе ничего подобного у нас»⁴⁶⁶ Воскресенский храм, построенный по мысли Никона и доныне остающийся «лучшим памятником над гробницей великого патриарха, которому по силе энергии, широте и величию дел нет равного между остальными патриархами русской церкви»⁴⁶⁷.

Приложения

1. Списки настоятелей Ферапонтова монастыря

Списки настоятелей Ферапонтова монастыря напечатаны в Истории Российской Иерархии (т. VI, 856) и у Строева (Списки иерархов. 1877. стр. 81–83). Первый список заключает в себе только 22 имени, да и из них несколько имен Строев (вероятно, имея на то основание) не включил в свой список. Замечательно, что в рукописном синодике Ферапонтова монастыря XVII в. (переписан в 7149=1641 году) есть еще третий список, который весьма отличается от двух выше упомянутых. Вот он: „*помяни, Господи, святые обители сей начальников игуменов: ферапонта. игумена мартинияна. иг. германа. иг. иоакима. иг. логина. генадия. мисаила. гурия. ефросина. касияна. иосафа. филарета. иосафа. селивестра. амфилофия. геронтия. гурия. елинарха, игнатия. кирила. генадия. саву. игнатия. галасию. авраамия. евфимия. антония*, затем другими руками приписаны имена: „*варлаама. варлаама. афанасия*“. В этот список не внесено многих имен, имеющихся у Строева (быть может, сюда вносились только имена игуменов, погребенных в монастыре), но с другой стороны здесь стоят имена, каких нет у Строева. В вкладной книге Ферапонтова монастыря (ныне утраченной и известной нам по описанию покойного о. Арсения Разумовского) упоминаются имена нескольких игуменов, неизвестных Строеву. Приводим здесь список Строева, ставя в скобках имена, опущенные им из списка И. Р. Иерархии, и отмечая курсивом те имена, какими мы нашли возможным дополнить его список на основании данных, имевшихся у нас под руками.

Пр. Ферапонт (основатель монастыря, но игуменом в нем он не был; вызван Можайским князем Андреем Димитриевичем в 1408 г. † 27 мая 1426 г.)

Пр. Мартиниан [с 1432 (?)] с 1447 по 1455 г. был игуменом Троицкого Сергиева монастыря, а потом строителем в Ферапонтове, † 12 янв. 1483 г.

Герман 1450–54.

Иоаким (при князе Михаиле Андреевиче).

Филофей упоминается в 1467, а 2 ноября 1471 хиротонисан в епископа Пермского; † 1508 в Ферапонтове.

Иоасаф князь Оболенский 22 июля 1481 хиротонисан в архиепископа Ростовского, † 6 окт. 1513 (?) на покое в Ферапонтове, см. о нем стр. 49–55.

Сильвестр 1511–14.

Акакий 1522.

Мартиниан 1526.

Ферапонт 1530; 9 марта 1539 г. хиротонисан в епископа Сузdalского.

Нектарий 1540 (и 1541 см. А. Э. I, №193).

[Феодосий упоминается в 1542].

[Алексий упом. 17 февр. 1543].

[Макарий упом. 16 марта 1543].

Кассиан 1543.

? Арсений 1543–1551. Вкладная книга: 7051–7059 sic.

[Иона упом. 21 февр. 1544.

Савва 1544].

Гурий 1545–1551.

Корнилий 1554–1557.

Филофей 1559 (7067) вкл. кн.

Сергий 1563.

[Макарий упом. в 1564 г. декабря 31.

Акакий в 1567 г. скончался в Москве).

Арсений 1567.

Игнатий 1568.

Иринарх 1573–1577 (7081–7085) вкл. кн.

Гурий 1578 (7086) вкл. кн.

Евфимий упом. 15 янв. 1580.

Антоний упом. 15 янв. 1581 (А. А. Э. I, №308).

Геннадий 1583–1585.

Павел 1587 (7095) вкл. кн.

Сильвестр 1590 (7098) там же.

Кирилл 1591–1594 (7099–7102); † в марте 7102 г., вкл. кн.

Кирилл 1595 (7103) там же.

Савва 1597–1599 также и в вкл. кн.; но в грамоте утверждения об избрании царем Бориса Годунова 4 авг. 1598 г. встречается подпись фер. Игумена Ионы. А. Э. II, № 7.

Геласий 1600–1604 (7108–7112); вкл. кн.

Сильвестр 1604–1606 (7112–7114); там же.
Игнатий 1606 (7114) там же.
Макарий переведен из Корнилиева Комельского 31 марта
1613, упом. в 1614.
Герасим 1620–1623.
Матфей 1624 и 1625.
Евфимий 1625–1634.
Антоний 1636–1640; уволен 25 апр.
Герасим 1640 и 1641; увол. 21 ноября.
Иоаким 1641 и 1642.
Арсений 1642–1644.
Варлаам 1644–1651.
Афанасий 1651–1655.
Варлаам 1655–1658.
Ферапонт 1658–1661.
Афанасий 1661–1680. Два сего имени: один уволен, а другой
определен в июне 1673. См. стр. 96–97.
Дионисий 1681–1683.
Иона Сямский 1683–1685.
Варлаам 1686 и 1687.
Иона 1688 и 1689.
Мардарий 1690–1692.
Филипп 1692–1694.
Геннадий 21 янв. 1695.
Герасим 1696–1700 (?).
Кирилл и Флавиан упоминаются один за другим в грамоте
Петра I от 28 мая 7205 (1697) года. „Новг. Губ. Вед.“ 1852 №20.
Кирилл (упомянутый выше ?) 1700–1704 ноябрь?
Иосиф 1705 и 1706.
Георгий 1707–1713 см. стр. 101.
Иоиль 1615 и 1616.
Иоасаф 1718 и 1719 см. стр. 101.
Филипп определен 6 марта 1720–1723.
Матфей 1726–1728.
Вавила 1729–1732.
Иона 1733–1736 отставлен.
Павел 1736–1741 переведен в Корнильев.

Варлаам 1741–1750; в марте взят в Тайную канцелярию.

? Феофан упом. 15 октября 1747 в надписи на колоколе.

Иерофей 1751–1763.

Архимандриты: Филарет 1763–1767.

Пахомий 1767 перев. из Вологодского Арсеньева, в 1771 переведен в Вологодский Павлов.

Павел в 1771 перев. из Волог. Павлова; был до 1785.

Феофилакт 1785–1790.

Герасим Ионин (игумен) 1790–1792, переведен в Клопский мон.

Феофилакт (игумен) 1793–1798; 28 июля переведен в Белевский Спасский монастырь, а Ферапонтов монастырь закрыт и обращен в приходскую церковь.

2. План Ферапонтова монастыря и карта его окрестностей

Прилагаемый здесь план Ферапонтова монастыря представляет уменьшенную копию плана, снятого архитектором в 50-х годах нынешнего столетия в виду предпринятых тогда перестроек в упраздненном монастыре. В 1857 году была окончена постройка каменной ограды (10), которая заменила собою прежнюю деревянную (11) с шестиугольными деревянными башнями („карасами“) по углам. Вход в монастырь с запада чрез святые ворота, над которыми расположены два небольших придела: во имя Богоявления – церковь п. Никона (Г) и пр. Ферапонта (Д). А – соборный храм Рождества Богородицы, окруженный папертью с северной и западной стороны; с юга к собору примыкает ризница (1) и церковь пр. Мартиниана (Б). В – церковь Благовещения (бывшая трапеза), 2 – келарская келья, разломанная при переделке трапезы в церковь в 1851–3 годах, 3 – казенная (прежде ризничная) палата, 4 – стенка с воротами, ныне не существующая, 5 – недавно построенный деревянный церковный дом („кельи“), 6 – каменная двухэтажная пристройка, в верхнем этаже ее небольшое помещение, соединяющееся дверью с церковью Никона, 7 – большое каменное сушило, имевшее два этажа, 8 и 9 – каменные кельи, на месте которых находится теперь сад.

В дополнение к этому плану приводим вид Ферапонтова монастыря, помещенный на старинной иконе пр. Ферапонта и Мартиниана. Икона эта небольших размеров ($4\frac{1}{2}$ вершка в ширину и $5\frac{1}{2}$ – в длину) имеется в нескольких копиях, на одной из них сделана надпись: „вид Ферапонтова монастыря в 1687 году“. На оригинале средняя часть изображения отпала вместе с левкасом и воспроизводится здесь по копии. В этом схематическом изображении помещено несколько зданий, ныне уже не существующих, а также мост, две мельницы, амбар и конюшенный двор, согласно описанию, сохранившемуся в отписных книгах монастыря XVII в. (см. выше стр. 78 и 79) и

описанию автора Истории Российской Иерархии в начале нынешнего века (см. т. VI, 853–855).

Быть может, не будет излишня и помещаемая ниже карта окрестностей Ферапонтова монастыря, хотя бы напр., в виду того довольно распространенного мнения, что Ферапонтов Белозерский монастырь стоит на берегу Белого озера. Карта эта составлена на основании семитопографической карты Новгородской губернии 1847 года съемки полковника Безкорниловича (издание военно-топографического отдела Главного Штаба). Погосты обозначены крестиками. Заметим кстати, что Кириллов монастырь стоит почти на одной параллели с Петербургом – 59° 52' с. ш. (Петербург – 59° 57') и на 56° 2' вост. долготы от Ферро.

Примечания

¹ - Жития преп. Ферапонта и Мартиниана, написанные неизвестным иноком Ферапонтова монастыря (Матфеем, по догадке Ключевского, – Др. Рус. Жития святых с. 272) в половине XVII века, до сих пор неизданы в печати, за исключением отрывков из жития пр. Мартиниана, напечатанных в Летописи занятий Археографической Комиссии (1860. I). У нас под руками было два списка этих житий. Один из библиотеки С.-Петербургской духовной академии (сборник Соф. библ. №467 (741) писан полууставом и по всем признакам относится к XVII веку. Другой, принадлежащий церкви упраздненного Ферапонтова монастыря, писан в лист крупным уставом уже в XVII веке. Из подписи на книге видно, что она пожертвована в монастырь в 1766 году „для души своея поминовения“ белым дьяконом Ферапонтова монастыря Самсоном Васильевым Фалиновым, который написал ее своею рукою „безденежно“. В Ферапонтовской церкви она находится в числе богослужебных книг, так как по ней доселе правят там службу чудотворцу Мартиниану, которой тоже не имеется в печати. В тексте обоих списков нет больших различий. Разница в числе чудес пр. Мартиниана: сверх 10 чудес, имеющихся в обоих списках, в последнем записаны еще в 6 чудес, совершившихся в позднейшее время вплоть до 7174 (1666) года. Встречающиеся ниже ссылки на рукописное житие сделаны по рукописи С.-Петербургской духовной академии.

² - „Аще бе святый и не хитр грамоте, но душевную доброту и ум здрав стяжа“. Житие, л. 19.

³ - „И обрете место близ езера Паское зовомо, другое же езеро повыше того – Бородавское, промеж их якоже стрелы вержение или мало множае; весьма красно место то и угодно на жительство паче инех мест, и возлюби е блаженный зело“. (Житие л.25 на об.).

⁴ - „Посем же святому лес поsekшу и место отребившу и воедино собирая хвастие оно, мысляше бо блаженный и зелие некое насеяти, за еже скучну быти месту тому и отнюд пустынну,

тем себе святый нужную кормлю управляя бяше на телесную потребу“. Житие л.26 на об.

⁵ - Повсегда же святый исходя от келии своея, взем сечиво и котыгу, труждашеся по вся дни зело, многажды же и в нощи без сна пребывая бяше“. Л.30 на об.

⁶ - „Един чин и начало имеют братия Кириллова монастыря и Ферапонтова“. Жит. л. 34.

⁷ - „Пение в церкви Божией, безмолвие по келлиям со всяким утверждением всякого рукodelия чин воображающе: инии книги пишут, друзии книгам учатся, инии сети плетут на рыбная ловления, друзии келлии делают, дрова в магерницу и в хлебню и в трапезу, инии воду носяще и хлебы и варения приготовляют“. Житие. л. 35.

⁸ - Житие л. 47 на об.

⁹ - См. Сборник №467 (741) Соф. Библ. С.-П. Дух. Акад. „Житие и подвизи пр. отца нашего Мартиниана белоезерского, ученика св. Кирилла чудотворца“. Начинается словами: „Бог всемилосердый не навыче презирати угодник своих“ л. 49.

¹⁰ - „от близких властей святого (Кирилла) Сяма зовомо“ л. 52.

¹¹ - Вестник Имп. Русского Географ. Общества за 1854 год XI, отд. 2 с. 133. „Описание Ферапонтовской волости“. Статья эта, напечатанная за подписью архимандрита Макария, составлена урожденцем ферапонтовской волости иеромонахом Сергием Мармариссовым, впоследствии ректором Иркутской Духовной Семинарии († 1895 г. в Селенгинском забайкальском монастыре). В Березниках есть часовня во имя пр. Мартиниана. По словам местных старожилов, существующий в этой деревне род крестьян Стомонаховых, есть будто бы, тот самый, откуда происходил пр. Мартиниан.

¹² - „Еще ему сущу от младыя версты, сродницы его приведше поставиша его близ святаго“ л. 50 на об. По другому преданию, отрок Михаил тайно ушел к пр. Кириллу прямо с поля, где он боронил вспаханную отцом полосу. См. „Описание ферапонтовской волости“ в Вестнике Имп. Геогр. Общества 1854. XI.

¹³ - „И в те времена прилучися близь обители святаго человек некий живяше, имя ему Олеша Павлов, диак монастырский (в другом списке: „мирский“) дело его беаше книги писати и учити ученики грамотныа хитрости, и зело искусен сый таковому художеству“ л. 51.

¹⁴ - „И вскоре Божию благодатию научи его грамотней хитрости довольно и спешно, яко в сем дивитися скорому его научению; аки во сне шествие преидоша молитвами святаго“. л. 51 на об.

¹⁵ - „И еще ему из младыя версты сущу, искушаше и смотряше его святый, кое предложение имать, и повеле ему святый книгам по учатися“. Там же. Такое же послушание пр. Кирилл дал другому своему ученику – Христофору. Христофор и Мартиниан прославились как искусные переписчики книг, и их трудами по благословению пр. Кирилла положено было начало знаменитой библиотеке Кирилло-белоозерского монастыря. Сохранился канонник, писанный рукою пр. Мартиниана на пергаменте в 8-ку крупным уставом. В конце книги молодой инок сделал следующую приписку, в которой выразилось благочестивое настроение его души. „В лето 6931 (1423) месяца сетеврия в 1 написаны быша сия книги душеполезныя в обители пречистыя богородица, благословением господина старца Кирила игоумена в славоу святыя Троица амин. О дево богоизбранная, о отроковице богоневестная, о владычице мироу пречистая богородице в о всемирных ти моленних к сыну своему и Богу. Помяни госпоже милостивая и мене грешнаго протягшаго недостойную мою роукоу всие. Вся кому делу благу Христос есть зачало и конец. тому слава в безконечныя векы амин. Господи Иисус Христе спаси писавшаго и имети хотящаго сие. Господине старец аноуфри створи любовь. Поминай грешнаго в молитвах своих святых мартиньяна инока. Лжею инока, а не истинною“. С. П. Шевырев. Поездка в Кириллобелозерский монастырь. Москва. 1850. Часть вторая. стр. 17–18. Рукою же пр. Мартиниана написана другая рукопись – святцы тоже на пергаменте в 8-ку, еще до смерти пр. Кирилла, как полагает архим. Варлаам. См. Описание рукописей Киприллобелозерского монастыря в Чтениях Имп. Общества Истории и Древностей за 1860 г. кн. 2, отд. III,

14–16. На первом белом листе рукописи стоит надпись: „святцы с кануны чудотворцова ученика Мартиниана“.

¹⁶ - „Егда же блаженный Кирилл в келии своей пение совершаše, сему повелеваше поклоны творити, и сия многажды бываше, и до времени клепания мало нечто даяше ему сна причаститися телесныя ради нужды“. л. 53. При описании этих подвигов пр. Мартиниана автор жития пользуется теми же словами, в каких описываются подвиги пр. Кирилла в его житии: ср. житие пр. Кирилла, рк. Соф. Библ. №1322 л. 69 на об.

¹⁷ - „Сей хощет, братие, искусен инок быти“. л. 54.

¹⁸ - Об этом случае рассказывается в житии пр. Кирилла и, вероятно, со слов самого же пр. Мартиниана. „Святый же (Кирилл) яко поношая ему глаголаше, тако ли сохраняеши чин монастырский, не можаше ли ити в келию свою первые и должна молитвовати, также аще нужноти бяше къ брату ити; он же яко ослабився рече, яко пришедши в келию и к тому не могу изыти. Святый же рече ему: сице твори всегда – первые в келию иди, келия всему научит тя“. Житие пр. Кирилла, рк . Соф. библ. №1322 л. 73.

¹⁹ - „И тако мало время згодив в диаконство поставляет его в соборней церкви с ним служити“ л. 55.

²⁰ - „Овии любящe его и моляху Бога о нем, ини же завистию подстрекаеми, зазирающe ему осуждаху.“ л. 56.

²¹ - „Начаша же церковь созидати во имя Преображения Господа нашего и Спаса Иисуса Христа и по обычаю свещами, иконами и книгами украсив ю; даже и до днесъ стоит во славу Божию“ л. 58. Этот основанный пр. Мартинианом Вожеезерский Спасский монастырь существовал до 1764 года, когда он был закрыт и обращен в приходскую церковь, по бедности. В 1744 году за ним числилась только 1 крестьянская душа. Чт. Имп. Общ. Истории 1860, III. 1 отд.

²² - „Блаженный же, видев их прилежание, оставил их ту жительствовати, и се им прирек: яко же сами изволили есте“ л. 58 на об.

²³ - „Волею Божию игумен игуменство монастыря того оставил“ л. 59 на об.

²⁴ - Автор жития, называя этого князя Михаилом Андреевичем, неуверен однако, был ли это Михаил Андреевич или его отец Андрей Димитриевич: „инии же глаголют, самого еще князя Андрея предавша монастырь Пречистые Богородицы Мартиниану. Мы же о сем не пререкуем, но понеже едино имеша произволение и отец и сын его князь Михайло“ л. 60 на об.

²⁵ - „Часа того поставиша (князь и его сродники) его игумена Ферапонтову монастырю и покоити монастырь его довольно обещавшася, писанием утвердив и милостыню ему дав и отпустиша его в монастырь к Пречистей Богородице“. Там же.

²⁶ - „Вся устрояет во образ от Кириллова обычая“ л. 61.

²⁷ - „Мнози отовсюду стекахуся, якоже пчелы некие, слышаще цвет медовый“ л. 62.

²⁸ - В рукописном житии Софийской библиотеки говорится, что пр. Мартиниан игуменствовал в Ферапонтове „более 20 лет“ (л. 63), по это, очевидно, описка („двадесять“ вместо „дванадесять“). В 1447 году пр. Мартиниан был уже игуменом Троицкого Сергиева монастыря, но мы уже знаем, что он пришел в Ферапонтов не в 1427 году (год смерти пр. Кирилла), а несколько лет спустя и, следовательно, не мог пробыть в Ферапонтове игуменом 20 лет. Если же он был там игуменом 12 лет, то начало его игуменства в Ферапонтове можно определить 1435 годом. Князя Андрея Димитриевича тогда уже не было в живых († 1432).

²⁹ - 9 л. 62 на об.

³⁰ - См. напр. Духовные грамоты кн. Михаила Андреевича Верейского († 1486), князя Ивана Борисовича Волоцкого (около 1504 г.). Собрание госуд. грамот и договоров, т. I, №№121, 122, 132.

³¹ - „Такожде и в Ферапонтов прииде со всеми вои своими сущую тамо братию накормити и благословитися от них; срете же его игумен Мартиниан со всею братиею вне монастыря с великою честию и радостию и благослови его честным и животворящим крестом молебная пев и любезно трапезою учреди, довольно покой дав и благонадежна сотвори его утешительными словесы“. л. 69.

³² - „...И не хотящу ему умоли и взяти его“. л. 71 на об.

³³ - По рассказу жития игуменом в Ферапонтове после пр. Мартиниана поставлен был Филофей. „В негоже (Мартиниана) место... у Пречистыя в Ферапонтове постави (князь) игумена их же постриженника, именем Филофия. После того великой Перми и Вологде 30 лет поведают владычество держал“. Там же. Но еще до Филофея упоминаются игумены Герман (1450) и Иоаким. См. Строев. Списки иерархов, 81.

³⁴ - За подписями владык следуют подписи настоятелей монастырей: „и мы ваши нищие и молебницы Геронтий, архимандрит Симановский, Мартињан, игумен Сергиева монастыря“. Карамзин. И. Г. Р. т. V. прим.350. Акты Ист. I, №40. Обыкновенно эту грамоту относят к 1447 году. Но еще в августе 1448 г. пр. Мартиниан называется игуменом Ферапонтова монастыря см. жалованную грамоту в. княгини Софии Витовтовны Ферапонтову монастырю от 4 авг. 1448 (6956) в А. А. Э. №41. Если даты обеих грамот верны, то последняя грамота дана пр. Мартиниану задним числом, когда он был уже игуменом у Троицы.

³⁵ - „Он же (князь) единако глагола аки гневаяся: боляре, смотрите ми черньца того болотнаго, что ми сотвори, напрасно пришед в храмину мою и обличи и Божие благословение снят и без великаго княжения мя постави“. л. 75.

³⁶ - „Ово подвига ради, ово попечений многих ради находящих вин от царствующаго града и ино от монастырского нахождения; того делма святый хотяше игуменство оставить“ л. 78 на об.

³⁷ - Слова пр. Кирилла: „добро (рече) иноку молчание хранити и не стяжание и отбегати вредящих душевныя чувства“ л. 79.

³⁸ - „Немалу убо праведный скорбь имяше о Пречистыя обители Ферапонтова монастыря. Наченшу ми, рече, тамо игуменити и ничтоже их ползовавшу, и велми зазираше себе о том блаженный, како бы им помочи; понеже не у еще месцо то, рече, потребами нужными удоволися, и яко останом стречем от совести всегда попечением обители тоя“. л. 79.

³⁹ - После пр. Мартиниана игуменом в Троицком монастыре был поставлен в 1455 году Вассиан Рыло, ученик пр. Пафнутия Боровского. См. Голубинский. Преп. Сергий Радонежский. 1892, с. 135.

⁴⁰ - „Слыша же игумен и братия вси с великою радостью встретиша святаго и прияша и аки отца истинна... он же всех любезно целовав и дарми и благословением всех одарив. И бысть радость велика в братии о пришествии святаго и сотвориша праздник честен ради пришествия его“. л.80 на об.

⁴¹ - „И по мале времени начат игумен и вся братия молити святаго, дабы строительство взял места того и попечение о обители Пречистыя Богородицы“ л. 81 на об.

⁴² - И толико потрудися блаженный и подвиги показа на старость жительства своего, яко в сем чудитися и дивитися прилежащею его и усердию еже по Бозе“ л. 82 на об.

⁴³ - „Яко же от некоего сокровища емля от недр своих ино от устава Кириллова монастыря и ино от Живоначальныя Троицы Сергиева монастыря“ л. 82 на об. и 83 „все же бывающие игумены и братии обители тоя по чину яко к некоему кладязю бяше неисчерпаемому приходяще... сице и о телесных попечениих бяху весь совет и указание о потребных монастыря того вси приемлюще бяху от пр. Мартиниана“ л. 83. Таким образом пр. Мартиниан по возвращении в Ферапонтов взял на себя не игуменство (ср. Горский. Описание Троицкой Лавры в Чт. О. Ист. 1878 г. IV, 63–64), а строительство над монастырем.

⁴⁴ - Эта поездка Пахомия на Белозеро была в 1461 или 1462 году. См. Ключевский. Жития святых стр. 123.

⁴⁵ - „Елма же аз слышав от самовидца того жития, говорит Пахомий, паче же достовернейша всех, от самого того ученика Мартиниана именем, бывшаго игумена тезоименитаго монастыря Сергиева зовома, иже от мала возраста живша со святым Кириллом, иже и ведый известно о святем, с поряду вся сказование мне о нем“. Житие пр. Кирилла, ркп. Соф. Библ. №1322 л. 68 на об. Писатель жития пр. Мартиниана приводит этот отзыв Пахомия о Мартиниане. Рук. Соф. б. №467 л. 85. Некоторые места жития пр. Кирилла несомненно записаны Пахомием со слов Мартиниана, как напр. упомянутый выше

случай обличения Мартиниана пр. Кириллом за несоблюдение в точности монастырского устава (ркп. Соф. б. 1322 л.73) или рассказ о явлении пр. Кирилла по его кончине пр. Мартиниану с целью успокоить инока Феодора, который при жизни пр. Кирилла сетовал на него за отказ от сел, пожертвованных боярином. Там же л. 79.

⁴⁶ - „И до самых последних дней не отступи от соборного пения, о келейном же что и глаголати, такожде бяше и пощение соверши, якоже научен бысть от отца своего преподобного Кирилла, на соборное же пение братиею возим, иногда руками поддержим бяше старости ради и немоющи многия“ л. 92.

⁴⁷ - „Жит же в чернечестве множае седмидесяти лет преблаженный и преподобный отец наш Мартиниан и представися к Богу от дней в неделю в старости добрей в совершенном образе в лето 6991 года месяца генваря в 12 день“ л. 94. В отрывке из летописи начала XVI в. известие о смерти пр. Мартиниана записано так: „в лето 6991 генваря 12 в неделю преставися старец Мартемиян ферапонтовскій“. Ркп. Сборник И. П. Библ. древлехр. Погодина №1554 отр.3, л. 20 об.

⁴⁸ - „В лето 7022 (1513) году“ (говорится в „Житии“ л. 98), „октовория в 7 день“ добавлено в ферапонтовском списке (л. 106), но в отрывке из летописи XVI в. время смерти Иоасафа определяется иначе: „в лето 7021 (1512) месяца октября 6 на память апостола Фомы в год вечерни“, Рукоп. Имп. П. Б. №1554 (Погод.), л. 21 на об. Отдаем предпочтение показанию летописи.

⁴⁹ - „Помянув добродорие его, понеже сродник он бяше великаго князя, но и постриженник преподобного Мартиниана и ученик; сего ради бяше восхотеша у святаго положити и, Богу тако изволшу“. л. 99.

⁵⁰ - „Егда честную ону раку открыша, вода от обою страну ковчега видяшеся, телеси же святаго и риз его никако же сотвори вредити, яко же иногда древле в преподобного гробе Сергия явися такожде вода“ л. 99 на об.

⁵¹ - л. 100.

⁵² - 100 на об.

⁵³ - „Растяше утроба его, уже и смерти надеяшеся ...отец же его духовный взят от воды тоя испити ему повеле и мазаше чрево его и все тело, и от того дни здрав бысть человек той“ л. 101.

⁵⁴ - „Человек некый мирянин, имя ему бяше Губа, по диак бяше христианом тем приходником“ л. 101 на об.

⁵⁵ - „Веде же и аз недостойный неких от братий, глаголющих о богоодарованней сей воде: аще бы ныне такова вода была, многими златники каплю едину куповали быхом, и свидетельствуют о ней глаголюще: несть ея вид, якоже есть земным водам естество, но чиста бяше всяко и светла, якоже слеза некая“ л. 102.

⁵⁶ - Мощи пр. Мартиниана после их обретения не были оставлены поверх земли, а были опять скрыты в ней вместе с гробом и таким образом доселе почивают „под спудом“.

⁵⁷ - „Все уди его разслабели беша и гниаше плоть его, уже ни ходити могий ниже сам кормитися“ л. 102 на об.

⁵⁸ - („Чюдо) о разслабленнем“ л. 102 на об. – 106.

⁵⁹ - „(Чюдо 5) о беснующейся жене“ л. 106 на об. – 107 на об.

⁶⁰ - „(Чюдо 6) о друзей жене беснующейся“. л. 107 на об. – 109.

⁶¹ - „Аз же слышах от священника того сия из уст писанию предах, яко не ложен бяше свидетель и самовидец не токмо сим, но и первым слышатель и свидетель истый, полчетвертацать (35) бо лет священствуя бяше в едином месте у святаго пророка Илии и в обители Пречистыя всегда недели своея чреду служаше и молебная пения; и ина чудодействия слышах многая, ведомая человеком и неведомая“ л. 114. Священника этого звали Симеон (л.113). Неизвестно, на каком основании Н. П. Успенский, в статье о Ферапонтове монастыре („Новгородский Епарх. Ведомости“ 1898г., №11, стр. 668), называет автором житий „пр. Ферапонта и Мартиниана иеромонаха Кириллова монастыря Матфея, бывшаго первоначально священником при Цыпинской церкви (Ильи пророка) Ферапонтова монастыря, очевидца многих чудес, бывших при обретении мощей св.

Мартиниана“. Автор, описывавший чудеса, ни разу не называет очевидцем их ни себя, ни иеромонаха Матфея.”

⁶² - „Мати же его аки мертва с плачем провожающи, видя странное видение сына своего, не токмо бяше безгласна его зрящи, но и главе его кроме крепости телесныя трясатися и очи его замжарени бяху“. л. 111 на об.

⁶³ - „(Чюдо 8) о юноши беснующемся Никифорове“ л.110 на об. – 113.

⁶⁴ - „(Чюдо 9) о диаке Семионе беснующемся“ л. 113–115.

⁶⁵ - „К сим же и сие повелено ми бяше, новоявленное сие чудо великаго милосердия Божия явственно сотворити: бысть рече“ и т. д. л. 115. Это чудо представляет позднейшую приписку к житию, первоначальная редакция которого оканчивалась описанием 9 чуда, как это видно из его заключительных слов: „ему же слава, ныне и присно и во веки веков аминь“.

⁶⁶ - „Служения же его бяше крылосная от средних в чину“. 118.

⁶⁷ - „с великою верою вниде в гробницу к гробу пр. Мартиниана“. „Гробницею“, очевидно, называлась палатка или часовня, устроенная над гробом пр. Мартиниана.

⁶⁸ - „(Чюдо 10) о юноши болящем“ л. 115–120.

⁶⁹ - Об этих соборах см. Ключевский. „Жития святых“, стр. 221–228. В. Васильев. „История канонизации русских святых“. Москва. 1893, стр. 156–203 и написанное по поводу последней книги исследование проф. Голубинского: „История канонизации святых в русской церкви“. Москва, 1894, стр. 62–78.

⁷⁰ - Житие л. 15.

⁷¹ - Л. 94 об.–96 об. Она помещена вслед за рассказом о кончине и погребении пр. Мартиниана.

⁷² - Грамоту эту, и именно список ее, посланный на Вологду и Белоозеро, см. в Актах Арх. Экспедиции т. I, №213.

⁷³ - Игуменом в Ферапонтове был в то время Гурий (см. Строев Списки иерархов, стр. 81–83). О поездке Гурия в Москву говорится, как мы выше видели, в описании 10 чуда: Гурий в рождественском посту собирался ехать в Москву, „потреб ради монастырских“ (л. 117). Во время этой поездки он вероятно и

вручил митрополиту написанные в Ферапонтове житие и чудеса. По возвращении его в Ферапонтов к житию прибавлено было по его приказанию („повелено ми бяше“ говорит писатель) описание 10 чуда, случившегося в его отсутствие. Тогда же, может быть, сделана и приводимая вставка о канонизации пр. Ферапонта и Мартиниана. В рукописи XVI в., принадлежащей библиотеке с.-петербургской духовной Академии (Соф. библ. №467 ,прежде 741), эта вставка уже имеется. Отсутствие ее в других древних списках (см. Ключевский с. 273) можно объяснить тем, что эти списки могли быть сделаны с того экземпляра жития, который был оставлен игуменом в Москве.

⁷⁴ - Васильев. История канонизации, с. 187–188 прим.

⁷⁵ - Голубинский. „История канонизации“, стр. 79.

⁷⁶ - Макарий. „История Русской Церкви“ т. VII, с. 450.

⁷⁷ - Если допустить, что запись о канонизации сделана при игумене Гурии и содержит верные сведения об иерархах, присутствовавших при канонизации пр. Ферапонта и Мартиниана, то невольно является предположение, не дано ли разрешение на празднование этим святым хотя отцами собора 1547 года, но уже после закрытия собора и рассылки грамоты, когда святители еще не успели уехать из Москвы. Рассудив, что „неправедно есть отставити“ белозерских угодников по той причине, что жития их не попали на собор, Макарий, нужно думать, не захотел отпустить ферапонтовского игумена, так сказать, с пустыми руками, а „благослови и повеле игумену тоя обители пети и праздновати святых отец“. Но в грамоту собора пр. Ферапонт и Мартиниан уже не могли быть включены. Это обстоятельство не могло не смущать иноков Ферапонтова монастыря и вызвало необходимость вставки: „да не соблазнятся нецыи“. Если бы пр. Ферапонт и Мартиниан были канонизованы обычным образом вместе с прочими святыми, с упоминанием в грамоте об установлении им празднования (местного или более обширного), то повода к соблазну не было бы; тогда не было бы нужды писать упомянутую вставку и доказывать в ней, что пр. Ферапонт и Мартиниан, согласно благословению митрополита Макария, должны быть почитаемы не в одном только Ферапонтове монастыре. Можно, поэтому,

думать, что благословение митрополита Макария и прочих святителей не сопровождалось грамотой и потому не имело строго официального характера, если только не подтверждено было последующими соборами. Заметим, что и патриарху Никону, по-видимому, не известен был факт официальной соборной канонизации („свидетельствования“) пр. Ферапонта и Мартиниана. „Дело о патриархе Никоне“. Изд. Археогр. Комиссии. Спб. 1897, №100, стр. 370. О возможности канонизации „путем устным“, без указов, см. Голубинский. С. 238.

⁷⁸ - Голубинский. Там же с. 24.

⁷⁹ - Там же, стр. 79.

⁸⁰ - Житие л. 96. Едва ли можно согласиться с пониманием этого места у Строева (Библиологический словарь, с. 336) будто в приведенных словах „автор ропщет на то, что митрополит Макарий с освященным собором определил праздновать святым Ферапонту и Мартиниану только в обители Ферапонтовой“. Напротив, автор восстает против мысли о том, что такое повеление было сделано митрополитом.

⁸¹ - Обиходник старца Кириллова монастыря Матфея Никифорова. Соф. Биб. №1162 л. 148.

⁸² - „В святцах Троице-Сергиевой лавры под 15 Мая замечено: по уложению митр. Макария и прочих святителей российских поют с величанием Еуфросину и Авраамию Смоленскому и Мартиниану Белоезерскому“. Васильев. с. 186 прим.

⁸³ - См. Строев. Библиологический словарь. Сборник отд. Рус. яз. и словесности Имп. Акад. Наук т. XXIX. 1882. №4 стр. 336. Барсуков. Источники русской агиографии. Спб. 1882 с. 355. 614. Житие пр. Ферапонта и Мартиниана и канон последнему упоминаются в числе книг патриарха Филарета Никитича. Русск. Истор. Библиотека III, 908, 909.

⁸⁴ - Барсуков. с. 355, 614. О пр. Ферапонте см. под 14 февраля: подобием сед, брада и власы аки у Власия (ср. о Власии под 6 февраля: „подобием надсед, брада долга, раздвоилась на обе стороны“), ризы монашеския“ и под 27 мая: „подобием стар и сед, власы с ушей, брада аки Сергиева,

подоле и пошире, ризы преподобническия". О пр. Мартиниане под 11 января: „подобием сед, брада аки Власиева, ризы преподобническия, инии пишут поповския“. Филимонов. Сводный иконописный подлинник XVIII века. Москва. 1874, стр. 46, 43. Описание изображения пр. Мартиниана, игумена Ферапонтова монастыря, находится также в списке подлинника (XVII в.), принадлежащего Имп. Публ. Библиотеке (древле хр. Погодина №1928 под 13 февраля). См. Д. Григоров. Русский иконописный подлинник. Записки Имп. Русского Археол. Общества. Спб. 1887, т. III, вып. I. Новая серия, стр. 142, 143. В Кириллове монастыре еще в конце XVII в. (1585) пр. Ферапонт и Мартиниан вместе с прочими святыми изображались фресковой живописью на сводах святых ворот. См. Н. К. Никольский. Кирилло-белозерский монастырь и его устройство. Том I, вып. 1, Спб., 1897, стр. 195, 196.

⁸⁵ - В конце XV в. монастыри Кириллов и Ферапонтов были центрами, вокруг которых группировались другие маленькие монастырьки. В грамоте вел. Княгини Марии Ярославовны кирилловскому архимандриту Нифонту (от 1477 года) о раздаче по монастырям кормовых денег, между прочим, читаем: „в ваш монастырь по 4 рубли, то вам и с вашими монастыри с теми, которые к вашему монастырю тянут, в Ферапонтов давайте по 3 рубли, то им с их монастыри с теми, которые к Ферапонтову тянут“. См. Дополн. к Актам Истор. I, №210. Эти монастырьки, состоявшие иногда из 2–3 старцев, исчезли без всякого следа. Но еще в конце XVI века встречаем упоминание о существовании при Соровской Рождественской церкви (верстах в 12 от Ферапонтова) 4 келий, в которых „живут старцы черноризцы, а питаются от церкви Божией“. Писцовые книги, издаваемые Имп. Рус. Геогр. Обществом. Ч. I, отд. 2. Белозерский уезд 411–417 стр.

⁸⁶ - Ркп. Житие л. 88.

⁸⁷ - Там же, л. 88 об.–91 об. Степенная Книга. Изд. Миллера. Москва . 1775, ч. II, стр. 175, 176.

⁸⁸ - О происхождении и звании Галактиона говорится только в Степенной Книге: „Во время же оно бысть в Ферапонтове

монастыре, и жена Белеозере, некий инок именем Галахтион, родом Белоозерец, и прииде во иночество от воинского чина".

⁸⁹ - „Яко юрод вменяшеся“. Степ. Книга. „И сиа от него известно видеша, яко блаженным Мартинианом разсудися и благословен бысть от него на чудное сие и блаженное делание“. Жит. л. 90 об.

⁹⁰ - Степ. Кн.: „его же вси тогда яко свята имеяху“.

⁹¹ - Автор Истории Российской Иерархии говорит, что пожар, опустошивший монастырь, был пред кончиною пр. Мартиниана (И. Р. I. т. VI, 853). Правда, рассказ о пожаре в связи с сведениями о бл. Галактионе помещен в житии прежде рассказа о кончине пр. Мартиниана, но отсюда еще не следует, что пожар предшествовал кончине преподобного. Иоасаф в рассказе о пожаре называется „бывшим владыкою“ и „владыкою“, а в этом сане он жил в Ферапонтове уже после смерти пр. Мартиниана.

⁹² - „Иоасаф, бывый владыка ростовския земли, востужи си зело о положении вещи некия монастырского ради строения“. Жит. л. 89.

⁹³ - Жит. л. 88 об.–90.

⁹⁴ - л. 91.

⁹⁵ - „Инии монастыря того скорбящеся, поведаше же о сих прежде реченному иноку Галахтиону, он же яко спроста глагола им, сице пророчествуя: „не толико сего будет, но многажды имать подвизатися великий князь Василий на Казанское царство, и ничтоже успеет, некогда же последи богодатный сын его той одолев и обладает Казанским царством“. Ст. Кн. 176.

⁹⁶ - Книга глаголемая описание о российских святых, изд. гр. М. Толстым в Чт. Общ. Истории и Древностей 1887, IV, стр. 143. Филарет. Жития святых. Изд. 2. Спб . 1892 под 12 января.

⁹⁷ - Книга о святых, там же. Архимандрит Леонид. Святая Русь. Спб. 1891, стр. 253.

⁹⁸ - Книга о святых говоря, что бл. Галактион погребен у ног пр. Мартиниана, очевидно, смешивает его с погребенным здесь архиепископом Иоасафом.

⁹⁹ - Об этой неточности замечено было выше см. стр. 23, прим. 2. По Строеву, Филофей упоминается игуменом

Ферапонтова монастыря в 1467 году. Строев. Списки, стр. 81.

¹⁰⁰ - См. Строев. Ср. Однако Соф. 2 лет.: в лето 6980 ноября 8 поставил епископа Перми Филофея, бывший игумен Ферапонтова монастыря. Полн. Собр. Рус. Лет. VI, 194.

¹⁰¹ - „Правосл. Обозр.“ 1880, III, 749, статья Грандицкого об архиепископе новгородском Геннадии.

¹⁰² - Полн. Соб. Рус. Лет. VI, 240.

¹⁰³ - Рукоп. И. П. Б. №1554, л. 22: „В лето 7016 месяца октября во 2 день на память св. муч. Киприана и Устиньи на третьем часе нощи преставися Филофей, бывый епископ пермский и вологодской, в Ферапонтове монастыре в своем пострижении“.

¹⁰⁴ - См. А. Титов. Предания о ростовских князьях. М. 1885, стр. 134. В статье «Древния святыни Ростова» (Чт. М. О. И. Л. 1847, №2), он назван Иоасафом Михайловичем. Иван Никитич и Иоасаф Михайлович были двоюродные братья. См. Росс. родосл. Сборник. Спб. 1841, I, 60.

¹⁰⁵ - Это предание впервые напечатано было в „Яросл. Епарх. Ведомостях“ 1875, №46, по рукописи крестьянина Артынова, но с большими искажениями. В более полном и исправном виде оно изложено в упомянутой книге Титова, стр. 132–141. Здесь дело представляется таким образом, что архиепископ Иоасаф сам рассказывает эту историю в беседе с князем Луговским и казанским царевичем Кайдакулом, которого он обращал в православие.

¹⁰⁶ - В Списках Строева Иоасаф стоит в числе игуменов Ферапонтова монастыря, но о. Диев сомневается в том, чтобы он был хиротонисан из монастырских настоятелей. Материалы для истории русск. церкви. Чтения в Общ. Люб. Дух. Просв. 1890. май–июнь, стр. 115. В рукоп. Синодике Ферапонтова монастыря 1641 года в списке игуменов (лист 19), имеющем большие различия от списка Строева, упоминаются, почти рядом, два Иоасафа до игумена Сильвестра (1511). Один из них, по всей вероятности, был князь Оболенский.

¹⁰⁷ - „Того же лета (6989) поставлен бысть Ростову архиепископ Иоасаф, бывал князь Оболенский, а приведошаго с

Белаозера с Ферапонтова монастыря". П. С. Р. Л. VI, 232.

¹⁰⁸ - Там же, IV, 154.

¹⁰⁹ - Там же, VI, 223. Макарий, И. Р. Ц. VI, 66.

¹¹⁰ - Антиминс Бородавской церкви, один из древнейших писанных антиминсов, найден был священником этой церкви, благочинным Павлом Левицким, в 1866 г. и хранится теперь в ризнице Александро-Невской Лавры. Он сделан из холста и отличается малыми размерами (3½ вершка в длину и ширину). Крест на нем шестиконечный, под крестом на средин надпись: „Освятися олтарь великаго Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа в церкви Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы честнаго Положения ризы смиренным Архиепископом Иоасафом при благоверном Князе Иване Васильевиче и сыне его Великом Князе Иване Ивановиче в лето 6994 на память Покрова Пресвятыя Богородицы“. См. Описание этого антиминса и снимок с него в исследованииprotoиерея К. Т. Никольского „Об антиминсах православной русской церкви“. Спб. 1872, стр. 293–294, рис. Б.

¹¹¹ - Шевырев. Поездка в Кириллобелозерский монастырь. М. 1850. Ч. II, стр. 90. Там помещен и рисунок внешнего вида церкви в 1847 году. Ризположенская Бородавская церковь находится в селе Бородаеве Кирилловского уезда и приписана к Вогнемской приходской церкви, находящейся от нее в 3 верстах. Эта небольшая церковка представляет собою редкий и хорошо сохранившийся образец древнерусских деревянных храмов. Она не подвергалась существенным переделкам; только в недавнее время к ней пристроена паперть, а два года тому назад ее покрыли снаружи тесом и выкрасили масляной краской, что от части изменило ее древний вид. Внутри она, можно думать, осталась в том же виде, как была 400 лет тому назад, только волоковые окна заменены рамами. Иконостас, царские двери, деревянные подсвечники – отличаются древностью и простотою устройства. При церкви хранятся древние облачения. Снаружи при входе висит большое железное било. Прилагаемые здесь рисунки внешнего (стр. 49) и внутреннего вида (стр. 57) этой древней церкви, воспроизведены с фотографий, сделанных нами летом 1897 года. Чтобы читатель мог судить о том, какой вид

имела эта церковь 50 лет тому назад, когда видел ее Шевырев, приводим здесь также рисунок из его книги в несколько уменьшенном виде (стр. 43).

¹¹² - Эта грамота любопытна по перечислению тех многочисленных даней и пошлин, которыми бывали обложены церкви в старину. „Се яз Архиепископ Тихон Ростовский и Ярославский и Белозерский бывшего деля архиепископа Иоасафа пожаловал есмь: что поставил церковь он же на нове Риз Положения св. Богородицы на Бородаве, и у тое церкви кто будет игумен и поп и диякон, не надобе им моя дань Петровская и Рождественская, ни десятина, ни данские пошлины, ни десятинничи пошлины, ни доводщычи, ни заездчики, ни зазывщычи, ни благословенная куница, ни явленная куница с грамотою, ни полоть, ни иные ни которые пошлины, ни что по ряду; ни казенных алтынов ни дают, ни писчего, ни людского. А дана грамота лета девятьдесят седьмого месяца апреля в 1 день. Подписал архиепископль дьяк Федор Сытин“. Акты Арх. Эксп. I, №125.

¹¹³ - П. С. Р. Л. VI, 238: „в лето 6997“. 15 янв. 1489 года был хиротонисан его преемник Тихон. См. Материалы в Ч. О. Люб. Дух. Пр. 1890, май–июнь, стр. 115, 116.

¹¹⁴ - См. это послание в Чт. Общ. Ист. и Др. 1847. VIII. „Бывшему архиепископу ростовскому и ярославскому Иасафу. В лето 6997 февр. 23, 24 и 25 преписах сие послание“.

¹¹⁵ - Преосв. Филарет говорит, что „Иоасаф удалился на покой отягченный гневом князя“. Филарет. Жития. Октябрь, 2 число. Но по-видимому гнев князя был не причиной, а следствием удаления Иоасафа на покой.

¹¹⁶ - См. Стр. 29.

¹¹⁷ - Упоминается игуменом в 1530 г. (Акты юрид. №154) и в 1533 г. (А. А. Э. I, №176) годах.

¹¹⁸ - Строев. Списки, стр. 665.

¹¹⁹ - Житие преп. Кассиана написано в XVI в. около 1560 года (Ключевский, 299) со слов „боговдохновенного“ старца Ферапонтова монастыря Силуана, а также учеников преподобного, и помещено в Прологе под 21 мая.

120 - „Сей убо пр. Касиян роду убо от великого и старого Рима царствующего града нарицаемаго амория... родство и господство имея княжения своего глаголемо от Макнува“. Житие рк. И. П. Б. №1563, л. 64. Макнув=Мангуп-Калев Крыму. А. Титов. Учемская Кассианова пустынь. „Ист. Вест.“ 1895, август, стр. 394.

121 - О браке этом см. П. Пирлинг. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане. Спб. Изд. Суворина. 1892.

122 - „Посылает же тогда и первопрестольник папа Римский послов проводити царевну благочинно и велелепно... в них же сей благоверный князь Константин макнувский“. Ркп. И. П. Б. №1563, л. 65 на об. О Константине, как спутнике Софии, упоминает и Пирлинг (стр. 69).

123 - В житии пр. Паисия Угличского говорится, что пр. Кассиан живал в его обители до поступления к архиепископу Иоасафу; он был там в 1479 и еще в 1482 году при основании и освящении храма Покрова Пр. Богородицы. См. Филарет. Жития, под 2 октября.

124 - „Предаша ему в монастыре келью, некоему приказаша его бречи священномонаху Филарету имянем“. Ркп. жит., л. 67.

125 - Заметим, что это было еще до открытия мощей пр. Мартиниана.

126 - Ркп. жит., л. 67 на об.-69.

127 - Это было не позже 1491 года, когда умер князь Андрей Угличский. Житие не говорит о причинах, побудивших Кассиана уйти из Ферапонтовой обители в сопровождении других иноков. Не было ли поводом к выселению иноков из Ферапонта временное оскудение монастыря после выше упомянутого пожара, истребившего в нем братские кельи и новую трапезу?

128 - Кассианова-Успенская-Богородице-Пречистенская-Учемская мужская пустынь, находится в Ярославской губернии, в Угличском уезде. В 1764 году упразднена. См. Зверинский. Материалы для историко-топографического описания монастырей, II, №861. А. Титов. Учемская Кассианова пустынь. „Ист. Вест.“ 1895, стр. 392–410.

129 - Архангельский. Нил Сорский. Спб. 1882, стр. 55. 56. Того же мнения были преосв. Филарет и Макарий.

130 - Яко изведе тя (Бог) из земли Египетския в землю Израилеву и сотвори тя познати Единаго Себе, истиннаго Бога нашего Иисуса Христа, во плоти пришедшаго, и крещением Его крестився, и потом сподоби тя ангельскому образу еже у нас начало положити во убогой нашей келейце. Там же. 77.

131 - „В лето 7022 месяца июня в 4 день на память иже во святых отца нашего Андрея Критского преставися старец Варлаам доброписец в Ферапонтове монастыре“. Ркп. И. П. Б. №1554, л. 22.

132 - „Да есть ли у вас в Кириллове или в Фарафонтове или на Каменном книги (следует перечисление), занеже те книги у еретиков все есть“.

133 - Ферапонтовские рукописи находятся в настоящее время в разных местах: в Императорской Публичной Библиотеке, в библиотеке Спб. Духовной Академии (Софийской и Кирилловской); их можно также встретить в разных монастырях и в руках частных лиц.

134 - См. у Карамзина VI, пр. 629.

135 - „Изложение о православней вере Спиридона архиепископа киевского всея Руси“ в сборнике Кириллова монастыря, №1451 Соф. Библ. Спб. Дух. Академии, л. 243 „фенгари семтеврия 8 каланде. бел ег (sic) соборный святейшего патриарха Кир Рафаила Константинополя Нового Рима и иже о нем священнаго собора святых митрополит и боголюбивых епископ, по благословению священнаго сего собора и рукоположение честного пресвитерства и о Христе диаконства благословение прияхом поставление Киевскыя митрополья всеа руси“. Таким образом, Спиридон поехал в Царьград простым чернецом, не имевшим священнаго сана, а вернулся оттуда митрополитом.

136 - „Того же лета (6990) приездил из Литвы от Митрополии же чернец бывал, его же Сатаною зовут за ревность его: и шед в Царьград, ста в митрополиты на Русь и приеха в Литву. Король же ят его и посади в заточение. И сказаша от него князю великому: яко много, рече, мощей от патриарха везох к тебе, король же вся поима к себе. Князь же великий держа долго пана того и отпусти рек: не подымати рати, ни воеватися с королем за

се“. Соф. Временник II, 223. Ср. Львовскую летопись у Карамзина (VI, пр. 475): „Приезжал посол из Литвы от митрополита, иже зде чернец бывал и пр.

¹³⁷ - „Отрицаюся Исаида и к нему приобщения и ученика его Григория с ним и Спиридона, нарицаемаго Сатану, взыскавшаго в Царыграде поставления в области безбожных турков поганского царя, также и всех тех отрицаюся, еже по нем когда случится кому прийти на Киев от Рималатынского или от Царяграда турецкия державы“. Волокол. Ркп. 284. См. Филарет. История Русской Церкви. Изд.6, 1875, стр. 309.

¹³⁸ - Ркп. Соф. библ. №1451, л. 243–257.

¹³⁹ - л. 243 об.

¹⁴⁰ - „Аз же законопреступники возненавидех, закон же Твой возлюбих Владыки Христа моего и Бога... сего ради и страждем доуз, яко злодеи, делающе своими руками, да никому ничим тяжци будем“.

¹⁴¹ - „да не будем, любимии, злату хранители и серебру собиратели и ризам мягкым любиви“ и т. п.

¹⁴² - „И бывшу ми, разсказывает Досифей, на Белеозере в Ферапонтове монастыре и понудих тамо пребывающа бывшаго митрополита Спиридона преписати и изложити стройно житие начальников соловецких и написанные тыяпамяти дах ему, бе бо он тому мудр умеля писания ветхая и новая, и Божиим изволением не отречеся, понуди старость свою и написана общую пользу“. Ркп. Соф. библ. (сб. Кир. Мон.) №1490. Жития пр. Зосимы и Савватия, л. 84. О сотворении жития.

¹⁴³ - „В лето 7011 списашася жития сия... митрополитом всея Руси Спиридоном, поточену ми бывшу тогда в стране Белаозера в монастыри Пречистыя Богородицы Ферапонтове, понужену ми сущу от некоего мниха тыя обители соловецкия именем Досифея“. Там же, л. 85 об.

¹⁴⁴ - Ключевский. Древнерусские жития святых, стр. 200 прим.

¹⁴⁵ - В июле 1504 года Геннадий был уже удален с кафедры, а в декабре 1505 скончался. Ключевский, там же.

¹⁴⁶ - Напр., преосв. Филарет. И. Р. Ц., стр. 304.

¹⁴⁷ - Напечатано Бодянским в Чт. М. Общ. Истории 1847, VIII. Полное заглавие сказания таково: „Выпись из государевы грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочетании второго брака и о разлучении первого брака чадородия ради, творение Паисеино старца Ферапонта монастыря“.

¹⁴⁸ - Грамоты из Афона, по словам сказания, присланы были с Гавриилом „старцем Ферапонта монастыря св. горы“, которого привез с собою из Крыма посол великого князя Иван Колычев.

¹⁴⁹ - Макарий. И. Р. Ц. VI, 173, 174. Ср. Иловайский. История России, III, 609.

¹⁵⁰ - Таковы, напр., слова: „друкели, урдюкели, ардарила, сарападасийстии, келевдерии, дохери, ароуны, тефлизы“. Некоторые из этих слов пояснены в самом сказании. Например: о друкелех, или урдюкелех, рекше о православных христианех; Сарападастийстии, рекше болярстии; ардарила, рекше шапку.

¹⁵¹ - «Есть монастырь на месте том зело красен, много имущи братии Господеви работающих даже и до сего дне». Макарий И. Р. Ц. т. IV, прилож. XXI.

¹⁵² - У преосв. Филарета в Житиях Святых (под 12 января) говорится об „уцелевших памятниках, которые представляют заботливость игумена Мартиниана о Ферапонтовой обители“. Здесь, очевидно, разумеются каменные постройки монастыря, но они возникли уже после пр. Мартиниана.

¹⁵³ - К сожалению, эта надпись, писанная вязью, в нескольких местах стерлась и повреждена трещиной. Стерлась и последняя цифра в дате, хотя по оставшимся следам (две точки рядом) можно догадываться, что это был он (8). Вот эта надпись: „в лето „з.. мц ^ а августа в 5 на преображение Га нашего ИС ХА начата бысть по... церковь + а кончана на вле мца сетаврея в и на ржество престыя влца нашыа бца мриа:.. при благоверном великом князе иване василиевиче всеа руси. и при великом князе василие иванов. всеа руси. при... хоне + а писци (?) деонисие иконник с своими ч... о... вс... избави их ги муки вечныя...» Упоминаемый здесь Дионисий иконник не тот ли знаменитый в свое время иконописец Дионисий, которому в 1482

заказывал писать иконы архиепископ ростовский Вассиан (П. С. Р. Л. VI, 233)?

154 - Ср. проф. Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь. 1897. I, 276 пр.

155 - Вид ее взят нами из упом. Книги проф. Н. К. Никольского „Кирилло Белозерский монастырь“.

156 - „1788 сентября в... в день поновлена бысть сия соборная церковь стенное письмо и связана связи железными радением и рачением игумена Павла и добродеющих в пречестную церковь сию“.

157 - „В лето 7038 го(да) мца июля в 11 день стые прехвальные великомученицы Евфимии написана бысть икона... чуднаго таинства... при митрополите... и при архиепископе Кирилле ростовском по благословению... отца нашего игумена Ферапонта...“.

158 - „Посреди церкви против Спасова образа государева жалованья царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Росии поникадило медное о дватцати шанданех весом семнатцать пуд двенадцать гривенок (фунтов)“. Отписныя книги Ферапонтова монастыря 7181 (1673) года, ркп. Архива Кириллова монастыря №108 (по нумерации Н. П. Успенского) л. 15 об. Время пожертвования этого паникалила (20 июля 7147 года) известно из вкладной книги и взято нами из описи ферапонтовской приходской церкви. Самая вкладная книга, к сожалению, утрачена.

159 - В тверском музее хранятся остатки царского паникалила с таким же орнаментом (литые в завивных рожках рыцарские головки). Полагают, что паникалило это остаток утвари, пожертвованной Грозным, и что упомянутый орнамент представляет собою портретное изображение жертвователя. (См. Описание Тверского Музея. Археол. Отд. А. К. Жизневского. М. 1888, с. 132, №590.

160 - „Лета 7038 начата бысть сия церковь делати во имя Владычицы Богородицы честного Ея Благовещения у святыя трапезы при благоверном великом князе Василие Ивановиче всея руси, при архиепископе ростовском Кирилле и при игумене ферапонтовском Ферапонте. а совершена бысть при сыне его

при великом князе Иване Васильевиче всея русии. а священа бысть при архиепископе Кирилле, при игумене Ферапонте, лета 7043 ноября 21 на праздник Пресвятыя Богородицы честнаго ея введения“. Ср. Показания летописи: „в лето 7043 совершена бысть в Ферапонтове монастыре трапеза и церковь кирпичная теплая. В лето 7045 (1536) месяца декабря в 3 день на память пророка Софонии освящена бысть церковь теплая благовещения пресв. Богородицы в ферапонтове монастыре“. Ркп. И. П. Б. сб. №1554. Неизвестно, чем объясняется это разногласие надписи с летописной заметкой.

161 - „В лето 7043 дал Иван Третьяков колокол в ферапонтов монастырь. – В лето 7044 слил колокол в ферапонтов монастырь Дмитрий Семенович Воронцов“ Ркп. И. П. Б. сб. №1554 (Погод.) л. 26.

162 - Об осаде литовцами Кириллова монастыря см. в упом. Исследовании проф. Н. К. Никольского „Кирилло-Белозерский монастырь“ I с. 50–60.

163 - Дополн. к Акт. Ист. т. II, №27.

164 - „Лета 7148 зачата бысть сия церковь во имя отца нашего Мартиниана при благоверном царе и великом князе Михаиле Феодоровиче всея русии и при благоверном цесаревиче великом князе Алексее Михайловиче и при митрополите Варлааме ростовском и при игумене Герасиме и при строителе старце Петре, а совершена бысть церковь сия в 149 году августа...“. Надпись эту, замазанную известью, теперь с трудом можно разобрать. Ее читал в пятидесятых годах А. Н. Муравьев. Но в книге его «Русская Фиваида на Севере» дата надписи сообщена неверно: в лето 7083 (1495, sic.), с. 385.

165 - «Божию милостию и пресвятые Богородицы помощью подписана бысть рака сия преп. Отца нашего Мартиниана со всею резью и позлащена в лето 7154 месяца марта в 17 день, при державе государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея русии и при Иосифе патриархе московском и всея русии, и при Варлааме митрополите ростовском и ярославском, и при игумене Варламе Ферапонтова монастыря». На восточной стороне раки находится следующий неизвестно куда относящийся отрывок надписи: «...лите Кириле. и

архиепископе ростовском Корнилие. и при игумене Игнатие тоя обители». А. Н. Муравьев, читавший эту надпись, принял последнюю цифру в дате д' за а' и прочитал 7151 вместо 7154. Русская Фиваида, с. 385.

¹⁶⁶ - Надпись на кресте церкви Богоявления: «Освятися олтарь сей Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и водружен бысть крест сей в церкви Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа лета 7157 месяца августа в 28 день при благоверном царе и великом князе Алексее Михайловиче всея России и при патриархе Иосифе Московском и всея России и при митрополите Варлааме ростовском и ярославском». Церковь пр. Ферапонта освящена «лета 7158 октября в 9 день», т. е. почти через 1½ месяца после освящения Богоявленской церкви. Мы опять должны отметить неверность в показаниях А. Н. Муравьева, по словам которого Богоявленская церковь «была сооружена в 1645 году, как явствует из напрестольного креста». Русская Фиваида, с. 386.

¹⁶⁷ - Отписные книги Фер. мон. 1673 г. (рк.).

¹⁶⁸ - Рус. Ист. Библ. II №9. За деревню Мигачевскую „серебро платил от игумена от Кирилла чернец Денисей чернцу Ферапонту“. См. проф. Никольский I, прилож. 3, с. XLI.

¹⁶⁹ - Акты юрид. №5.

¹⁷⁰ - „Святые деля Богородицы, се яз князь Михайло Ондреевичъ пожаловал есми игумена Мартемьяна с братьею Ферапонтовой пустыни, на Цишине Онтушовская пустошь, да Ефимьевская пустошь, да Федкова пустошь Горня; да на Бородаве Волкова пустошь, да Захаровская пустошь, да Кнышевская пустошь, да в Зазерницах Гридиньская пустошь, Давыдковская пустошь, да Зиновова пустошь, да Пиласова пустошь, да Гриди Чернаго пустошь да Уломский пожни, да и что к тем пустошем потягло“... „А дана грамота того лета коли государь князь Михайло Ондреевичъ женился“. А. А. Э., I, №31.

¹⁷¹ - Акты юрид. №5.

¹⁷² - Собрание госуд. грамот и договоров, I. № 121, 122.

¹⁷³ - Кормовая книга Ферапонтова монастыря, рк. л. 6 об. и 25 об.

174 - Акты юрид. №116.

175 - Акты юрид. №3.

176 - А. А. Э. №41.

177 - Акты юрид. №122.

178 - Кормовая книга, л. 11 об. Перечень монастырских грамот в отписных книгах 1690 года, рк.

179 - А. А. Э., I, №36.

180 - Там же 44. Куплены были: „Енкинская пустошь, Мелеховская пустошь, на Кишемском острове Осташовская п., на Уломском озере остров, что к тем землям и пустошам потягло из старины, лесы и пожни, Водышеское озеро, Кишемское озеро, Палшемьское озеро, Кониньское озеро, на Уломереце 4 наволочки и куде топор ходил и коша ходила“.

181 - Так Ферапонтову принадлежали, между прочим: „деревни на Словинском Волочку, на Кленове, на Чебером озерке и на Бородаве, да в Надпорожском стану в Карголоме и в Озатках и в Лозе село Лукьянинское Козохтас деревнями да в Пунеме Вожга“. Отрывок из пересказа грамоты (7047 г. ?) на монастырские вотчины в бумагах Ферапонта монастыря.

182 - А. А. Э., I, 31 , 36, 41, 47; Акты юрид. №5.

183 - Акты юрид. №5.

184 - В 1533 году архиепископ ростовский Кирилл освободил от дани следующие шесть церквей, стоявшие на монастырской земле: „церковь Богоявления Господа нашего Иисуса Христа в Козотех, да церковь св. чудотворец Никола на Кленове, да св. пророк Илия на Цишине, да Петр святой на реце на Сусле на пустыне, да Петр же святой на Сидке, да церковь Зачатия Пр. Богородицы в Раменейце, в Белозерской десятине“. А. А. Э., I, 176.

185 - „Выпись с вологодских писцовых книг 7136–7138 г., отрывок в бумагах упразд. Ферапонта монастыря.

186 - Акты юрид. №5.

187 - Указ Белозерской провинциальной канцелярии от 13 марта 1744 года (рк. в бумагах монастыря). Шексна издавна славилась своими стерлядями („шекснинска стерлядь“ упоминается и в стихах Державина), но теперь они становятся в

ней редкостью. В XVII веке ферапонтовские крестьяне села Крохина вместе с другими крестьянами Каргулиной слободы и Великоселья брали на оброк „заповедные воды государевы“ (царские тони) на Пексне. В течение года они должны были доставить на царский рыбный двор в Белозерске 223 живых стерляди длиной по $\frac{3}{4}$ аршина „от глаза до хвостового последнего пера“. Стерляди меньше этой меры отдавались 3 за 2 и 2 за 1. За стерлядей, доставляемых сверх оброчного числа, государев рыбный двор платил: за стерлядь в аршин длиною – 10 денег, за $\frac{3}{4}$ аршина – 8д., за $\frac{1}{2}$ арш. – 3 деньги. Малые стерляди по царскому указу велено было опускать назад в воду „впредь для плода“. Дополн. к акт. ист. т. VI, №74. В настоящее время большие стерляди в Пексне попадаются очень редко.

188 - „четъ того озера царя и великаго князя... а $\frac{3}{4}$ Ферапонтова монастыря“. Писцовые книги, изд. Рус. Геогр. Общ. Ч. I, отд. 2. Спб. 1877. Белозерский уезд 411–417.

189 - Рус. Ист. Библ., II, №25.

190 - Д. Мейчик. Грамоты XV и XVI вв. Московского Архива Министерства Юстиции. 1883. М. Прилож. Стр.100.

191 - Русск. Ист. Б., II, №25.

192 - Акты юрид. №3.

193 - Там же, №11.

194 - Акты юрид. №5.

195 - Там же, №154.

196 - А. А. Э., I, 209.

197 - Опись монастырских грамот в отписных книгах 1690 года (рк.).

198 - Там же.

199 - См. Никольский, I, 1, с. 17, пр. 2.

200 - Акты юрид. №5. Но в таможенной белозер. грамоте 1497 года это право было уже ограничено: Ферапонтову позволено было торговать только в Белозерске, а „за озеро ездити не велено“. А. Э., I, 184.

201 - Содержащие этих обеих грамот, Ивана Грозного и Михаила Феодоровича (на сколько нам известно, нигде не напечатанных), изложено в отрывке рукописи XVII в., любезно

предоставленной в наше пользование досточтимым настоятелем церкви упраздненного Ферапонтова монастыря о. П. А. Разумовским вместе с другими документами – остатками монастырского архива.

202 - В перечне грамот, хранившихся в монастырской казне, упоминаются грамоты следующих князей: Михаила Андреевича (1), Ивана Васильевича Грозного (11), Феодора Ивановича (1), Владимира Андреевича (1), Михаила Феодоровича (6), Алексея Михайловича (1), Феодора Алексеевича (1), царевичей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софии (2). Отписные книги Ф. м. 1690 г. хотя этот перечень далеко не полон и не заключает в себе некоторых известных в печати грамот, но за то в нем упоминаются и такие грамоты, которые, по-видимому, доселе нигде не были изданы.

203 - Собр. госуд. грамот, I, №№121, 122.

204 - Собр. госуд. грамот, I, №132.

205 - Там же, №147.

206 - «В лето 7037 декабря ездил князь великий Василий Иванович всея Руси с в. княгинею с Еленою по монастырям молитися и был на Вологде, в Кириллове, Ферапонтове и, назад едучи, был в Ярославле». П. С. Р. Л., VI, с. 265.

207 - Одежда, похожая на узкий кафтан. См. Савваитов. Описание старинных русских утварей. 1896, с. 145.

208 - Опись царских и других вкладов в Ферапонтов монастырь. „Новг. губ. Вед.“ 1852 г., №21.

209 - Там же. Вклад Михаила Феодоровича внесен в приходо-расходную книгу 7139 (1631) года под 30 августа (рк.). В той же книге под 16 июня записано: „дано в почесть трубнику поснику Пеметову, которой приезжал з государевою грамотою, за образ и за сосудцы полтина“.

210 - Там же.

211 - Из описания церкви упраздненного Ферапонтова монастыря, составленного священником о. Арсением Разумовским в 1856 году, видно, что еще тогда хранилась при церкви книга вкладов – рукопись без начала и конца, писанная скорописью на серой бумаге в четверку и имевшая 76 листов.

Она начиналась 7042 (1534) и оканчивалась 1650 (?) годом. В ней записаны были вклады весьма многих известных в древности лиц. По словам о. Арсения, „здесь встречаются имена и роды: Патриарха Никона, патриарха Адриана, митрополитов сибирских и ростовских, архиепископов Вологодских и Белозерских, епископов новгородских и князей: Старицких, Кубенских, Ушатых, Лысковых, Бельских, Шуйских, Воротынских, Глинских, Щенятевых, Черкасских, Палецких, Кемских, Одоевских, также Годуновых, Юрьевых, Нарышкиных, Морозовых, Переметевых, Третьяковых, Собакиных, Безобразовых, Лыковых, Стрешневых и др. со вкладами о поминовении весьма, значительными по тогдашнему времени“.

212 - Дополн. к акт. ист. I, №210.

213 - Например: „корм кормити по Алексие Маркове сыне Казакове а вкладу его пятьдесят рублев – по Мисайлे по Сукине, – по Суворе Козлове – по Иоанне по роспопе ухтяжский волости и т. п.

214 - Приходорасх. кн. Фер. мон. 1673 г. (рк.)

215 - Синодик этот писан в лист уставом рукою „раба Божия Емелиана» который начал переписывать его в 7149 (1641) году. Заголовки писаны киноварью. Некоторые имена сопровождаются обозначением прозвища (поп Ворыхайло, роспопа Девятый, Иона Бурко, Кондратий Дурак, черный дьякон Антоний по реклому Ерыкало, старец Александр Тетеря, Иона Брюшина, Иов Лобан), рода занятий (барабанник, красильник, солодянник, шапочник) и даже рода смерти (зяблой, сожженой). В нескольких случаях обозначены и самые вклады (поп Немимир с Вологды дал 22 рубля, Симеон Клепало – пожно Клепалицу).

216 - О порядках управления монастырским хозяйством в Кириллове, см. этюд Н. П. Успенского: „О больших строителях Кирилло-белозерского монастыря“. Изд. Имп. Общ. Ист. . и Древностей“. М. 1896. Из всех монастырей белозерского края должность строителя была только в Кириллове и Ферапонтове, с. 43.

217 - Вот напр. роспись жалованья им в 1630 году: „Ноября в 2 день дано крылошанам и дьяком зажилово за прошлый месяц октябрь: Афонасью головщику гривна, конархисту дьякону

Серапиону гривна, псаломщику Ерему Роже два алтына, дьячку Ивану и коннику два алтына две деньги, конархисту Ондрюше два алтына две деньги, Трошеда Зинке по два алтына, Ивашку десять денег". Расходная книга Фер. мон. 7139 года (рк.).

218 - Дьякону Афанасию за то, что он многолетие кликал на Рождество и Крещенье, платили за каждое многолетье в 1627 году по 3 алт. 2 деньги, а в 1630 году по гривне. Служащий поп Дионисий в 1673 году получал в месяц 13 алт. 2 деньги.

219 - Отписные книги Фер. м. 1673 г. рк. По переписным книгам 1645–7 гг. крестьянских дворов за Ферапонтовым числилось 321. См. Никольский, I, 1 прилож. стр. X.

220 - Напр.: „два двора пусты Ортошки да Онтошки Карповых – сошли безвесно с московского разоренья". Выпись с писцовых кн. 1628–30 гг. (рк.).

221 - Дополн. к акт. ист., IV, №1.

222 - Там же, №14.

223 - Там же, №32.

224 - Проф. прот. П. Ф. Николаевский. Жизнь патр. Никона в ссылке, и заключении после осуждения его на московском соборе 1666 года. „Христианское Чтение" за 1886 г. (отд. оттиск, с. 15, 120).

225 - Отписные и приходо-расходные книги Ф. м. 1626 и 1678 гг. (рк.).

226 - Приходо-расх. кн. Фер. м. за 1673–74 г.: „Ноября в 20 день заняли у святейшего Никона патриарха пять рублей денег в кабалу на введенскую ярмарку в Кирилов монастырь. – Генваря в 10 день занято у великого господина святейшего Никона патриарха тридцать рублей в кабалу. – 8 июня у черного попа Деонисия занято на Кириловскую ярмарку четыре рубли. в 17 день занято ж у церковного старосты у Даниила Иванова церковных денег от Ильи Пророка три рубли для поездки московской. – В 14 день августа занято у святейшего Никона патриарха десять рублей на успенскую ярмарку, да у чернова попа Деонисия два рубли". Долги эти монастырь уплатил Никону в том же году: „декабря в 5 день платил (казначей Иона) по

кабале бывшему патриарху Никону десять рублей, что заимовал бывший казначей Моисей и кабала вынута“ и т. д.

227 - П. Ф. Николаевский. Жизнь Никона, с. 15, 50, 51.

228 - Там же, с. 22.

229 - Там же, с. 61, примеч.

230 - Там же, с. 120, прим. см. „Дело о патриархе Никоне“.

Изд. Археогр. Комиссии. Спб. 1897. №110.

231 - Отписные каз. книги Ф. м. 1690 года (рк.).

232 - Кореляне жили в 8–10 верстах от монастыря в Цыпинской волости. Еще доселе несколько деревень Цыпинского прихода (Вазерницы, Палшемское, Кишемское и др.) носят общее название „Корела“. В говоре местного вполне обрусовшего теперь населения встречаются иногда слова чисто корельского происхождения.

233 - Грамота Петра В. Ферапонтову монастырю от 28 мая 7205 г. „Новг. губ. Вед.“ 1852, №20.

234 - Жизнь опального патриарха в заточении на Белеозере служит предметом особого помещаемого ниже очерка.

235 - Вкладная книга Фер. мон. 1726–1789 гг. Рк. СПБ. Д. Академии л. 23: „1729 февраля 9 благоверной государыни и великой княгини Евдокии Федоровны жалованья милостыню в дом святой братии пять рублей монетов привез игумен Матфей того ж месяца в 21 день“.

236 - Описание док. и дел архива св. Синода т. II, ч. 1. 973–975.

237 - Указ вологодской консистории 7 февр. 1743 года №207 в бум. Фер. м.

238 - Строев. Списки иер. 83.

239 - Чтения М. О. Истории 1847 г., №2, стр. 79.

Воспоминания крестьянина Артынова, там же 1882, III, смесь, 131. Письма прот. М. Диева, там же 1887, I, 115.

240 - Там же, 1862 г., III, 136.

241 - В Ист. Р. Иерархии (VI, 1084) показано, конечно, ошибочно 2151 душ. Ср. Чт. И. О. Ист. 1860, III, 1 отд.

242 - Зверинский, I, стр. XI.

- 243 - Ист. Р. Иер. т. VI, 853.
- 244 - «Экстракт» в бумагах Фер. м.
- 245 - Черновая этого доношения в бумагах Фер. м.
- 246 - Полное собрание законов Российской Империи т. XXV, 1798г., №18500.
- 247 - „Ведомость учиненная из описи, присланной Ферапонтова монастыря от игумена Феофилакта, всему тому монастырю и в нем церковному и монастырскому имуществу, что нужно оставить из имущества для церкви бывшего Ферапонтова монастыря» – в бумагах Ф. м.
- 248 - Указ из Кирилловского Духовного Заказа от 29 ноября 1798, №447.
- 249 - Указ из Кирилловского Дух. Заказа от 24 февр. 1799 г., №525.
- 250 - Первым священником при церкви упраздненного Ферапонтова монастыря (если не считать переведенного сюда на короткое время, иткlobобровского священника Сергея Петрова) был священник Петр Андреев Ферапонтов (1799–1808), переведенный от Цыпинской церкви вторым сыном его Василием, третьим о. Арсением Разумовским; ныне здравствующий иерей Ферапонтовской церкви, о. Павел Арсеньевич Разумовский, четвертый со времени упразднения обители.
- 251 - Часть этих надписей на поперечной перекладине креста легко можно разобрать: это стихира кресту: «Крест хранитель всей вселенней», в древней редакции, начало тропаря: «Спаси Господи люди своя» и прокимна «возносите Господа Бога». Другая часть надписи на продольной перекладине состоит из букв, из которых часто одна также повторяется рядом по 2 и по 3 раза, напр., гww, вvv, waa, rccc и пр. Трудно сказать представляют ли эти буквы какую либо тайнопись (криптографию) или же это просто инициалы изречений, ставившиеся в старину на придорожных крестах, в роде напр., бббб = бич Божий биет бесы.
- 252 - „Новгор. Еп. Вед.“ 1898, №11.
- 253 - Плащаница эта небольших размеров (1 арш. в длину и 11 вер. в ширину), шита шелком и серебром по голубому атласу.

По краям ее вышита по-гречески песнь: „Ангельский собор удивися“, а по средине изображение положения Спасителя во гроб и надпись: Ο ο επιταφιος θρηνος* (надгробный плач), внизу под этим изображением вышита поклонившаяся до земли фигура жертвователя и по сторонам ее надпись: μνησθητι κυριε της ψυχης του δούλου σου Μανουηλ ιερέως του Αμπαρατοπουλου* (помяни, Господи, душу раба твоего иерея Мануила Амбаратопуло), А. Н. Муравьев относит эту плащаницу к 1650 году, но неизвестно, на каком основании. Русская Фиваида, с. 384. Кто был иерей Амбаратопуло, упоминается ли он, и когда именно, в числе греков, приезжавших в Россию, об этом, может быть, известно нашим византологам. Упомянем здесь кстати о находящейся в Ферапонтове большой серебряной лжице с латинской надписью Ave Maria. Лжица эта круглая, величиной с десертную ложку; упомянутая надпись вырезано готическим шрифтом на рукояти, концом которой служит изображение руки, держащей шар. Неизвестно, откуда эта лжица попала в Ферапонтов, но в тамошней церкви она и доселе находится в употреблении.* Должно писаться так: Ο ἐπιτάφιος θρῆνος и μνήσθητι κύριε τῆς ψυχῆς τοῦ δούλου σοῦ Μανουὴλ ιερέως τοῦ Αμπαρατοπούλου – Редакция Азбуки веры.

254 - «Вестник И. Геогр. Общества». 1854 г.

255 - Проф. прот. П. Ф. Николаевский. Жизнь Никона, с. 69.

256 - Там же, с. 54.

257 - Там же, с. 55.

258 - В начале настоящего века были еще целы многие монастырские постройки. См. Описание монастыря в И. Р. I. VI, 853–855.

259 - Проф. Н. В. Покровский. Древности Костромского Ипатьевского монастыря. „Вестник Археологии и Истории“. 1885 г. IV, стр. 33, 34.

260 - Найден среди старого хлама в 1874 году. Сделан из холста (6 вершков в длину и ширину) и имеет следующую надпись: „Освятился олтарь Господа Бога и Спаса нашего И. Х. в церкви святого и славного пророка Илии. Священа бысть церковь сия в лето 7143 года индикта 3 июля 20 при

благоверном Царе и великому князю Михаиле Феодоровиче всея Русии при митрополите Варлааме ростовском и ярославском“.

261 - „Вест. И. Р. Геогр. Общества“. 1854.

262 - Эта гора замечательна и в ботаническом отношении: на южных склонах ее можно встретить молодые дубки, которых совсем нет в окружающей местности. Здесь, по-видимому, можно предполагать северную границу дуба.

263 - Так как Ферапонтов Белозерский монастырь известен главным образом как место ссылки патриарха Никона, то в дополнение к выше изложенному очерку этой древней обители мы нашли уместным привести здесь особый очерк, посвященный изображению обстоятельств ссылки знаменитого патриарха на Белоозеро и жизни его в заточении. Обзор обширной литературы о п. Никоне и различных до противоположности мнений и взглядов на эту замечательную личность, одну из самых крупных и оригинальных личностей в нашей русской истории, сделан проф. В. Иконниковым в статье: „Новые материалы и труды о п. Никоне“. „Киевские Универс. Известия“ за 1888 г. №6. Жизни Никона в ссылке посвящено в нашей литературе специальное исследование проф. Прот. П. Ф. Николаевского под заглавием: „Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на московском соборе 1666 года. Историческое исследование по неизданным документам подлинного следственного дела п. Никона“ („Христ. Чт.“ за 1886 г. и отд. Оттиск). Часть документов, которыми пользовался П. Ф. Николаевский, именно документы московской Синодальной библиотеки, издана в 1897 году Археографической Комиссией под заглавием: „Дело о патриархе Никоне“. Спб. 1897. В архиве Кирилло-белозерского монастыря хранилось много документов, относившихся к жизни Никона в ссылке, но они теперь похищены и известны только благодаря описанию их в статье архим. Варлаама: „О пребывании п. Никона в заточении в Ферапонтове и Кириллове-белозерских монастырях“ („Чт. Общ. Ист. и Древностей“ за 1858 г.). Некоторые оставшиеся документы были описаны архим. Иаковом (Древн. М. археол. Общества т. VIII, 1880). В самое последнее время местный исследователь Кирилло-белозерской старины Н. П. Успенский, занимаясь

разборкою и описанием монастырского архива, нашел много данных относительно содержания п. Никона в ссылке.

Результаты этих изысканий были любезно сообщены нам автором и ныне напечатаны им в „Христианском Чтении“.

Несколько мелких черт, характеризующих хозяйственную сторону жизни Никона в Ферапонтове, удалось нам встретить в приходо-расходных книгах Ферапонтова монастыря за 1672–73 год.

²⁶⁴ - Так называет Никона английский ученый Стэнли (Stanley) в своей любопытной характеристике знаменитого патриарха. «Чрез всю глубокую мглу, которая лежит над ним, говорит между прочим Стэнли, можно однако же разглядеть оригинальный характер человека, соединяющего с своеенравным упрямством переросшего избалованного ребенка редкий юмор и неутомимую энергию западного политика». См. Иконников, 42.

Другой английский ученый – известный Вильям Пальмер положительно преклоняется пред личностью и характером патриарха Никона. Заинтересовавшись личностью Никона, он посвятил многие годы на собирание и изучение материалов о нем и издал результаты своих трудов в 6 больших томах под общим заглавием „Патриарх и Царь“ („The Patriarch and the Tsar“. By Will. Palmer. London 1871–76, 6 vols.).

²⁶⁵ - Н. И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПБ. 1886, II, 303. „Никон вообще пользовался уважением в Малороссии“, которая, благодаря именно его настоянию, была принята царем в подданство вопреки советам недальновидных политиков–бояр. См. [С. Михайловский]. Жизнь св. п. Никона. М. 1878. Стр. 189–145.

²⁶⁶ - Эта последняя литургия, совершенная п. Никоном, была по его приказанию пропета певчими на любимом им греческом языке („греческими глаголы, согласием Киевским“). Шушерин. Известие о жизни п. Никона. М. 1871 г. стр. 54.

²⁶⁷ - Об одностороннем освещении обстоятельств суда над Никоном в истории Соловьева (XI т.) см. замечания других исследователей – проф. Субботина и Гиббенета. Пользуясь большим количеством материала, последний нередко отмечает далеко не беспристрастное отношение Соловьева к Никону.

268 - Записи соборных рассуждений в разных редакциях – краткой и пространной см. в исследовании Н. Гиббенета о деле п. Никона (СПБ. 1884, часть II, стр. 996–1099).

269 - Шушерин (65–67).

270 - См. Соборное постановление у Гиббенета. II, 1093–1097.

271 - Любопытно припомнить судьбу главных судей Никона, клявшихся в своем нелицеприятии страшным судом Божиим. Восточные патриархи по возвращении домой были повешены султаном за то, что без его позволения ездили в Россию. Привезенная ими милостыня была взята турками, а их тела подверглись позорному поруганию. Более или менее печальная участь постигла и некоторых других иерархов, судивших Никона [См. С. Михайловский]. Жизнь св. п. Никона. М. 1878 г., 280.

272 - „Да с ним Никоном с Москвы поехали два попа черных Памвода Паладей, да два дьякона черных, Исаия да Маркел да простой старец Флавиан, да два человека белцов: Клинского уезду села Завидова дьячек Таракса Матвеев, да Ярославского уезду села Вяцкого Ипатко Михайлов“... Дело о п. Никоне №77.

273 - Дело о п. Никоне. Изд. Арх. Комиссии. СПБ. 1897. №74.

274 - ...и главу его ко оному древу приторгше, рассказывает Шушерин, и едва особ не отторгше, и от того убо ударения Святейший Патриарх прият немалую язву“. Стр. 79.

275 - Шушерин, 80.

276 - Дело о п. Никоне №78. 1666 г. декабря 28. Сказка бывшего патриаршего поддиакона Ивана Васильева.

277 - Шушерин, стр. 81.

278 - См. напр. Дополн. к Акт. Ист. №№ 1, 118. Последняя грамота была дана им из Воскресенского монастыря в 1662 году по поводу ссоры ферапонтовского келаря Корнилия с кирилловскими монахами. Никон запрещал последним притеснять братию и крестьян Ферапонтовой обители: „А что старец Корнилий своровал, писал патриарх, и вам до него дело – с ним и знайтесь, а место свято, и игумен с братией пред вами ничем не повинны“.

279 - См. это письмо царя у арх. Аполлоса в приложении к его книге „Начертание жития и деяний Никона“. М. 1845, стр. 120, 121.

280 - См. Расходную книгу митрополита Новгородского Никона. Временник Импер. Моск. Общества истории и древностей российских 1852, XIII стр. 53. „Июня в 25 день в Ферапонтове монастыре куплено двести ложек красных корелчатых с костми – дано рубль шесть алтын четыре деньги, за десять по два алтына“.

281 - См. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским, в полном переводе с арабского Г. Муркоса – в Чт. И. О. Ист. и Др. за 1897 и 1898 год. Здесь можно встретить много интересных замечаний о блеске и могуществе патриарха Никона в период его управления русскою церковью. „Как нам случалось видеть, замечает наблюдательный Павел, государственные вельможи вообще не чувствуют особенного страха пред царем и не боятся его, а наверно патриарха больше боятся. Предшественники патриарха Никона никогда не занимались государственными делами, но этот патриарх благодаря своему проницательному острому уму и знаниям, искусен во всех отраслях дел духовных, государственных и мирских, так как он был женат и на опыте ознакомился с мирскими делами“... (выпуск III, стр. 159). Любовь царя и царицы к нему неописуема (стр. 48).

282 - Дело о п. Никоне №77.

283 - Дело о п. Никоне, № 76.

284 - Чт. О. Ист. 1858, III, 149.

285 - Шушерин, 82.

286 - Письмо Никона к царю 1673 г. см. П. Ф. Николаевский, 15.

287 - Об этом письме упоминает Шушерин (стр. 82), который мог иметь под рукою все письма Никона в Воскресенский монастырь, когда писал свое „Известие о житии Никона“.

288 - Соловьев XI, 376. Суровый и неосторожный патриарх в это время позволял себе писать царю в таком резком тоне, что

легко мог накликать на себя жестокую беду. Но „тишайший“ боялся угроз патриарха и тем больше стремился получить от него прощение.

289 - Печерский архимандрит Иосиф был вызван из Ферапонтова как можно догадываться, вследствие какой-то челобитной, поданной им государю: в черновом отпуске грамоты к нему патриарха Иоасафа первоначально стояли слова: „В нынешнем 175 году бил ты челом великому государю“, но эти слова были потом зачернены. См. дело о п. Никоне № 80. Инструкции относительно наблюдения за Никоном, данные новоспасскому архимандриту Иоасафу, буквально теже, какие были даны его предшественнику. См. там же № 81.

290 - Шушерин, 82.

291 - „Подавать“, т. е. милостыни или приношения, которые как видно, получал опальный патриарх от сочувствовавших ему лиц.

292 - Письмо Никона к царю в марте 1673 г. См. П. Ф. Николаевский, 44, 45, 17.

293 - См. письмо Никона у Соловьева XI. 386. Ср. Шушерин, 83: „сам дрова ношаše и по воду на езеро хождаše“.

294 - По Пушерину (стр. 85) царь послал Никону 1000 рублей, по другим данным – 700: лично ему 500 р. и 200 р. на живущих с ним старцев (Соловьев, XI. 381). Никон, приняв милостыню, денег старцам на руки не выдавал и когда иером. Палладий, вернувшись к этому времени из Москвы, стал выражать неудовольствие поэтому поводу, Никон велел прогнать его из Ферапонтова.

295 - Соловьев XI, 377.

296 - Шушерин, 83, 84.

297 - Чт. Общ. Ист. 1858, III, 150.

298 - Там же 138, 150–158.

299 - См. донесение Наумова у П. Ф. Николаевского, 25.

300 - Напр. роспись посланная им в феврале 1668 г. озаглавлена так: „Роспись седящему во тме и сени смертней окованному нищетою и железом смиренному Никону милостью Божией патриарху“. Чт. О. Ист. 145.

301 - Дело о п. Никоне № 100 стр. 345, 374. У Шушерина эта надпись приводится в несколько ином виде: „Никон, Божиею милостию патриарх, постави сей крест Господень и т. д. (стр. 88).

302 - Размеры острова указаны у Шушерина (стр. 88). В настоящее время вокруг острова образовалась отмель, поросшая травой и тростником, благодаря чему остров увеличился в размере и представляется с берега в виде длинной узкой мели (см. рис. 20). На острове нет теперь ни креста, ни какого-либо другого памятника. Подъезжая к нему на лодке, можно чрез прозрачную воду рассмотреть на дне озера гряду камней, которая тянется от острова к берегу. Не хотел ли Никон соединить свой островок с берегом каменной грядой по примеру подобных сооружений в Соловецком монастыре? Такие сооружения Никон мог задумывать особенно в последние годы своей жизни в Ферапонтове, когда он располагал большими материальными средствами и множеством рабочих.

303 - Шушерин, 87.

304 - Дело о п. Никоне № 87.

305 - См. это письмо у Соловьева XI, 379, 380.

306 - Это письмо, вероятно, было отправлено Никоном с стрелецким головою Андреем Веригиным, который приезжал в Ферапонтов „для государевых великих и страшных дел“ и уехал оттуда до 21 октября, забрав с собою в Москву одного старца. Чт. Общ. Ист. 153.

307 - Соловьев, XI, 382.

308 - Чт. Общ. Ист. 153.

309 - Николаевский, 31.

310 - Соловьев, XI, 383.

311 - См. у Гиббенета II, 1116. „Буди царю совершеннейший, писал патриарх, милость имей всегда с тобою, ...раздая к требующим ...от них же един есть и много пренебрегомый Никон; довольно, довольно, царю милостивейший изгнание толикое, и да приведеши его молим тя, в монастырь свой; довлеет едину наказанию сослание, не стужай вяще, молю, Бога, оставляя такого достойного человека в толикое великое пренебрежение, приведи, царю, крещаго благословенных отрасли твоих, ни ни

ленися, молю тя, о царю, вяще токмо елико скорость подай
свобождение Никону, да приидет в монастырь свой, яко да
радуется и вся вселенная, яже скорбит о нем“.

312 - Соловьев XI, 434.

313 - По сообщению Виркгарта. См. Рущинский. Религиозный
быт рус. XVI–XVIII в. М. 1871, стр. 158.

314 - См. Николаевский, 42.

315 - Вот напр. характерный для того времени случай. В 1672
году черный поп Кирилло-белозерского монастыря Иван подал
архиепископу Симону известную членобитную на старца Виталия в
том, что этот старец, служил на Волге в шайке Разина и, придя
оттуда в Кириллов, звал с собою на Вологду его, попа Ивана.
См. Летопись занятий Археогр. Комиссии 1861, вып. I, Протоколы
стр. 32.

316 - Чт. Общ. Ист. 154.

317 - Там же, 155, 156.

318 - Там же, 153–157.

319 - Письмо Никона царю в марте 1872 года, см. у
Николаевского 45, примеч.

320 - Там же.

321 - Эту болезнь Никона арх. Варлаам отнес к 10 дек. 1670
года (Чт. Общ. Ист. 148), между тем как из другого места его
статьи ясно, что отписка Наумова отмечена была 10 дек. 7178
(1669) г. ср. 156.

322 - «Я у вас государей не наемник, писал после Никон
царю, за вашу милость должен и так Бога молить, как и молю...
по государыне царице во всю Четыредесятницу псалтырь и канон
пел и поминаю до днесь не забытно». Письмо Никона царю в
декабре 1671 г. см. у Соловьева XI, 387.

323 - Соловьев, XI, 390.

324 - Там же 387.

325 - Шушерин, 90.

326 - См. Николаевский 36, 37.

327 - См. это письмо у Соловьева XI, 384–387.

328 - Оно сполна приведено у П. Ф. Николаевского, 44–46 примеч.

329 - Николаевский, 47.

330 - Чт. Общ. Ист. 160.

331 - Чт. Общ. Ист. 157, 158.

332 - Николаевский 69.

333 - Чт. Общ. Ист. 150.

334 - Там же 142.

335 - Николаевский, 55.

336 - Шушерин, 86.

337 - Дело о п. Никоне № 94 стр. 349.

338 - Николаевский, 82, 83.

339 - Опись утвари, пожалованной царем Алексеем Михайловичем для Богоявленской церкви, см. в Чг. Общ. Ист. 167, ср. „Дело о п. Никоне“ №112, стр. 147. Здесь упоминаются серебрянные золоченые сосуды и дорогие облачения из золотного бархату с серебряными пуговицами. В 1683 году вся эта утварь была увезена в Воскресенский монастырь в церковь Иоанна Предтечи, где погребен Никон.

340 - „Дело о п. Никоне“ №100, стр. 371.

341 - Там же №94 стр. 350. Ср. Шушерин, 83.

342 - Вот наиболее замечательные книги, которые в разное время требовал себе Никон для домашнего чтения: „Евангелие воскресное толковое, торжественник постный, Ефрем с Лествицею, Григорий Богослов, летописцы: греческий, киевский и русский, Библия, Беседы евангельские, Апостол толковый, Псалтиль толковый большой „перевода Максима Грека“, Хронограф, Никон великий, Соборник цветный, Маргарит“. См. Чт. Общ. Ист. 142, 143. При описи имущества Никона в 1676 году у него оказалось не менее 50 разных богослужебных и других книг. Между прочим упоминаются книги: „Григория Анзианзина, Григория Чудотворца, Исаака Сир이나, Василия Великого, две книги Жезл Правления, Библия литовской печати и какая-то „книжица в коже, на греческом языце, в четверть“. См. Дело о п. Никоне №105, стр. 387, 388.

343 - Шушерин, 87.

344 - Донесение царю пристава Шайсупова 1674 года. См. Николаевский, 72.

345 - Соловьев XI, 471.

346 - Письмо Никона царю в мае 1672 г. См. Николаевский, 51.

347 - Чт. О. Ист. 143.

348 - Приходо-расходные книги Ферапонтова монастыря за 1673–4 год: «1юня в 19 день святейшему Никону патриарху продано десять концов мереж неводных – взято два рубли три тцать алтын денги платил келейной ево черной дьякон Марьдарей» Рк. л. 9; „августа в 6 день продано из казны святейшему Никону патриарху три мережи переводные-взято три тцать три алтына“, л. 10.

349 - Дело о п. Никоне №102.

350 - Там же №113.

351 - Чт. Общ. Ист. 154.

352 - Осенью 1676 года в пустоши Лещеве было вымолочено 7 четвертей с осьминой ржи и 8 четв. пшеницы. Дело о п. Никоне №113.

353 - Приходо-расходные книги Ф. м. за 1673–4 г.; „апреля в 24 день пожаловал святейший Никон патриарх: прислал в казну три рубли денег с слугой Гаврилом Никифоровым за пустошь Рогозинино, что отдана ему на четыре года, в том и даная дана“. Ркп. л. 7.

354 - Дело о п. Никоне № 104, 110.

355 - Там же №102.

356 - Дело о п. Никоне № 105, стр. 403, 404.

357 - Там же №100, стр. 375–376. Ср. записи в приходо-расходных книгах Ф. м. за 1674 г. „июня в 20 день игумен Афонасей (и) келарь старец Пафнотей з братиею, приговоря на соборе, продали с конюшенного двора мерина новочищена вороново святейшему Никону патриарху, взято за него десять рублей. В 26 день продано ему ж святейшему Никону патриарху два жеребчика пегие да кобылка, все три лонщаны (ср. местное доселе употребляемое слово лонишний – прошлогодний), взято десять рублей“. Ркп. л. 9.

358 - Шушерин, 49–50. Даже ожесточенные противники Никона признавали его выдающуюся щедрость, хотя, конечно, толковали ее по своему. „...В окно из палаты нищим деньги бросает, писал о нем протопоп Аввакум, едучи по пути нищим золотые мечет. А мир-от слепой хвалит: государь, такой-сякой, миленькой, не бывал такой от века!.. Слово в слово таков-то и антихрист будет“. См. П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. Спб. 1898, стр. 27.

359 - См. восемь заемных росписок (кабал) в описи его имущества в 1676 г. Дело о п. Никоне №105, стр. 897.

360 - Там же №100, стр. 372.

361 - Дело о п. Никоне №100, стр. 373; №94, стр. 348.

362 - Николаевский, 110 прим. В библиотеке Никона были и другие лечебники. „Дохтурская книга – это перевод Анатомии известного Андрея Вессалия. См. Иконников, 97.

363 - Никон посыпал к Самойлу „травы добить из оптеки чечуйныя... и как строить роспись взять“, Самойло посыпал к патриарху своего человека Томаска „с белою малиною, да с разными семенами, да с душистым деревом“. См. Гиббенет, ч. II, стр. 980.

364 - Дело о. п. Никоне №100, стр. 377, 378.

365 - Г. Есипов. Люди старого века. Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии. Спб. 1880. „Березка и Кораблик“, стр. 94–125.

366 - Дело о п. Никоне №100, стр. 376.

367 - Донесение пристава Шайсупова. См. Николаевский, 54.

368 - Дело о п. Никоне №100, стр. 373.

369 - См. Николаевский, 109.

370 - Записи эти изданы г. Белокуровым в „Чтениях Имп. Общ. Истории и Древностей“ за 1887 г. кн. I.

371 - Вот для примера одна такая запись: „(184 года) генваря в 20 день. Белозерского уезду с устья Шексны реки Кириллова монастыря села Великоселья христианин (крестьянин) Тарасий Иосифов болен был трясавицею, роспух что бочка; молитвы говорены, стал здрав“. „Из Суждаля Покровского девичья монастыря вотчины Белозерского уезду села Ухтомы

крестьянина Семена Емельянова жена Дарья Артемьева дочь больна была тридцать пять лет галицкою болезнью, всякими голосы кричала; молитвы говорены и елеем святым помазана, здрава стала". Там же стр. 98, 99.

372 - См. П. Ф. Николаевский, 58. Опись была сделана 17 июня строителем Кириллова монастыря Исаией по указу архиепископа вологодского Симона. Экземпляр ее сохранился в архиве, Кириллобелозерского монастыря (№108 по нумерации Н. П. Успенского) и, по нашему мнению, заслуживал бы издания в качестве церковно-археологического материала.

373 - Николаевский, 62.

374 - Коврижки с орлами (гербами), литые сахарные фигуры и разные слости были в старину необходимой принадлежностью царских родинных столов и тем знатным лицам, которые почему-либо не могли быть на пику, присыпались на дом. См. И. Е. Забелин. Опыты изучения русских древностей, ч. I, стр. 5–6. Так как эти изделия тогдашнего кондитерского искусства могли при пересылке их в Ферапонтов изломаться и зачертить, то их велено было приготовить пред самым Ферапонтовым монастырем, не доезжая верст 5–6. Для этого послан был из Москвы особый повар со всеми необходимыми принадлежностями, отпущенными из аптекарского приказа. Николаевский, 63.

375 - См. эту роспись у Соловьева, XI, 472 прим. Велено было давать в год, между прочим, 15 ведер вина церковного, 10 ведер романеи, 10 ведер ренского, 10 пуд патоки на мед, 30 пуд меду сырцу, 20 ведер малины на мед, 10 ведер вишен на мед и разных съестных запасов в большом количестве, напр. рыбы разного рода, икры 30 пудов, по 50 п. масла конопляного и коровьего, 100 п. соли, 10000 яиц, чесноку, грибов, репы по 10 четвертей, 300 лимонов и мн. др. Значительно убавив количество некоторых припасов, Никон включил в роспись следующие припасы: 4 п. воску, $\frac{1}{2}$ п. ладону, 1 пуд семги, 6 четв. снетков, 20 п. хмелю, 150 судаков и язей, 500 свечей сальных.

376 - См. „Вологодские Еп. Ведомости“ 1867 г. №4 прибавл. стр. 109–119. „Нечто для биографии п. Никона“ на основании

документов из архива Спасоприлуцкого монастыря (сообщение Н. И. Суворова).

377 - Николаевский, 56.

378 - Там же, 61, 66.

379 - Приходорасходные кн. Ф. м. За 1673–74 г. (рк.). См. выше стр. 95, прим.

380 - Николаевский, стр. 56, 70, 72, 83.

381 - См. Шушерин, 88: „иже последи бысть ему духовник“ Собственно духовником Никона был назначен кирилловский архимандрит Никита, но в последние годы он, по словам Никона, перестал к нему ездить. Дело о п. Никоне №100, стр. 373.

382 - Чт. О. Ист. 158, 159.

383 - Шушерин, 89. „и в некое убо время по обычаю своему упився у приставника и учини досаждение велие святейшему патриарху и братии, овым досадительным и песским своим бреханием, овых же дерзновением рук своих оскорби“.

384 - П. С. Смирнов. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПБ. 1898 стр. CXIV, 21.

385 - Николаевский, 69.

386 - Дело о п. Никоне №109 стр. 408.

387 - Сообщение Н. П. Успенского на основании документов в архиве Кириллобелозерского монастыря.

388 - Вологодские Еп. Вед. №1867 №4 стр. 119.

389 - Дело о п. Никоне №94 стр. 349. Место этих келий Никона в настоящее время трудно указать с точностью. См. об этом выше стр. 115, 116.

390 - „Вол. Еп. Вед.“ стр. 116.

391 - Там же 115.

392 - Николаевский 82, 86.

393 - Припомним, что еще в 1663 году, когда опальный патриарх жил в Воскресенском монастыре, стрельцы Савина монастыря, приставленные к нему „для обереганья“, во время его выходов в церковь шли впереди его „с батошками против царского чину“. Бояре, присланные к Никону, не без злорадства объявили ему тогда, от имени царя, что „делать так ему не

довелось“ и велели переменить стрельцов. Никон отвечал, что он стрельцов „с батошками пред собою ходить не заставливал, а ходили они перед ним собою, почитая его архиерейство“.

Гиббенет II, 626.

394 - Николаевский. 73.

395 - Там же, 87.

396 - „Был он у меня, писал Никон царю об Иоакиме в 1671 г., в Воскресенском и в Иверском монастырях строителем долгое время и не считан, а как захотел я его считать, то он ушел в Москву, добрыми людьми тебе одобрен и ты начал жаловать его знать“. Соловьев, XI, 385. В 1673 году Никон просил государя о том, чтобы „новгородскому митрополиту (которым был тогда Иоаким) Иверского монастыря не ведать“, в виду расхищения монастырской казны и имущества. Николаевский 62.

397 - Соловьев, XI, 470, Николаевский 77, 78.

398 - См. этот указ в Акт. Арх. Эксп. IV, №201.

399 - Чт. Общ. Ист. 164, 165.

400 - Соловьев, XI, 391.

401 - Николаевский, 86.

402 - Соловьев, XI, 471, Николаевский, 82.

403 - Николаевский, 84.

404 - Соловьев XI, 474.

405 - Дело о патриархе Никоне №91. Кирилловский архимандрит Никита, по словам Никона, говорил также его старцам, „что де Никон к великому государю ни пишет, и у них Кирилловских про то про все есть ведомость“. Патриарх Иоаким в январе 1676 г. поручил архимандриту Прилуцкого монастыря Исаии допросить Кирилловских властей по этой жалобе Никона. Последние на допросе показывали, что никому таких речей они не говорили и никакого бунту не было, а монах Никон гневался на них за то, что они «сверх великого государя указу и росписей, по отпискам ево, потреб давать и многою хоромного строения строить у него не учали». См. Дело о патриархе Никоне №92.

406 - См. Соловьев. XI, 475. С Кириллова было положено брать 819 рублей, с Прилуцкого 106, Каменного 88,

Устьшексинского 94, Новоезерского 61, Никитского и Благовещенского по 31, Корнильева 55, Павлова 54.

407 - Будущий тестя Петра Великого, отец первой его супруги Евдокии Феодоровны.

408 - В своей так называемой духовной грамоте, которая по тогдашнему обычаю читалась при погребении, царь Алексей Михайлович писал: „от отца моего духовного великого господина святейшего Никона иерарха и блаженного пастыря – и аще и не есть ныне на престоле – прощения прошу и разрешения“. Нужно однако заметить, что подлинность этой грамоты подвергается сомнению учеными исследователями. См. у Иконникова, 37.

409 - Шушерин, 91.

410 - Свящ. П. Смирнов. Иоаким патриарх Московский. Москва. 1881 стр. 52.

411 - См. Соловьев. XIII стр. 244.

412 - Дело о п. Никоне №94, стр. 349, №100 стр. 872.

413 - Дело о п. Никоне №94, стр. 344.

414 - Там же, 345–348, 350.

415 - См. П. Ф. Николаевский, 93.

416 - Дело о п. Никоне №94 стр. 359.

417 - Там же №№ 95, 96.

418 - Шушерин, 92.

419 - Дело о п. Никоне №100.

420 - Николаевский, 106.

421 - В записях лиц, лечившихся у Никона действительно значится в январе 1675 г. Ферапонтовский служка Иван Кривозубов, который „бесовской шум слышал и хотели задушить; молитвы говорены, стал здрав“. И. Игнатий Башковский, так охуждавший лечебное искусство Никона, сам же обращался к нему за помощью для своей малолетней дочери Марии, которая потом выздоровела. См. Чт. Общ. Ист. 1887, I, 94, 95.

422 - До некоторой степени Никон был прав в своем заявлении, хотя ревность его к чистоте православия в данном случае едва ли можно назвать уместною. Правда жития и чудеса преп. Ферапонта и Мартиниана не были «свидетельствованы» на

соборе 1547 года, так как они не попали на этот собор, но они были рассмотрены митрополитом Макарием на одном из последующих соборов, где и было дано благословение праздновать этим двум белозерским угодникам. О недоумениях относительно канонизации пр. Ферапонта и Мартиниана см. выше.

423 - Дело о п. Никоне №94 стр. 357.

424 - Шушерин, 92.

425 - Дело о п. Никоне №95 стр. 363.

426 - Там же №100, стр. 375.

427 - Там же, №100, стр. 377, 378.

428 - Опись келейной утвари и имущества Никона, сданных под росписку кирилловскому казначею старцу Павлу Кикину, напечатана в „Деле о п. Никоне“ и занимает здесь 18 страниц (386–404). Наряду с вещами ценностями сюда в беспорядке внесена всякая мелочь и рухлядь, напр. „косарь, чем лучину щеплют“ или „кузов с лоскутишком ветхим“. Из этой подробной описи можно видеть, что Никон под конец своего пребывания в Ферапонтове был обставлен даже с роскошью. Так, у него была соболья шуба, „крытая камкою чешуйчатой“, и соболий треух, роскошные перчатки („рукавицы перещатыя с кистьми серебряными, низаны по местам жемчугом, подложены атласом лазоревым“), несколько бархатных ряс и тафтяных (шелковых) кафтанов, много разных дорогих материй и мехов – все это, вероятно, подарки от царской семьи. Денег в наличности оказалось 1000 рублей: „в кованой скрыне в десяти мешках по сту рублей“. Запасы медов, вин, сластей и разных припасов были сделаны в большом количестве. Напр. „шесть кадей меду а в них по смете пуд сорок, 7 ведер ренского, ведро романеи, бочка меду малиноваго, 20 ведер меду белово, 15 ведер вина церковнаго, несколько бочек пива разных сортов, бочки морошки, смородины, яблоков, вишень и арбузов в патоке и мн. др. В числе утвари упоминаются серебряные вещи: солонки, кунган, рукомойник и пр., а также следующие заслуживающие внимания предметы: несколько очков, зеркало, часы столовые, трубка смотрительная, шляпа немецкая подложена крашенной, пищаль, бердыш, пара попорченных пистолей, два рога и кувшин

склянишной с порохом. Любопытно, что обвинение в стрельбе из пищали было оставлено Никоном без возражения.

429 - Следует однако заметить, что ферапонтовские монахи в своих жалобах на убытки монастыря от пребывания в нем Никона, по-видимому, были не совсем справедливы. Так они, между прочим, повторили в своей росписи счет прежнего игумена Афанасия (Николаевский, 120 пр.), в свое время документально опровергнутый Никоном. Очевидно, что они не боялись теперь новых обличений со стороны заключенного в Кириллове Никона. Заявление их о недодаче Никоном денег из подрядной платы за постройку келий также возбуждает сомнение относительно их количества. Монахи говорили, что они платили плотникам деньги из монастырской казны и с крестьян. Но откуда они могли набрать такую большую по тому времени сумму денег (631 р. 7 алт.), когда известно, что „крестьянишки их обнищали до конца“, а монастырская казна часто была совсем пуста и сам казначей занимал деньги у того же Никона (см. выше)? С другой стороны из описи имущества Никона видно, что у него в кладовой было около 19 пудов олова и 175 листов железа, которых для собственных нужд ему покупать было не зачем, а о присылке колокола в монастырь он просил государя в челобитной (см. Николаевский, 82) и следовательно, намеревался выполнить свои обязательства пред монастырем. Притязание ферапонтовских монахов на денежную казну Никона, по-видимому, не было уважено и в последующих челобитных они его уже не повторяют.

430 - Дело о п. Никоне №№ 104, 109.

431 - Там же, №110.

432 - Там же, №111.

433 - Там же, №112, 118.

434 - Чт. О. Ист. 166.

435 - Древности. Труды Моск. Арх. Общества. VIII, 1880 стр.

153.

436 - См. проф. Н. К. Никольский. Кириллобелозерский монастырь. I 286 пр.

437 - „Новг. Еп. Вед.“ 1898, стр. 244.

438 - Чт. О. Ист. 149 прим.

439 - Там же, 134, 135.

440 - См. А. Н. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. СПБ. 1855, стр. 209, 210 и арх. Иаков, Труды М. Арх. Общества. VIII, 1880, стр. 143, 144.

441 - А. Н. Муравьев, а за ним и покойный Кирилловский архимандрит Иаков, принимали за несомненное, что этот каменный корпус есть именно то здание, в котором жил п. Никон. Но им тогда не было известно, что Матвеевские кельи были деревянные. См. их описание в деле о п. Никоне №107.

442 - Дело о п. Никоне №113 стр. 419.

443 - Шушерин, 93.

444 - См. этот указ у архим. Аполлоса „Начертание жития Никона“ изд. 4 М. 1845. стр. 154.

445 - См. их отписку у Муравьева и арх. Иакова (Труды М. Арх. Общ. VIII).

446 - См. их роспись в „Деле о п. Никоне“ № 108.

447 - Там же, №94, стр. 358.

448 - Сообщение Н. П. Успенского.

449 - „От вещей же келейных не даша ему и нужных потреб“ сообщает Шушерин стр. 93. Список выданных Никону вещей см. в „Деле о п. Никоне“ №106. Из книг выданы были только две псалтири с восследованием, да Библия литовской печати, из одежды – две суконных рясы и три кафтана и т. д.

450 - Шушерин, 93.

451 - „Дело о п. Никоне“ №94, стр. 358.

452 - П. Ф. Николаевский, стр. 123.

453 - Сообщение, Н. П. Успенского на основании житенных Кириллова монастыря. Вот для примера записи из этих 1680 г.: ноября в 24 день по приказу государя отца архимандр(?) выдано голубей кормить овса четь с осьминою. 1681 г.: марта в 25 день выдано лебедям овса три четверика.

454 - Николаевский, 124, 125.

455 - Чт. О. Ист. 133, 166.

456 - Сообщение Н. П. Успенского (из приходо-расходных книг Кириллова монастыря).

457 - Чт. О. Ист. 130 прим.

458 - См. это прошение у Шушерина, 96, 97, и архим. Аполлоса 155–158.

459 - Татищев. Рос. Ист. ч. I, стр. 573. См. свящ. Смирнов. Иоаким п. московский. М. 1881, стр. 62. Это известие Татищев повторяет и в другом сочинении: „Разговор двух приятелей о пользе науки и училищ“, но здесь он говорит, что исполнению плана помешала смерть Никона. Чт. О. Ист. 1887, I, стр. 59.

460 - См. это письмо у П. О. Николаевского. 128.

461 - Там же: 127, 128.

462 - См. у Шушерина, 100, 101.

463 - Шушерин, 105.

464 - Шушерин, 111.

465 - Записи чудес при гробе Никона см. в Чт. О. Ист. 1887, I.

466 - См. А. А. Навроцкий. „Русская Старина“ 1884 г. август. 255–270.

467 - П. Ф. Николаевский, 140.